

Рессентиментный национализм

Проблема социального воображения как условие аналитической работы. Необходимость общей рамки понимания текущих процессов.

2014 год останется в новейшей истории России отмеченным не просто многообразием событий (их явно было больше, чем в любой другой год последнего десятилетия, включая и кризисные 2008–2009 гг.¹), но и тем, что политики и комментаторы из разных лагерей стараются придать им некий общий смысл, подчинив их интерпретацию единой логике происходящего (подчас прямо противоположной по характеру). До последнего времени вопрос о сути происходящего не возникал: усиление авторитаризма заставляло политологов гадать о том, как долго путинский режим сможет протянуть, занимаясь лишь перераспределением нефтегазовой ренты и игнорируя потребности остальной части экономики и модернизации страны в целом. Сегодня ситуация другая. Совершенно очевидна общая потребность выявить не просто закономерности путинского периода, но и поставить его в общий контекст эволюции постсоветского социума. Отчасти это действительно может служить симптомом предвосхищения конца эпохи, но лишь отчасти. Более

серьезные — и притом политически практические — мотивы понять, «что такое сегодняшняя Россия», заключаются в серьезной тревоге, которую вызывает у соседних стран растущая «иррациональность» (непредсказуемость, «упрямство») действий кремлевского руководства в условиях кризиса российской экономики («Прижатый к стенке Путин становится опасным»²). Поэтому отдельные события воспринимаются как символически нагруженные, как бы «сами собой» встающие в общую цепь причинно-следственных зависимостей. Уже сегодня статус самых важных из них поднят до «поворотных», «определяющих судьбу России» на ближайшие десятилетия, как это было относительно путча 1991 или подавления антиельцинского мятежа в октябре 1993 г., повлекшем за собой оправдание насилия в решении политических проблем, войну в Чечне, обозначило реванш консерваторов и закрепление авторитарного режима в 2002–2004 годах. Подкрепляется такая потребность в истолковании, с одной стороны, самой неопределенностью ближайшего будущего, а с другой — экстраординарными явлениями массового возбуждения,

¹ Вся совокупность событий этого года можно разбить на несколько категорий: 1) связанные с крахом режима Януковича в Украине и антиукраинской политикой российского руководства (антимайданская пропаганда в январе–марте, аннексия Крыма, сопровождаемая патриотической демагогией и консолидацией населения вокруг режима, сбитый малайзийский Боинг, моральную ответственность за катастрофу которого мировое сообщество возложило на Россию), смена руководства Украины, ее новый, прозападный и антипутинский курс; 2) западные и ответные путинские санкции, вызвавшие стремительный рост потребительских цен, международная изоляция России, превращение ее в страну-изгоя; 3) падение цен на нефть, нарастание симптомов экономического кризиса (стагфляция, декабрьский обвал рубля), ожидаемое банкротство регионов; 4) меры по защите режима (новые антидемократические законы, продолжающиеся репрессии и судебные процессы против оппозиции, выдавливание из публичного поля независимых организаций гражданского общества и СМИ, издевательский приговор братьям Навальным, проект «закона Роттенберга»), наконец, всякого рода акций против «либерастов», шум вокруг победы на «Евровидении» Кончиты Вурст и проч.; 5) продолжение демонстрации в стилистике «Великая держава» — «Олимпиада» в Сочи, беспрецедентная по своим затратам и коррупционным скандалам, 6) теракты на Кавказе, нападения боевиков в Грозном и ответные действия Кадырова, разрывающие правовое поле России и т.п.

² См., например: Пресса Британии: трещины в имперской мечте Путина // Русская служба BBC. Обзор британской прессы от 9 января 2015 г. — <https://news.mail.ru/politics/20679664/>. Хотя угрозы нанести ядерные удары по западным странам исходят от депутатов, имеющих репутацию политических шутов, или от третьестепенных фигур в окружении Путина, тем не менее, сама по себе такая манера поведения «государственных лиц», немислимая ранее, говорит о том, что риски радикализации конфликта России с мировым сообществом развитых стран очень выросли. Для серьезного аналитика проблемой становится ограниченность его собственного социального и политического воображения, обусловленная самой его причастностью к современной культуре, то есть безусловной значимостью ценностей всех тех, кто ориентируется на нормы либерально-правового мышления и рациональности, присущей цивилизации, учитывающей опыт тоталитаризма, Второй мировой войны, гуманитарных катастроф первой половины XX века и более поздних геноцидов. Дело даже не в отсутствии понятийных средств анализа, а в ценностно-моральных нормах, блокирующих для такого типа сознания саму мысль о возможности стратегий поведения, которые вполне релевантны или органичны, «естественны» для диктатора. В определенном плане даже не так уж важно — действительно ли подобный фюрер или национальный лидер слепо верит в свою удачу, будучи по природе своей игроком (а значит — шантажистом), или он ведет себя так потому, что теряет голову от страха, когда ему мерещится призрак Чаушеку или Каддафи.

националистической эйфории после Крыма, одобрения власти после явного долготелетнего снижения ее авторитета. Признаки такой консолидации были столь очевидны (чем бы они не вызывались — массовой пропагандой и манипулированием общественным мнением или инерцией имперских и советских представлений населения), что это были вынуждены признать даже те демагоги, кто ранее обвиняли социологов в подтасовке данных массовых опросов¹.

Сегодня многие обозреватели как в самой России, так и за рубежом говорят о «кризисе режима» или приближающемся конце путинского правления. Последнее, конечно, не исключено, но оснований для такого «окончательного диагноза» пока явно маловато. Всегда остаются сомнения в том, что такие констатации суть не более чем выражение иллюзий либералов, их самонадеянности или политического солипсизма. Но даже если принять этот вариант как весьма вероятный сценарий обозримого будущего, то все равно «конец» не означает, что уход Путина (вместе со своим окружением) будет равносителен переходу к демократии и к правовому государству. Можно согласиться с теми, кто говорит о том, что попытки нынешних руководителей государства найти выход из углубляющегося кризиса, вызванного их же собственным неэффективным управлением, оборачиваются лишь нагромождением негативных последствий, усиливающих общий дисбаланс в стране. Они переводят частные социальные дисфункции в системные и общеполитические, с течением времени ведущие к настоящему параличу государства и экономики (как это было во второй половине 1980-х годов). Но предстоящий паралич власти сам по себе не тождествен либерализации российского политического устройства или победе демократов в общественном мнении. Речь может идти лишь об исчерпании нефтегазовых ресурсов данной системы, что не то же самое, что и ресурсы массовой поддержки или легитимности власти. В любом случае потенциал власти или потенциал массовых выступлений против власти (границы терпения и признания) представляется весьма дискуссионным вопросом.

Резкое обострение общей ситуации в России в 2014 году и признаки приближающегося крупномасштабного финансового кризиса ста-

вят перед социальными учеными множество вопросов, на которые вряд ли стоит ждать ответов в ближайшее время. В лучшем положении оказываются экономисты, указывающие на последствия политики руководства страны, проводившейся на протяжении многих лет², в худшем — политологи и социологи, уклоняющиеся от интерпретации социальных процессов в постсоветское время и ограничивающиеся лишь анализом и комментариями текущих событий.

Бедность социологического воображения в нашей стране и используемых средств объяснения (понимания) обусловлена более сложными причинами, нежели ограниченные индивидуальные способности тех или иных политологов или комментаторов. Вопрос в социальной обусловленности знания, потребности в знании реальности, порождающей ответные необходимые усилия в разработке интеллектуальной техники понимания, описания, объяснения. Социология как наука сама по себе гораздо сложнее, чем структура российского общества, в целом абсолютно равнодушного и инертного в отношении знания о себе. Как известно, социология родилась в силу потребности объяснения непонятных, совершенно новых явлений и отношений, возникших в пространстве больших городов, в процессах модернизации европейских стран в конце XIX века. Первые социологи (ставшие классиками) были маргиналами размывающегося привилегированного сословия, буржуазии, в том числе — и «буржуазии образования» (Вебер, Маркс или Теннис, Дюркгейм и другие), ищущие ответа на принципиально новые вопросы, поставленные социальными проблемами. В советское время запрос на социологию был связан с необходимостью оптимизации государственного управления и идеологической

¹ Это не изменило их общей установки («не верю я в эти 85%»), но все же вызвало какое-то смутное беспокойство относительно «иррациональности» происходящего, не соотносимое, впрочем, ими с их собственными аналитическими или когнитивными компетенциями.

² См., например, *Иноземцев В.* Что Россия сделала с нефтью? Что России делать с нефтью? // *Ведомости*, 16.12.2014 и 22.12.2014. — <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/37645191/chto-rossii-delat-s-neftyu>; Как пишут А.Кудрин и Е.Гурвич (Новая модель роста для российской экономики // *Вопросы экономики*, 2014, №12, с 4-36), «проблемы, определяющие торможение российской экономики, носят хронический характер. <...> Фундаментальная причина — слабость рыночной среды, обусловленная в первую очередь доминированием государственных и квазигосударственных компаний, имеющих искаженную мотивацию по сравнению с обычной рыночной логикой и «неформальные» отношения с государством. <...> Нет шансов на выход российской экономики из стагнации без создания новой модели роста. Меры, которые обсуждаются или реализуются сегодня, не соответствуют масштабам проблем, стоящих перед российской экономикой» (с. 33). Система держится исключительно на перераспределении нефтегазовой ренты и других сырьевых ресурсов. Исчезли стимулы к развитию (сокращению издержек, рационализации производства), и у бизнеса, и у чиновников преобладает ориентация исключительно на освоение казенных денег.

пропаганды, таким он во многом остается и сегодня: если не считать маркетинга, то основные представления о социологических исследованиях сводятся к «электоральным опросам», что редуцирует саму дисциплину до обслуживания власти или ее оппонентов. И знак идеологических симпатий или антипатий ничего не меняет в убожестве и примитивности социального воображения образованной части нашего общества. Различий в понимании социальной природы нашего человека у кремлевских политтехнологов или у их оппонентов, демократов, практически нет. Отсутствие интереса к человеку в этом обществе отражает структуру общества. Этим социология отличается от российской экономической науки, где есть запрос на реальное знание, серьезный интерес к реальным отношениям в разных сегментах, поскольку этот интерес детерминирован практической значимостью знаний о транзакциях, обменных отношениях, хозяйственных, экономических мотивах поведения различных групп. Во многих аспектах именно среди экономистов ставятся те проблемы (вынужденным образом), которые не ставят социологи, соответственно, давая неадекватные действительности решения (чаще всего — экономизируя и излишне инструментализируя человеческое поведение, недооценивая символический и культурный план человеческого сознания).

Бедность социального воображения есть отражение «неинтересности» нас друг для друга, что само по себе должно было бы рассматриваться как результат деятельности институтов насилия, определенной структуры институтов власти, организации общественной жизни, постоянных усилий государственной власти по упрощению способов социального человеческого взаимодействия, а стало быть — систематического обесценивания человека, девальвации Другого. Отчасти — это эффект тотальной принудительной бюрократизации социума (нивелирования отношений социального и культурного неравенства и разнообразия, как об этом писал Макс Вебер¹), отчасти — следствие тоталитарного (или еще более раннего — крепостного) наследия России. Но по отношению к отечественной социологии (тем более, к политологии) это обстоятельство (отсутствие интереса к реальности, к обычным людям) проявляется как стремление подогнать объяснение

под готовый ответ — под схемы интерпретации, представленные в университетских учебниках по социологии. Иными словами, ориентированность на внешние критерии оценки исследовательской работы отражают не только зависимый от государства и потому неискоренимо провинциальный характер российской социологии, но и отсутствие собственных, внутридисциплинарных познавательных интересов и критериев значимости научной работы.

Возможность адекватного понимания современных процессов требует определенной дистанции — исторической и понятийной — для оценки и анализа, интерпретации ускоряющихся событий, возможности учета их взаимосвязи и резонанса. Мне представляется, что такая возможность открывается с использованием концепции тоталитаризма в качестве общей рамки интерпретации, точнее — разложения тоталитарного режима. Такой угол зрения переводит все современные события в другой масштаб и плоскость изменений, связывая актуальные действия с механизмами воспроизводства сложившейся структуры отношений, организации повседневной жизни основной массы населения. Это медленный процесс, захватывающий по времени несколько поколений, протекающий в виде неравнозначных и разнонаправленных институциональных изменений в разных сегментах социальной системы. Подобные модификации институтов, имеющие неоднозначный, в том числе — рецессивный, характер, могут провоцировать как частные прогрессивные сдвиги, так и явления деградации, в свою очередь, блокирующие в отдаленном будущем возможность модернизационной эволюции. Так, изменения в базовых институтах власти и ее опорных структурах отражаются на интеллектуальном и моральном состоянии образованного слоя, вынужденного обслуживать режим, а потому — приспосабливаться к ее требованиям ценой утраты своего статуса, независимости, авторитета. Но не только интеллектуалы зависят от институтов, которые для своего функционирования требуют высококачественной профессиональной экспертизы, разработок, подготовки кадров управленцев и т.п. От устойчивости повседневных рамок существования зависят и другие группы, которые напрямую не связаны с властью, более того — те, кого мало интересуют проблемы прав человека, свободы, административный произвол, если он только не касается напрямую их самих.

Следует принять во внимание, что после ликвидации слабых зародышевых институтов

¹ Weber M. Die legale Herrschaft mit bürokratischem Verwaltungsstab. — In: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft, Grundriss der verstehenden Soziologie. Bd. 1, Kap. III., Tübingen, J.C.D. Mohr (Paul Siebeck), 5. Aufl., 1972, S. 124-130.

демократии в России (и замены их в середине 2000-х на структуры «управляемой» или «суверенной демократии») политика как область открытой конкуренции политических партий и определения целей общественного движения, достижения желаемых результатов деградировала и фактически запрещена, будучи подмененной разного рода суррогатными образованиями и имитациями. С установлением жесткой и действенной неформальной цензуры публичные дискуссии о партийных программах, социальных проблемах, целях и характере государственной политики полностью прекратились, вместо них телевидение заполняет эфирную пустоту разного рода отражениями власти, саморекламой власти, являя населению образ заботливого и умелого начальства, череду щедринских помпадуrows. Общество оказалось окончательно отделено от механизмов принятия государственных и политических решений и контроля за их осуществлением. Для общества с подавленной сферой политики, представительства групповых интересов, механизмов определения будущего (структуры политического целеполагания), а именно таким и является российское общество при Путине, отказавшееся от участия в политике, сдавшее свои права авторитарному режиму в обмен на «гарантии» существования, значение повседневности чрезвычайно велико: повседневная жизнь определяет рамки возможного («чтобы не хуже») и его конформизм и горизонт возможного как практически желаемого выступает средством противоядия против избыточных мечтаний обывателя¹.

Процессы деградации и утраты управляемости захватывают самые разные стороны общественной жизни России — экономику, внешнюю и внутреннюю политику, культуру, социальную сферу (пенсии и здравоохранение) и т.п. Режим, по мнению многих обозревателей, неадекватно реагирует на обостряющиеся проблемы, возникающие в самых разных сферах — все равно будь то коррупция, рост ксенофобии, общая деморализация и деградация страны. И это ведет к тому, что частные дисфункции переносятся на более высокий уровень, порождая в свою очередь кризис общесистемного

¹ Приведу одну цитату из Я.Щепанского, которую мне когда-то очень давно уже приходилось приводить: «Повседневность ... есть санкция величию и одновременно его тест на выживаемость, его проверка. Революция становится тем, что из нее делает повседневность. Повседневность — окончательная кухня истории». — *Sczepanski J. Reflexion über das Alltägliche // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. Opladen, 1979, Sonderheft #20, S.322.*

характера. Так, пытаясь подавить недовольство и протесты городского класса, дискредитировавшая себя власть вынуждена блокировать и остановить модернизацию институциональной системы (суда, партийной конкуренции, свободы СМИ и т.п.), тем самым ускоряя приближение катастрофы в экономике, с одной стороны, провоцируя негативную консолидацию общества, а с другой — международную изоляцию России.

Дефицит легитимности заставляет нынешний режим (основной смысл которого и самопонимание своей роли и предназначения его лидеров — рутинизация краха тоталитарной системы) искать ресурсы для массовой поддержки в обращении к суррогатам идеологии групп, уже сошедших с политической сцены: идеологии социально-политического консерватизма, псевдотрадиционализма, догматического православия, показавших свое убожество и непродуктивность еще в конце XIX — начале XX века. Все усилия кремлевских (и массы околоскремлевских, ждущих одобрения власти) политтехнологов заключаются в том, чтобы подавить любые возможности рационализации и моральной переработки тоталитарного прошлого. Они ведут к лицемерию и вытеснению социальной проблематики в системе образования, стерильности школьной и университетской этики, деградации всей системы социокультурного воспроизводства, становящейся все более заметной, но в публичной сфере принимающей вид бессмысленных споров о ЕГЭ. Еще очевиднее эти процессы проявляются в смысловом пространстве современной русской литературы, по существу потерявшей читателя (объем читательской аудитории, в сравнении с поздним советским временем, сократился в несколько раз²). Массового читателя можно понять: современная премиальная литература — это плохая литература (в разных смыслах), представляющая собой либо сплошное нытье на неудавшуюся жизнь (Р. Сенчин, оба А. Ивановы — екатеринбуржец и «эстонец», Д. Данилов, Ю. Буйда и очень длинный ряд лауреатов «Русского Буккера», «Нацбеста», «Большой книги» и т.п.), либо социальный сатанизм и китч (Сорокин, Елизаров, Прилепин, Пелевин, и проч., и проч.). Поэтому потеря интереса к самоописаниям аномичного и дезориентированного сознания (фактически никому не нужного, даже самим себе, если исхо-

² Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Вестник общественного мнения, 2008, №6 (98), с. 30-52

доть из буквального содержания текстов¹) слоя маргиналов, утративших вместе с интеллигентской культурой свое место и чувство предназначения, легко объяснима. Труднее оценить отдаленные последствия такого положения дел — без системы социокультурного воспроизводства, ориентированной на высокие образцы идеализма, не имеет смысла даже надеяться на появление хотя бы идеи, самостоятельного и ответственного индивида, не говоря уже о реальном существовании и действии людей с чувством собственного достоинства, а значит — и стремления к свободе, то есть к отстаиванию своих прав (собственности, информации, вероисповедания, эстетических пристрастий и т.п.). Поэтому дефицит ценностей (дефицит личности) восполняется через этос «потребительского общества», со своей стороны порождая обоснованные подозрения в справедливости и достоинствах этого типа социальной гратификации. Сомнения, что характер потребления может быть эквивалентен «заслуге», достоинству, обусловлены чувством несправедливости действующей в путинской России системы распределения, отражающей не столько индивидуальные усилия и качество достижений (профессиональных, предпринимательских, человеческих), сколько близость к источникам административной ренты и наличие привилегий в распределении².

Причины массового консерватизма заключаются не в традиционализме как таковом, а в отсутствии представлений о том, каким должно и каким будет будущее страны в среднесрочной и дальней перспективе, что заставляет большую часть населения упорно держаться за настоящее, оценивая его исключительно с точки зрения вчерашнего прошлого (то есть, отталкиваясь в своих ориентациях и жизненных стратегиях от «худшего»)³. Ригидность (что точнее

в плане дефиниций, чем консерватизм) российского массового сознания — производная характеристика, следствие опыта выживания в условиях искусственной безальтернативности тактик поведения. Отсутствие выбора есть результат используемых авторитарным режимом технологий господства, целенаправленной социальной политики государства, не контролируемого населением и, следовательно, не испытывающего ответственности за свои действия. Фактически это приспособление к политическому, законодательному и экономическому произволу власти. Подавление политической конкуренции, систематическим образом проводимое кремлевской администрацией, начиная с 2001-2002 года, сопровождалось тихой реабилитацией советского прошлого и возвращением многих советских мифов и представлений.

Симптоматика «исчезновения будущего» указывает на отсутствие идеализма (значимость понятий более высокого уровня, нежели собственно потребительское существование), крайне необходимого фермента в жизнедеятельности современного, то есть непрерывно развивающегося общества. Без него не происходит осмысления новых явлений и процессов в посткоммунистическом обществе, все новое воспринимается и осознается через сетку старых или квазитрадиционных категорий и понятий (геополитики, племенной или великодержавной этики, изоляционизма, антизападничества и т.п.). Возникающие нетривиальные явления и социальные механизмы организации общества, прежде всего — формирование потребительского общества при архаической системе государственного патернализма, не могут быть осмыслены или хотя бы фиксированы в массовом сознании. Для этого даже у «культурной» или «интеллектуальной элиты» нет ни языка, ни средств социальной маркировки или рационализации. В таких ус-

¹ См., например, повести Д. Данилова. Черный и зеленый (2004), Горизонтальное положение (2011).

² Карен Давиши ("Putin's Kleptocracy – Who Owns Russia?"), характеризуя нынешний режим в России, называет его преимущественно «клерокапиталистическим», поскольку его особенность заключается в том, что опора власти Путина — «друзья», «теневой кабинет», «Политбюро-2», руководство крупнейших госкорпораций, «кооператив "Озеро"» или как-то иначе именуемые сращения силовых или финансовых группировок в окружении «национального лидера» — систематическим образом используют доступ к казне, к бюджету, перекладывая свои издержки на государство, а прибыль — приватизируют. - <http://www.svoboda.org/content/article/25423647.html>

³ Традиционная культура разрушена в ходе социальных катастроф, потрясавших Россию весь XX век, начиная с первой мировой и гражданской войн, но особенно — в 1930-40-е годы советского тоталитаризма (террор, коллективизация, ГУЛАГовская индустриализация, принудительное идеологическое «воспитание» и борьба с религией и

пережитками прошлого). Об отсутствии спроса на религиозный фундаментализм говорит то, что несмотря на номинально очень высокий авторитет церкви, большая часть россиян против вмешательства РПЦ в частную повседневную жизнь. Более того, большинство продолжает, как и в советское время, настаивать на том, что церковь должна быть отделена от государства (в среднем так устойчиво считают 56-57%), за «симфоническое слияние» церкви и государства выступают 30% респондентов. Апелляции к традиционализму представляют собой попытки кремлевских политехнологов создать идеологический эквивалент утраченной единой государственной идеологии советского времени. Пока, как показывают социологические исследования, эти усилия не приносят желаемого результата, но по мере усиления репрессивной политики и все более жесткой пропаганды шансы на закрепление в массовом сознании основных постулатов этой новой идеологии будут повышаться.

ловиях обеднение угнетенной символической сферы (аморализм, игра на циническом понижении представлений о человеке, незаинтересованности в других) оказывается основным ресурсом и тактикой власти.¹ Поэтому в массовом сознании действует максима «понижающей адаптации»: ориентироваться не на что-то лучшее, а стараться не потерять то, что уже есть. Сохранение советских ценностных представлений обусловлено всем институциональным контекстом существования, и не в последнюю очередь — мало меняющимся характером работы репродуктивных и образовательных институтов, рутинным воспроизводством предшествующих, советских культурных и символических ресурсов коллективной идентичности. А это значит — сохранением характера и способов социализации новых поколений.²

Поэтому результатом такой идеологической политики мог быть лишь подъем аморфных и резидуальных представлений, оставшихся в массовой памяти от предыдущих эпох. Характерно, что начавшееся доминирование массовой и потребительской культуры стало в таких условиях катализатором консерватизма, который неизбежно принимал черты рутинного национализма и размытого патернализма. Рассмотрим это подробнее.

1. Идеологические основания путинского консерватизма

Своеобразие современного русского национализма заключается в том, что это — национализм массового ressentimenta, выросшего из травматического переживания тотального кризиса 1990-х годов. «Тотального» в том смысле, что он захватил не только сферу экономики (резкое и продолжительное падение уровня жизни, закрытие предприятий или массовые неоплаченные отпуска, безработица, многомесячные задержки зарплат и т.п.), но и всю институциональную систему советского «общества-государства» — организацию власти управления, судопроизводства и права, культуры, стратификации и т.п. Распад советского порядка стал причиной обширных аномических процессов и длительного состояния массовой дезориентации, фрустрации и потери коллективной

идентичности. Можно привести в качестве примера не только общий развал государственной планово-распределительной экономики, вызвавший смену (чаще даже снижение) социального положения, но также и утрату символической сопричастности к «Великой державе» и порождаемого этим сознанием превосходства над другими людьми и странами в силу идеологической миссии коммунистической империи и ее военной мощи.³

Само по себе идеально-типическое понятие «национализм», если взять сухой остаток различных определений, предполагает лишь признаки массовой веры в единство общего происхождения (М. Вебер), представленные в мифах, исторической беллетристике, в метафорах исторической «памяти» или «исторического наследия», якобы общего для всех членов национальной общности. Эта вера поддерживается и воспроизводится благодаря коллективным (государственным, прежде всего) ритуалам и социальным практикам, а значит — посредством принятых техник социализации, обеспечиваемых функционированием образовательных учреждений (поддержанию нормативного состава литературного языка и литературной культуры — «классики», преподаванию истории и обществознанию) и других социальных институтов (армии, пропаганды, СМИ, религиозных организаций и т.п.).

Как логическая конструкция понятие национализма достаточно «пустое» (это — «концептуальный туман» или «концептуальная трясина», по выражению К. Гирца⁴), что позволяет нагружать его любыми значениями коллективности, которые вкладывают в него социальные акторы при апелляции к символическим значениям «национальности» и всегда с учетом перспективы других действующих лиц — как своих союзников, так и оппонентов, включая и воображаемых персонажей (например, «врагов», «союзников», «друзей»). В различных контекстах («дискурсах») это понятие обычно наполняется смыслами, привносимыми членами группы, идентифицирующих себя как общность по этническим признакам и всегда только в соответствии с определенными соци-

¹ Гудков Л. Человек в неморальном пространстве // Вестник общественного мнения, 2013, № 3-4, с.

² Зоркая Н. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации // Вестник общественного мнения, 2008, №4 (96), с. 44-77; Она же. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение // Мониторинг общественного мнения, 2001, №2, с. 22-30.

³ Это, конечно, не единственный семантический мотив в самоопределениях людей по «национальности», но он, в качестве регулятивного принципа в объяснении русского (=российского) национализма, позволяет объединять и синтезировать многообразные проявления и идеологические течения, имеющие место в сегодняшней России, как соподчиненные или функционально взаимосвязанные.

⁴ Geertz C. A Contemporary Critique of Historical Materialism — In: Nation-State and Violence, Cambridge, 1985, p. 119; см. также — Национализм в мировой истории, М., Наука, 2007, с. 23

альными интересами группы: борьбы за статус в иерархии, за общественное или государственное признание, за участие в распределении материальных или идеальных символических благ (казенных или иных доходов, привилегий, льгот, чести, превосходства, силы, благородства, «культурности» и проч.). Тематика национального всегда окрашена борьбой с другими реальными или воображаемыми акторами за престиж, авторитет, власть, социальные позиции, за ресурсы или их защитой, стремлением к достижению идеальных целей, мобилизацией своих сторонников и дискредитацией противников и т.п.

Решающим элементом конструкций национализма следует считать институциональную базу «общности происхождения»: общность может быть представлена *структурами общества* (этнической, конфессиональной, территориальной и т.п. общины или негосударственными организациями гражданского общества) или *структурами государства*. Последнее принципиально меняет националистическую идеологию, поскольку придает ей статус государственной принадлежности (подданства, гражданства), защищенной от критики и изменений силой легального принуждения к ее принятию. Поэтому борьба за институционализацию (правовое закрепление особенности национальной принадлежности) обычно носит выраженно политический характер.

Общий тренд эволюции национальных представлений (как и многих других социальных определений и образцов) состоит в постепенном ослаблении аскриптивности в социальных характеристиках и усиливающейся универсализации значений, которые ранее считались «прирожденными», а потому — неизменными, то есть природными — такими, как этническая или расовая принадлежность, пол, статус в иерархии (принадлежность к аристократии)¹, в какой-то степени и религия, точнее — церковная или кастовая принад-

лежность. На протяжении XX века мы имеем дело с постепенным процессом перехода от этнического («примордиального») понимания национализма (единства по крови) к политическому национализму (единству граждан, открытой институциональной общности), то есть сдвига лояльности от одного типа общности (племенной, расовой, этнической, языковой, конфессиональной, локально-территориальной) к другой, предполагающей единство по универсалистским критериям общественной причастности (политической, государственно-правовой, культурной). Второе не обязательно вытесняет первое, а скорее надстраивается над отношениями первого порядка, дополняя чувство ответственности перед следующими поколениями специфическим комплексом переживаний и сантиментов престижа национальной общности как государства, замещающего прежнее понимание сословной или родовой чести, в некоторых случаях — идеологическим сознанием особой миссии своего «народа» (нации)². Политический национализм (общность происхождения равноправных граждан) невозможен без сложного и многообразного, дифференцированного «общества», «гражданского общества», то есть системы социальных связей, ассоциаций, объединений, союзов, основанных на солидарности акторов или общности их интересов, а значит не имеющих в своей основе, в качестве конституирующих, отношения господства и подчинения. А потому политический или гражданский национализм сам по себе уже является симптомом современного, то есть современного, состояния общества. Концептуальные двусмысленности возникают потому, что попадающие в поле внимание исследователей феномены модернизации и, соответственно, строительства национальных государств исходят как нормы интерпретации из первых теорий национализма, построенных на опыте европейских политических движений к национальному государству.

Положение этнической общности в закрытых и иерархических системах оказывалось равнозначным «сословному» со всеми сопутствующими значениями чести, благородства, превосходства или, напротив, лишенности ценности. Это была общность «низости», «подлости» и других подобных социальных маркеров, указывающих на ее низкий статус или занятия, которые вызывали у других групп презрение, страх, отчуждение, и порождающих

¹ Характерно, что претензии российских нуворишей или чекистов, ставших олигархами, на власть очень быстро начинали выражаться как требования признать их «благородство», принять в качестве «нового дворянства» или «благородного сословия». Отсюда берет начала путинский китч и имитация «большого стиля», даже не сталинского ампира, а дворцового барокко русских царей, потешных мундиров кремлевского почетного караула, конных разводов, парадных выездов и т.п. Конечно, это лишь метафоры, риторические приемы языка легитимации сомнительной власти, но именно это и важно принять во внимание. В этом плане любопытен обратный ход архаизации языка и ритуалов по сравнению со стилистикой политики и практики модернизации (инструментализм, лаконизм, хай-тек, открытость и публичность, демократизм и т.п.).

² Weber M. Nationalität und Kulturprestige. — In: Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Bd. 1, Kap. IV, Tübingen, 1972, S. 242-244.

у членов общности чувство коллективного унижения, подчиненности, иногда — несправедливости социального порядка. Соответственно, появление в публичном пространстве свидетельств подобных отношений может служить более адекватным признаком многослойности социальных структур, сочетания архаических и современных пластов регуляции, чем формальные характеристики государственных образований¹.

В случаях очень сильной дискриминации этнонациональной (или этноконфессиональной, этносословной) общности (абсолютной безнадежности положения группы, определенной по аскриптивным, то есть внешне приписываемым и не подлежащим изменению признакам, отсутствия каких-либо реальных перспектив улучшения положения группы) возникают утопические конструкции «национального» и, возможно, при некоторых обстоятельствах, эмансипационные идеологии нации, консолидация на основе идеи «освобождения» — от империи или другой угнетающей нации, доминирующей религии.

Напротив, закрепление господствующих позиций властвующей группы может обосновываться поддержкой подданных, апелляция к аморфной массе которых строится на мифологии «общности их происхождения» с властью предержавцами. Тем самым некоторые значения власти (приписываемые властью самой себе добродетели и достоинства — героизм, патриотизм, готовность к самопожертвованию, высокая нравственность, бескорыстие, духовность и т.п.) распространяются на всех подданных. Соответственно, придание символического статуса общности социально депрессивированных групп и тех, кто у власти, кто обладает ресурсами, благами, означает не просто постулирование их родственности (единства

¹ Так, погромы и межплеменная резня в Средней Азии (например, в Ферганской долине) или в Туве в конце 1980-х годов или на Кавказе (в Сумгаите), межэтнические столкновения (изгнание турков-месхетинцев в Грузии, столкновения между осетинами и ингушами в Пригородном районе, грузинами и абхазами, выдавливание русских из Чечни и т.п.) указывают на существование социальных симбиозов — рядковых институциональных структур, то есть сплетения как бы уже вполне «модерных», советских, формальных систем регуляции и отчасти архаических, отчасти совершенно новых, но партикуляристских и неформальных структур отношений, взрывающихся в какой-то момент из-за ослабления сдерживающих механизмов. И, напротив, отсутствие подобных столкновений в Прибалтике — при всей напряженности отношений между «титულიной» нацией и «понаехавшими» — может служить признаком более развитого, если не современного общества. — См., например, соответствующие разделы в кн.: Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. (Составитель и отв. редактор Э.Ян) в 3-х томах. Т.3. Национализм в национально-территориальных образованиях. М., РОССПЭН, 2010.

происхождения), но намек на обладание массами некоторыми частными привилегиями и преимуществами, претензиями на занятие некоторых социальных позиций (право на госслужбу, работу в правоохранительных органах или системе образования, продвижение по карьерной лестнице), или получение преференций при распределении социальных благ, (например, в социальном обеспечении или медицинском обслуживании, получении жилья, работы и проч.). Квалификация русских как «государствообразующего народа» может выступать как основание для претензий на получение дополнительных льгот или преимуществ, то есть быть маркером социального неравноправия в низовых слоях.

В этом случае интеграция целого строится на сознании угроз (внутренних или исходящих извне) положения членов общности, возможной апелляции к власти за защитой (восстановление справедливости) и необходимости ответной поддержки власти².

В любом случае только конкретизация латентных интересов «этнонациональной» или «национальной» группы может сделать доступным и понятным характер идеологического использования конструкции «национализма». Никакой же общей теории «национализма» не может быть создано, поскольку весь смысл концептуальной работы в сфере исследования национализма заключается в сравнительно-типологическом описании своеобразия того или иного проявления или вида «национального» (движения, идеологии, институциональных практик), отталкивающегося от генерализованного — и потому в эмпирическом плане непродуктивного — типа «национализма». Хотя сами по себе интегративные представления о коллективном целом лишены определенности, они служат условием для экспликации истории

² Без учета таких составляющих крайне сложно понять движения массовой ксенофобии в постсоветской России, в частности — мигрантофобию, агрессию в отношении кавказцев и т.п. Сложные по составу рессантиментные переживания населения — «понаехали тут», «в школах уже большинство нерусских детей», везде «засилье» кавказцев или азиатов, «они нас не уважают» и т.п. — порождены страхом утраты социальных возможностей (прав на получение социальных благ в системе распределительного государства), с одной стороны, и недовольством «бездействием властей», слабой защитой «коренного населения», с другой. Эти ожидания становятся особенно значимыми именно в настоящее время, когда реальные возможности государства, потенциал распределительной экономики заметно слабеют и у массы зависимого населения возникает тревога и беспокойства относительно того, что им достанется. Во всяком случае, государственный патернализм и ксенофобия (массовый или низовой национализм) соединяются здесь в одном комплексе неполноценности и агрессии. Можно сказать, что это две стороны одной медали.

ческого или политического «национального». Другими словами, конструкции коллективного целого могут быть развернуты в любом отношении, которые оказываются значимыми для институтов господства.

Поэтому эмпирическая типология национализмов требует учета идеологического или политического характера значений национального: здесь могут быть значимы моменты территориальной целостности, а это значит — скрытой апелляции к власти как силе, удерживающей единство регионального управления, государственного языка (культуры, истории, литературы), а значит — контроля в школах над подрастающим поколением и т.п. Национализм может быть *эмансипационным* (подчиненным в первую очередь требованиям гражданского общества, ориентированным на модель национального государства), соединяясь при этом с *идеологией модернизации*, либо, напротив, *защитным* и *компенсаторным* (подчиненным интересам правящего режима в сохранении сложившегося порядка, как в России, или каких-то радикальных групп, претендующих на власть, как это было в Германии или Италии, даже во Франции в 1920-1930-х годах)¹.

Для наших целей — анализа процессов в посткоммунистической России, другие страны здесь выступают лишь как основание для сравнения — нам в общем и целом достаточно такой дихотомии для первичной проработки эмпирического материала, получаемого в ходе социологических исследований общественного мнения.

В первом случае интересы коллективной консолидации предполагают освобождение этнонационального сообщества («народа», «нации») от империи или какой-то другой внешней силы, как это было в Восточной Европе в момент краха социализма или в короткий период распада СССР и «выхода» союзных республик из Союза или попыток автономных республик из РСФСР (Чечни, Татарстана); во втором — массовые интересы связаны с интересами сохранения патерналистского государства, с иллюзиями в отношении него.

Ключевые идеологические моменты современного русского национализма тесно связаны с травматическим переживанием краха СССР и поражения в холодной войне, утраты статуса супердержавы, занимавшим центральное место в структуре коллективной идентичности рус-

ских. Сознание принадлежности к огромной стране, одной из двух самых мощных в военном плане государств, которую «раньше все в мире боялись и уважали», восполняло у «маленького человека» никогда не проходящее чувство повседневно унижения, сознание хронической бедности, бесправия и зависимости от наглой и деспотической власти. В этом отношении русский национализм, как бы не различались его отдельные версии и течения, питается негативной энергией массового ressentimentа, с одной стороны, и коллективной фрустрации, с другой. Он лишен образов будущего, обращен в мифологизированное прошлое и занят преимущественно поиском внутренних и внешних врагов, виновников краха империи (второго на протяжении XX века), деградации страны, неудавшегося демократического транзита, незавершенной модернизации и т.п.

Идеология русского национализма представляет собой изживание навязчивых комплексов национальной неполноценности и болезненного переживания исторической драмы несостоявшегося национального государства. Эта идеология радикально отличается от задач национальной консолидации, коллективной мобилизации для освобождения от внешнего господства, как это было в странах Восточной и Центральной Европы. Русский национализм носит защитный, компенсаторный, утешительный характер, будучи «оборотной», теневой стороной слабеющего великодержавного сознания. Никаких целей развития он не выдвигает и выдвинуть не может. Такого рода идеологии активизируются всякий раз, когда разворачивается кризис политической системы, возникает проблема смены или переходного состояния власти, а значит — необходимость ее оправдания и легитимации. Самые влиятельные идеологические течения русского национализма выполняют чисто консервативную функцию — апологию наличной структуры господства, а не выработки политических целей национального развития². Смысловые основания прославления (или критики) власти могут радикально различаться между собой: от ностальгии по советскому коммунизму до блеска и величия бывшей российской империи, от мифов о расовом

¹ См., например, типологию национализмов у П.Олтера, построенную на различении двух основных видов идеологий: освободительного, рисорджименто, и интегрального, экспансионистского или реакционного. — *Alter P. Nationalism. L., 1989.*

² Интересно, что подобные идеологические взгляды стали заметны после первых признаков разочарования в реформах и падения популярности демократов, однако тогда мало кто, включая и автора, рассматривал их всерьез, полагая, что у подобной эклектики нет будущего. См. *Гудков Л. Амбиции и ressentiment идеологического провинциализма. (О монографии И.А.Есаулова. Категория соборности в русской литературе). // НЛО, 1998, № 31, с. 353-371.*

превосходстве русских до православного фундаментализма.

В новейшей истории России было четыре волны национализма, идеологические ресурсы которых используются путинскими пропагандистами и в настоящее время:

1) появление в начале 20 века первых русских националистических партий и движений, представивших философию русского национализма (после реформ Александра II и вызванных ими противоречий между архаической системой патримониального господства и быстрым развитием капитализма);

2) националистическая легитимация тоталитарного государства в 1930-40-х годах. Отказ от идей «перманентной мировой революции» и переход к «построению социализма в одной отдельной стране» означали своеобразную идеологию реставрации империи. Она была нужна Сталину для того, чтобы оправдать ликвидацию партийных функционеров предшествующего поколения («старых большевиков») и подкрепить институты господства апелляцией к дореволюционным традициям. Апогея эта политика достигла после Второй мировой войны в ходе кампании борьбы с космополитизмом, с западной культурой и воспитанием русско-советского патриотизма;

3) в эпоху брежневского «застоя», наступившего после свержения Хрущева, русский национализм стал постепенно приобретать характер полуофициальной идеологии. Коммунистическая идеология, окончательно дискредитированная хрущевскими реформами и подавлением Пражской весны, фактически умерла. Советское руководство от целей коммунистической экспансии перешло к задачам консервации советской системы (именно на этот период приходится время социализации нынешнего руководства России);

4) последняя волна русского национализма поднимается после прихода Путина к власти. Реформаторы и ориентированные на Европу либералы в правительстве вытесняются сотрудниками органов госбезопасности. Это время реванша советской номенклатуры за поражение в начале 90-х годов, восстановление, а затем — и закрепление господства антидемократической, антизападно настроенной бюрократии с характерной для нее идеологией «сильного государства» и приоритетом государственных интересов, осуждением «разгула демократии в 90-е годы» и западного либерализма.

Путинская идеология (восстановление морально-политического единства власти и на-

рода) сводится к следующим тезисам: «стабильность» (несменяемость власти), преодоление «хаоса», вызванного ельцинскими реформами, «традиционализм» или «возрождение Великой России», особый статус православия и его значение в деле «нравственного воспитания» общества, борьба с западным влиянием (на роль «агентов» которого кремлевские политтехнологи назначили организации гражданского общества и движения за правовое государство и права человека).

Признаки неотрадиционалистского поворота в политике Путина появились в 2004-2005 году, перед празднованием 60-летия Победы во Второй мировой войне, превратившемся в помпезный, растянутый на год церемониал государственного величия. Путин выразил его в своей мюнхенской речи в феврале 2007 года как принцип противостояния России и Запада, противоречия между США, «стремящихся к мировому господству», и возрождающейся, усиливающейся Россией, которую именно поэтому западный мир воспринимает как конкурента, которого стоит опасаться. Оборотный смысл этой мифологемы, определяющей направленность новой политики руководителей России, сводился к утверждению зоны особых приоритетных интересов России (все постсоветское пространство), что предполагало принятие системы защитных мер и изоляцию от вмешательства западных стран («экспорта демократий», утверждение принципа «многополярного мира»), свертывания курса на построение правового государства, приоритетность национального законодательства и ограниченный суверенитет международного права.

Оправдывающая эту политику национальная идеология представляла собой эклектическое смешение всех предшествующих обоснований русского национализма: реабилитация Сталина и советской государственной системы сочетается здесь с прославлением царских министров и генералов, усиление милитаристской риторики — с православием и цензурой в сфере культуры, СМИ, образования, историософии с запретом на критический анализ советского прошлого. Восстановление патриотической гордости — при отсутствии видимых достижений — могло происходить только за счет навязывания обществу представлений о враждебности окружающего мира. Населению, с одной стороны, постоянно внушалась мысль о том, что западные страны, в первую очередь США, стремятся ослабить Россию, расчленить ее, поставить под контроль ее сырьевые богатства,

что Запад — это исторический враг, насаждающий чуждую русской культуре мораль и идеологию либерализма, прав человека, разрушающий основы государственной солидарности. С другой — шло и идет непрерывное самовосхваление, подчеркиваются особые качества «духовности», «открытости», миролюбия и доброты русских. Тем самым проводится идея изоляционизма и «особого пути» развития России, отличного от западной модернизации, необходимости опоры на собственные силы, автономное развитие экономики.

Государственный патернализм как базовая структура постсоветского массового сознания

Внешняя политика — область наименее проблематизируемая массовым сознанием, не подлежащая даже номинальному контролю со стороны «общества». Другими словами, внешняя политика в России с точки зрения общественного мнения приобрела чисто символический¹ или церемониальный характер, став обязательным предметом всеобщей аккламации. Поэтому она (как и военная доктрина) полностью закрыта для рациональной дискуссии в обществе.

Внешняя политика квалифицируется либо как череда политических провалов (у Горбачева, у Ельцина), либо достижений — у Путина. Без переходов и аргументов. Само по себе такое восприятие какой-то области жизни указывает на «сверхценный» характер происходящих в ней событий, отсюда — невозможность спокойного и прагматического анализа, болезненная чувствительность к вопросам «представительства национальных интересов». Можно предположить, что особая важность этой тематики связана с тем, что других возможностей выразить значения «всего целого», национального единства, кроме как представив свою страну в борьбе с другими (соответственно, исходящих извне опасностей и угроз), нет. Точка зрения на коллективное целое семантически возможна лишь как точка зрения власти, руководства страны. В этом заключается суть идентификации «страна — власть», «Запад — Россия», «враг — “лишь бы не было войны”». Страна не существует как совокупность самодостаточных и достойных самих по себе граждан, а лишь как неопределенное множество подданных власти, обладающей полнотой самодостаточности, суверенитета.

¹ В семиотическом плане «символ» — это знак, управляющий другими знаками, то есть регулирующими или демонстративными действиями.

Частые споры по поводу того, движется ли Россия в сторону национального государства либо остается по преимуществу империей, довольно бессмысленны, поскольку схоластичны. Их суть — сведение своеобразия российской государственности к одному из общепринятых классификационных определений. Если же исходить из содержания массового сознания, стараясь выделить определяющие коллективные установки и конвенции относительно природы российского государства, то здесь доминантным признаком будет именно (ничем не обоснованное иным, кроме самого статуса государства), идея права на насилие, принуждение, сам акт которого определяет, конституирует, формирует значения подданного, гражданина, подчиненного, обывателя и только потом уже — в какой-то степени — человека, во всем зависящего от государства. «Национальность» здесь — не характеристика единицы из множества равнозначных субъектов, образующего все целое, а лишь маркировка принадлежности или отнесенности к одному из государственных таксономических классов обывателей, которые не могут сами по себе стать «политическим телом». Точно так же в понятии «империя» значимым и привлекательным остается только одна идея: это идея насилия, объединяющего все разнородные территории путем принуждения или завоевания, в ней нет других общих значений, кроме триумфа силы, права повелевания. Дело не в империи как конституционной форме государства или истории его возникновения, или в территориальном принципе организации и управления, а в принципе легитимности — суверенности субъектов насилия. Поэтому в российском контексте «национальное государство» — это синоним «государства подданных русской власти». В этом отношении оно имеет общее, взаимосвязанное или пересекающееся содержание с понятиями «патернализм», «национализм», «консерватизм», «империя», «Великая держава» и другими, аналогичными по функции. Правильнее было бы сказать, что у них у всех родство, общие корни или истоки, что они основаны на общей посылке: консолидация через насилие. Поэтому важнейший фактор национального или коллективного «единства» — это всегда объединение не «за», а «против».

В публичном поле могут быть представлены лишь успехи руководства страны, защищающего «национальные интересы России» (или — осуждение «преступных ошибок» предшествующего руководства — отдача Крыма, вывод

советских войск из Германии, «беловежский сговор» и проч.¹

Если внимательно посмотреть, очевидно, что суть этих «интересов» сводится к трем пунктам:

а) материальные интересы крупнейших корпораций, возглавляемых доверенными лицами из ближайшего окружения Путина (уравнивание интересов отдельных групп с интересами всего населения);

б) противодействие «экспансии Запада», в частности — расширения НАТО (подавление либеральных идей и ценностей демократии, международного права, прав человека, всего, что противостоит смысловым основаниям репрессивных режимов);

в) «обеспечение стабильности в многополярном мире» (то есть поддержка консервативных, авторитарных или антизападных режимов).

С приходом Путина к власти населению упорно навязывается мысль о спасительности возвращения к национальным традициям, к ценностям патриотизма. Пропаганда любые действия Путина подавала и интерпретировала как исключительный персональный успех «национального лидера», получавшего безусловное признание в мире. И такое положение остается вплоть до настоящего времени: область внешней политики признается всеми в стране, включая — что важно для понимания происходящего в России — и оппозиционных политиков, сферой наивысших достижений и успехов Путина. Он не добился серьезного прорыва в экономике; не смог решить по существу чеченскую проблему; провальной считается его борьба с коррупцией и преступностью; государство функционирует крайне неэффективно и т.п., но его международная политика, как признает российское общественное мнение, чрезвычайно результативна. Главное достижение здесь заключается в признании и восстановлении «авторитета России на международной арене»².

¹ Но никогда под такую характеристику не попадали ни Ялтинская конференция, ни пакт Молотова-Риббентропа и т.п. Попытки переоценки их сегодня законодательно квалифицируются как акты «фальсификации истории», а некоторые и как уголовные преступления, выражающиеся в пересмотре хода Второй войны и действий советского руководства.

² На вопрос: «В какой мере Вы согласны или не согласны с высказыванием «Люди должны поддерживать свою страну, даже если она неправа?» 49% ответили, что «согласны», 16% — «нет» (13% — «скорее не согласен» + 3% — «совершенно не согласен»), остальные (35%) предпочли уклониться от ответа или затруднились дать определенный ответ. Племенная солидарность, проявленная в этом примере большей частью населения, стерилизует и подавляет моральное сознание меньшинства.

Однако, несмотря на эти изменения (а может быть вследствие их) легитимность самого Путина, занявшего в третий раз, вопреки нормам Конституции РФ, пост президента, к этому моменту крайне ослабла: общество начинало уставать от него и требовать политических свобод, честных выборов, участия в политике новых людей, новых политических программ. Причины падения популярности «национального лидера» лишь косвенно связаны с путинской идеологией государственного национализма. Массовое недовольство было вызвано в первую очередь снижением уровня жизни после экономического кризиса 2008–2009 годов, сокращением социальных расходов государства и усилением бюрократического давления на бизнес и общественную жизнь, нарастанием коррупционных скандалов в высшем руководстве. Режим оказался не в состоянии отвечать на патерналистские ожидания своих подданных — гарантировать необходимый уровень существования (а это — основа легитимности авторитарного правления). Популярность Путина (его личный рейтинг) к осени 2013 года оказался в низшей точке за все годы его правления. Однако это общественное раздражение из-за подавленности общественной и политической жизни, цензуры в СМИ могло найти выход для себя лишь в разнообразных формах ксенофобии, достигшей самого высокого уровня за все годы социологического наблюдения.

Связь патернализма с национализмом не просто формальная (в смысле резкого упрощения конструкций реальности путем устранения, вытеснения представлений о структурно-функциональной дифференцированности общества), но и семантическая, содержательная: патернализм апеллирует к органическому стилю мышления³, к восприятию отношений людей с властью как квази-семейных, родственных, то есть как иерархии соподчинений отца и детей, авторитета и безусловного статуса главы дома или рода, признаваемого зависимыми, низшими членами семьи, его праве на принуждение в отношении всех «младших» или зависимых членов рода.

Патернализм постулирует неравноправие (несимметричность) отношений господства, зависимости подданных от власти, сохраняя

³ На существование сознания таких отношений указывает уже сама органическая метафорика: происхождения, рождения/смерти, любви/ненависти, здоровья/патологии (болезни), зрелости/незрелости, молодости/древности, своих/чужих, полноправных носителей культуры/неполноценных и т.п. Она включает модальность «естественности», очевидности, действительности, которые не требуют дополнительного обоснования или аргументации высказываемых суждений. Такого рода модальность высказываний носит характер аподиктичности, суггестии.

Таблица 1

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ НЕ СМОЖЕТ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ В РОССИИ ПРОЖИТЬ БЕЗ ПОСТОЯННОЙ ЗАБОТЫ, ОПЕКИ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА?¹ (в % от числа опрошенных)

Большинство...	1990 XII	1997 IV	2007 VII	2008 VII	2009 XI	2010 VIII	2011 XI	2012 VII	2013 X	2014 X
Сможет прожить без опеки государства	21	17	21	15	15	15	19	20	20	19
Не сможет прожить без опеки государства	62	72	74	81	80	77	75	76	70	74
Затрудняюсь ответить	17	11	5	4	5	8	6	4	10	7

Здесь и далее, если не указано иное, приводятся данные в процентах от числа опрошенных, N=1600

в качестве посылки потребность «заботы» власти о гражданах, без которой они не могут существовать, в которой нуждаются (табл. 1). Вместе с «заботой» вводится априорная антропологическая посылка о ценностной неполноте или ограниченной дееспособности частного человека и, напротив, превосходства и суверенитета власти (держателей власти, то есть круга или группы лиц, апроприирующих и приватизирующих все ресурсы государства — от средств насилия и принуждения до прав собственности и распоряжения над общим «богатством»). Государственный патернализм предполагает насилие и дополняет его функцию — ценностную дисквалификацию объекта насилия, проекцию на него представлений, отказывающих частному человеку, индивидуальности в ценности и значениях самодостаточности и автономности. Тем самым государственный патернализм (в разных его вариантах — от социализма до авторитаризма) апроприирует права на определение условий ограничения свободы и прав отдельного человека. Он устанавливает приоритетность потребностей и интересов целого над ценностями автономной субъективности (речь не только о налогах, но и о праве объявления войны или чрезвычайного положения, введения новых законов, ограничивающих пространство свободы граждан, доступность той или иной информации, образование, мобильность и многое прочее). Компенсируя эту неполноценность гордостью («честью») принадлежности к национальному целому патернализм в социальном отношении равнозначен снятию ответственности граждан и переносу ее (мотивации действия) на власть, включая и право на «определение реальности», речевые конструкции действительности, на которых строится пропаганда и манипуляция общественным мнением.

¹ Однако абсолютное большинство (от 56 до 65% в разные годы замеров) живут, «полагаясь только на самих себя и не рассчитывая на государство». Все приводимые здесь и ниже данные опросов общественного мнения, получены в ходе регулярных ежемесячных исследований Левада-центра, проведенных по общероссийской репрезентативной выборке (N=1600 человек 18 лет и старше).

Сдача субъективной ответственности обывателя государству одновременно задает и квази-персоналистического Другого, как союзника и партнера (Беларусь, Китай и т.п.), так и врага или чужого (США, Украину, Польшу, балтийские страны), в массовом сознании предстающие как антипод России, то есть как субъекты действия со своими желаниями, стремлениями, фобиями и т.п.

Другими словами, патерналистское сознание моделирует мир по образцу ослабленных или стертых традиционных или повседневных ролевых отношений в общине соседей, родственников, землячеств и т.п. неформализованных, несовременных образований. Это не только отношения людей с властью в узком смысле, это конструкция реальности, включающая все коллективные конструкции единства, общности, общего целого: они все подчинены основной идее государственной власти, заботящейся о народе, но «заботящейся» монополично, ни с кем не разделяя своего обладания средствами принуждения, то есть собственно инструментов власти. Причем власти, апроприирующей, оставляющей за собой право определять, что есть коллективное, целое, что есть право (легитимность и легальность), что есть национальное (опять-таки — «правильно национальное» и где границы этого «целого»).

Эффективность государственно-националистической демагогии заключается в том, что фокус идентичности все время переходит с одного «целого» на другое, с власти — на ее негативную проекцию: врагов, других, чужих, на необходимость защиты от других или сопротивления другим. Иными словами, консервативный национализм и авторитарный патернализм — это гомоморфные и гомологичные структуры сознания. Идеологические значения, подразумеваемые в латентных значениях того и другого, стерилизуют любые универалистские представления и регулятивные системы (такие как мораль, формальное право, в особенности — международное или основанное на принципах защиты прав человека, его собственности, свободы, де-

еспособности и т.п.). Напротив, постулируется и требуется максимальная лояльность к власти, к государству, претендующему на монопольное представительство значений всего целого.

Поэтому спорадически проявляемое недовольство и раздражение, вызываемое недовольственностью социальной политикой патерналистского государства, при неразвитой правовой и представительской структуре институтов общества ведет не к организованному политическому протесту, а к стойкому рессентименту в отношении власти (обиды на власть) и усилению механизмов негативной идентичности (значений внешних угроз, опасности, исходящей от чужих, отрицания или девальвации базовых ценностных представлений, образующих структуру национальной идентичности). Националистический рессентимент поэтому не просто теснейшим образом связан с госпатернализмом, а является другим выражением того же типа массового сознания.

Недовольство властью у большей части населения обнаруживается, главным образом, в социологических опросах, сохраняющих свой конфиденциальный и анонимный характер. Оно не проявляется в формах открытой публичной или политической деятельности по разным причинам — в силу покорности и страха, идущего от опыта выживания в тоталитарном и репрессивном государстве; привычной культуры двоемыслия и лицемерия; терпения и сознания безальтернативности своего положения, наследуемых от привычных тактик поведения по отношению к принудительным порядкам (колхозной жизни, паспортной системы, прописки, закрепления рабочих в советское время на производстве и т.п.).

Но зависимость от власти (при сохранении хронического недовольства ею в качестве частных субъектов, подданных) может принимать превращенную, положительную форму одобрения действующих порядков. Тогда власть (персонифицированная) становится символическим

выражением социального целого, которое обеспечивается патерналистским государством, а «дисциплина», принудительный «порядок», наличие «сильной руки» оправдываются «высшими интересами» - необходимостью сохранения авторитета Великой державы, интересами страны.

Хроническое сознание неполноценности, зависимости, унижения и порождаемого ими социального рессентимента в таких условиях снимается лишь общим чувством национального величия. От 70 до 80% считают себя патриотами России и гордятся тем, что живут в России¹. Гордость же нынешней Россией высказывают несколько меньшее число опрошенных: в среднем за десятилетие — 55% (что близко к показателям величины идеологически ангажированной публики, то есть к параметрам «зрительского участия в политике»).

Достоинство индивиду может быть придано лишь сознанием принадлежности к большому и сильному государству, «своей стране». В этом сознании нет ничего от права (в том числе и сознания своих прав), а стало быть — и от политического или гражданского национализма, есть лишь чувство силы, огромности ресурсов — территориальных, людских, мобилизационных, а стало быть — потенциала принуждения других. Так, отвечая на вопрос: *«В какой мере Вы согласны или не согласны с высказыванием — «Люди должны поддерживать свою страну, даже если она неправа»? —* согласились «полностью» или выбрали вариант «скорее согласны» 48% опрошенных; против высказалось лишь 16%, остальные затруднялись ответить на вполне ясный вызов, то есть по сути дела продемонстрировали полное отсутствие морального сознания (октябрь 2014 г.). Поднятая пропагандой в 2013-2014 годах волна антизападных настроений сопровождалась переживанием гордости за Россию и еще более горделивым сознанием принадлежности к ней (табл. 2). Октябрьский опрос 2014 г. дал самый высокий показатель «гордости» этого рода за все время исследова-

Таблица 2

ГОРДИТЕСЬ ЛИ ВЫ НЫНЕШНЕЙ РОССИЕЙ?

	2006 март	2007 октябрь	2008 октябрь	2010 апрель	2013 октябрь	2014 октябрь
Определенно да	19	27	22	18	13	37
Скорее, да	29	33	40	37	40	49
Скорее, нет	32	23	23	27	30	5
Определенно нет	16	12	6	7	10	1
Затруднились ответить	5	6	9	11	7	8

¹ Общественное мнение 2013. Ежегодник Левада-центра. М., 2013, с. 34-35, табл. 3.1.14- 3.2.2.

ний (86%). 64% были согласны с тем, что «Россия лучше большинства других стран».

Рост ксенофобии как симптом социальной напряженности и дезорганизации

За год до украинского кризиса и резкого поворота в российской политике социологические исследования Левада-центра зафиксировали рост массовой диффузной ксенофобии, достигшей к октябрю 2013 года максимальных значений за весь 25-летний период исследований (1989–2014 гг., см. диаграмму 1). Таким

образом ущемленное массовое сознание отреагировало на ликвидацию политики как пространства не столько открытой конкуренции политических партий, сколько связанных с ним публичных дискуссий о целях национального развития. Слабые демократические институты были заменены механизмами «управляемой» или «суверенной демократии». Прекратилось обсуждение социальных проблем, то есть цены и средств их решения, изложенных в политических программах как прокремлевских, так и оппозиционных партий. А это означает, что

Диаграмма 1

ОЩУЩАЕТСЯ ЛИ СЕЙЧАС В ТОМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ?

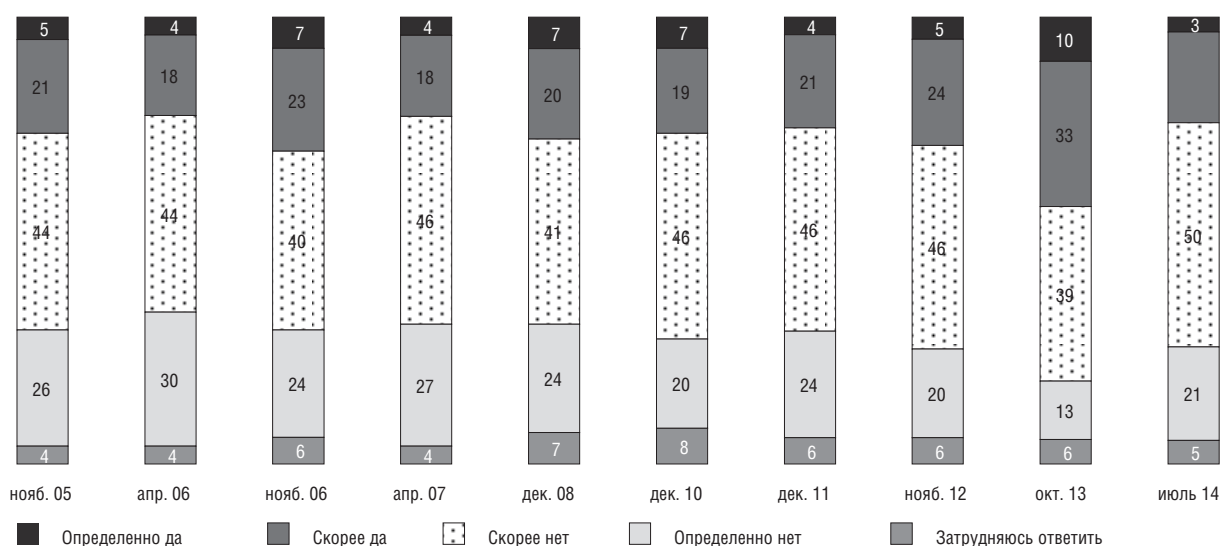
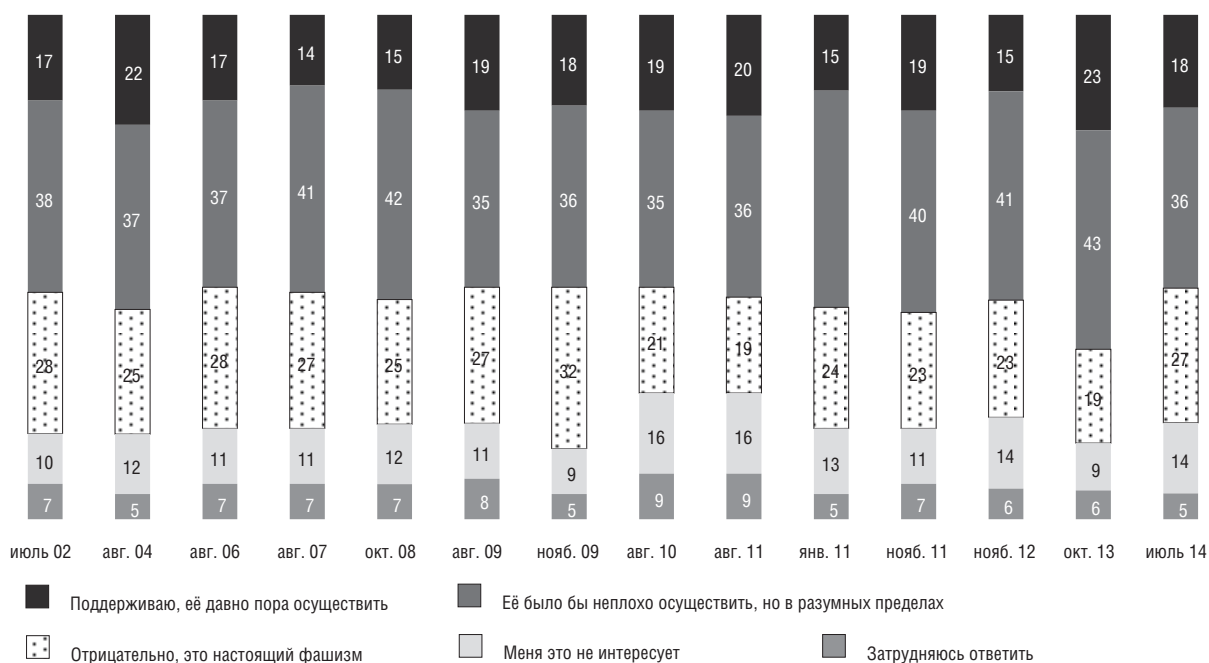

Диаграмма 2

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ «РОССИЯ ДЛЯ РУССКИХ»?

исчезло и сознание ответственности людей за проводимую руководством страны политику. Общество оказалось полностью отделено от механизмов принятия государственных и политических решений и лишено контроля над их реализацией. Социальное недовольство и напряжение, особенно сильное в провинции, не находило себе выхода, а значит — и не могло быть рационализируемым в ходе публичных дискуссий.

Следствием этой блокировки общественного мнения стало усиление чувства несправедливости установившегося социального порядка, сознание «испорченности», коррумпированности власти на всех уровнях, прежде всего — тех институтов, которые должны поддерживать правопорядок и защиту населения (местная администрация, полиция, суд и т.п.). Реакцией на искусственную склеротизацию власти оказались не общественные движения, легальные и общепринятые политические формы самоорганизация общества, а все более частые столкновения отдельных групп населения с органами власти: забастовки, трудовые конфликты, обман строительными компаниями дольщиков, невыплаты зарплат; ДТП и другие правонарушения, совершаемые местными чиновниками, все чаще приводили к массовым

акциям протеста, перекрытию дорог и т.п. А затем начались националистические эксцессы, погромы, хулиганские манифестации молодежи. Выход на Манеж московской молодежи в декабре 2010 года означал, что эти конфликты стали публичными. Они явились столичным выражением накопившихся напряжений, прорывавшихся в провинции и ранее — в Кондопоге, на Ставрополье и других местах. Это было лишь выходом на поверхность того диффузного и неоформленного недовольства властью, которые накапливалось после кризиса 2008 года, но принимало форму смещенной этнической агрессии и неприязни, основным объектом которой стали кавказцы и мигранты из Средней Азии. Впрочем, эти феномены обществом, не подготовленным к осознанию природы этих напряжений, воспринимались как отдельные иррациональные эксцессы.

Лозунг «Хватит кормить Кавказ» на протяжении последних 3-х лет поддерживали от 56 до 71% россиян, возражали против него в среднем — 20-24% (минимальный показатель неодобрения и несогласных с такой постановкой вопроса получен осенью 2013 г. — 18%). Украинский кризис оттянул на себя подавляемую агрессию, дав выход имперским страстям. Начиная с марта 2014 года, то есть после «Крым-

Таблица 3

ВОЗМОЖНЫ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В РОССИИ МАССОВЫЕ КРОВОПРОЛИТНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ?

	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить
июль 2002	12	37	30	12	10
июль 2007	13,2	37,4	31,6	7,7	10,2
октябрь 2008	10	29	32	18	11
ноябрь 2009	3	20	39	25	12
январь 2011	15	41	28	6	11
ноябрь 2011	11	28	39	11	11
ноябрь 2012	11	32	36	11	10
октябрь 2013	17,2	44,5	23,7	5,3	9,3
июль 2014	5	19	46	20	10

Таблица 4

ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЛОЗУНГ «ХВАТИТ КОРМИТЬ КАВКАЗ»?

	Определенно да	Скорее да	Скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить
ноябрь 2011	28	34	18	6	15
январь 2012	22	35	13	7	23
ноябрь 2012	26	39	17	6	11
май 2013	20	35	16	16	14
октябрь 2013	35	36	15	3	11
ноябрь 2014	19,4	32,6	23,4	9,8	14,9

наш», мнения о ситуации на Кавказе заметно улучшились, начала спадать диффузная агрессия в отношении мигрантов.

Особенностью этого подъема ксенофобии в последние годы стало то, что максимальные показатели агрессивного национализма и нетерпимости (по крайней мере — на словах) демонстрировали группы, обладавшие наибольшими социальными ресурсами — высоким социаль-

ным положением и уровнем образования, доходами, социальным капиталом, а значит — и большими возможностями влиять на другие слои населения. (Ранее носителями ксенофобии были социальные низы и периферийные группы населения.) Риторика ксенофобии и необходимости борьбы с мигрантами была в центре предвыборных дебатов всех кандидатов на местных и региональных выборах летом 2013 года.

Таблица 5

ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЛОЗУНГ «ХВАТИТ КОРМИТЬ КАВКАЗ» (Распределение по социальному и потребительскому статусу)

	Определенно поддерживаю + Скорее поддерживаю	Скорее не поддерживаю + Определенно не поддерживаю	Затруднились ответить
Социальный статус			
В среднем	71	19	10
Предприниматель	56	44	0
Руководитель	82	15	3
Специалист	61	34	5
Силовик	66	32	2
Служащий	61	31	8
Рабочий	65	25	10
Учащийся	63	32	5
Пенсионер	58	27	15
Домохозяйка	65	27	8
Безработный	40	44	16
Потребительский статус			
В среднем	71	19	10
Нуждающиеся	77	16	7
Бедные	71	18	11
С достатком	67	22	11

2014 г., июль

Таблица 6

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ВЫХОДЦАМ ИЗ ЮЖНЫХ РЕСПУБЛИК, ПРОЖИВАЮЩИХ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ?

	Уважение	Симпатию	Раздражение	Неприязнь	Страх	Никаких особых чувств	Затрудняюсь ответить
Среднее	6	6	17	20	5	54	1
Предприниматель	7	6	20	15	5	61	2
Руководитель	0	3	25	21	7	55	0
Специалист	2	6	20	15	5	59	1
Военнослужащий	6	9	26	37	0	28	0
Служащий	21	22	22	12	6	42	0
Рабочий	3	2	15	26	3	53	2
Учащийся, студент	13	21	12	26	3	41	3
Пенсионер	6	5	15	17	5	56	2
Домохозяйка	0	0	16	14	4	67	0
Безработный	5	5	20	32	7	45	0

2014 г., июль, в % по строке

Но само по себе диффузное напряжение может канализоваться только в соответствии с имеющимися в массовом сознании идеологическими направляющими, играющими роль латентных силовых полей, векторов или «стрелок», по которым и будет протекать массовое поведение мотивированное групповыми — властей или подданных — интересами действия.

Параметры идеологического и политического самоопределения

Самые ранние исследования, затрагивающие тематику идеологических представлений, относятся к весне 1990 г., когда собственно забрезжила перспектива радикальных институциональных изменений. В общественном мнении тогдашнего советского общества такие варианты общественно-политического и государственного устройства, как «строй свободного капитализма» (который сегодня можно было бы отождествить с либеральными взглядами), были привлекательными (или казались реалистичными) всего для 6% опрошенных. Основная же масса отдавала свои предпочтения «демократическому социализму» в духе

перестройки, с сильным упором на социальную справедливость, уравнительное распределение и правовое государство (52%) или туманной «шведской» модели социал-демократии и общества благосостояния (25%). Возврата к сталинской системе хотели лишь 4%, что, как и склонность к либерализму, можно считать взглядами маргинального меньшинства.

К концу 1990-х годов значительная часть населения, разочарованного результатами гайдаровских реформ, разуверившегося, дезориентированного и погрузившегося в состояние глубокой фрустрации, депрессии, отказывалась от какой бы то ни было идентификации по идеологическим или политическим критериям. На вопрос (декабрь 1998 г.): «Какой из действующих в России политических сил Вы лично симпатизируете?», 42% опрошенных заявили — «никакой» (а вместе с теми, кто затруднились с ответом, доля таких «индифферентных» составила 58%); 22% симпатизировали «коммунистам»; 10% — «демократам» (то есть остаткам партии реформаторов, «правым»). Свою близость к «патриотам» (национал-патриотам или «крайне правым») обозначили 3%;

Таблица 7

КАКИМ БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В БУДУЩЕМ?

Социалистическим государством сталинского типа	4
Демократическим социалистическим государством	52
Социал-демократическим государством шведского типа	25
Капиталистическим государством американского типа	6
Другое	4
Затрудняюсь ответить	9

1990 апрель, N=500 (русская выборка во всесоюзном опросе)

Таблица 8

КАК БЫ ВЫ МОГЛИ ОПРЕДЕЛИТЬ СВОИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ ИЛИ СКЛОННОСТИ?

Демократ	14
Патриот	14
Коммунист	10
Либерал	4
Социалист	3
Центрист	3
Консерватор	3
Антикоммунист	3
Анархист	<1
Другое	<1
Не имею никаких политических убеждений и склонностей	38
Затрудняюсь ответить	12

1999 апрель, N=3000, открытый вопрос, ответы ранжированы

столько же — «правым центристам» (3%); «левым центристам» еще меньше — 1%, «социалистам» — 2%.

Абсолютное большинство в конце периода российских реформ и перед приходом Путина к власти не поддерживало ни одно из действовавших тогда политико-идеологических течений, не идентифицировало себя с ними и не сочувствовало никому из их лидеров, дистанцируясь от большей части общественных организаций.

Легкость, с которой авторитарный режим подавил свободу политической деятельности и ввел цензуру в СМИ, объясняется в первую очередь отсутствием явных политических убеждений и взглядов (как видно из данных табл. 9, половина опрошенных в 1999 году не имели выраженных политических позиций или не смогли их артикулировать). В этом плане при отсутствии убеждений глупо ждать серьезного сопротивления со стороны общества. Контроль президентской администрацией над основными информационными каналами был установлен уже в 2002–2004 годах. Одно это уже может свидетельствовать о неразвитости, о недифференцированности социума.

Поле политико-идеологических взглядов населения можно описывать как инерционное множество не очень определенных или диффузных представлений о «социализме с человеческим лицом», родившихся еще в середине 1960-х годов. Этот несколько гуманизированный советский вариант государственного патернализма предполагал наличие «социального государства», обеспечивающего «справедливое распределение национальных доходов», защиту неимущих и социально слабых групп населения. От тоталитарной идеологии, требующей от населения жертв и дисциплины во имя построения небывалого, «нового общества», «светлого будущего», от утопии благосостояния и равенства остались лишь массовые иллюзии относительно государства, которое должно, наконец, обязано повернуться к обычному человеку и озаботиться повышением качества его повседневной жизни, причем не в каком-то «будущем», а «здесь и сейчас». Оправданные сомнения в отношении альтруизма местной власти и бюрократии, с которыми обычно человек имеет дело, сочетались с неуверенными надеждами на доброго правителя, отца или «лидера нации», заботящегося о народе (или превращались в них, поскольку других средств сдерживания хищничества и произвола низовых властей люди не видели; себя они в таком качестве не мыслили).

Именно это коллективное подсознание, присущее поколению дефицитарной экономики брежневского застоя, определяло доминанту массовых идеологических представлений в постсоветское время. Это основное умонастроение могло быть дополнено вариациями на те же темы патерналистского государства, а именно — каким образом можно достичь желаемого состояния. Одни респонденты считали свои взгляды «коммунистическими». К ним примыкали сторонники «твердой руки», способной навести «железный порядок» в стране, укротить коррупцию в среде бюрократии, подчинить олигархов, заставить их «перестать красть» и «вернуть награбленное народу», сделав бизнес «социально ответственным». Третьи определяли себя как людей с русско-патриотическими убеждениями (по сути, имеется в виду та же самая организация власти, но ориентированная на обеспечении приоритетов русских). Четвертые называли себя «аграрниками» и т.п.

Людей, сознательно ориентированных на западные модели правового государства, разделения властей, защиту личных свобод, прав человека и т.п. принципов современного демократического общества, насчитывалось (и насчитывается на всем протяжении последних 15 лет) сравнительно немного: от 7 до 12% взрослого населения (максимум 15% в отдельные моменты). Поэтому можно сказать, что доктрина «суверенной» или «управляемой демократии» фактически ничего не искажала в этом понимании массами положения вещей, хотя и отдавала самым циническим образом риторическую дань иллюзиям либералов и демократов времен перестройки и гайдаровских реформ. Последующая политика — медленное удушение конкуренции политических партий, ограничение Интернета и информационного пространства, прессинг по отношению к общественным движениям и организациям гражданского общества, а стало быть — сокращение сферы публичных дискуссий до аудитории нескольких независимых изданий и интернет-порталов — лишь закрепила это состояние.

Вместе с тем имеет смысл подчеркнуть одно обстоятельство: действия режима сами по себе не могут быть объяснением, почему российскому обществу присуща такая степень неопределенности, невыраженности идеологических взглядов и позиций населения. Способны как-то охарактеризовать или идентифицировать свои идеологические установки всего лишь

чуть больше половины опрошенных (примерно 55% — это весьма устойчивый показатель, мало меняющийся на протяжении последних 10 лет). Однако открыто высказывать свои убеждения, даже чисто виртуально, готовы еще меньше — 40-43%. Большая часть предпочла бы ретироваться при необходимости публично отстаивать свои взгляды.

Идеологическое разнообразие российского общества оказалось стерилизованным, но не «уничтоженным», поскольку строго говоря, уничтожить было немного. Последующие замеры подтвердили значимость этого вывода и устойчивость массового поведения (а значит — неизменность институциональной организации общества).

Сторонники *социалистических воззрений* преобладают во всех социальных средах (колебания не превышают допустимой статистической ошибки в 3,7-4%); их чуть больше только

зывают себя более молодые, образованные, амбициозные жители крупных городов, занимающие более высокие социальные позиции (предпринимателей, руководителей) а также — силовики, низовая бюрократия (служащие), то есть те группы, которые явно испытывают дефицит ценностей коллективной идентичности.

Демократическая модель государства западноевропейского типа собирала предпочтения самой большей части опрошенных на протяжении почти 20 лет, когда сотрудники Левада-центра (тогда — первого ВЦИОМ) начали проводить соответствующие измерения¹. Социалистическая модель, напротив, медленно теряла свою привлекательность. Начиная с середины 2000-х годов, ее выбирали вдвое меньше опрошенных, чем во второй половине 90-х годов, когда возвращение к советской системе многим казалось единственной возможностью выхода из кризиса или его преодоления. Даже

Таблица 9

КАКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ВЫ СЕЙЧАС ПРИДЕРЖИВАЕТЕСЬ?

	2005 апрель	2011 апрель	2013 январь	2014 март
Коммунистические взгляды (прежде всего, необходимо соблюдать классовые интересы; за государственную собственность на средства производства и государственную систему распределения социальных благ)	12	14	13	12
Социалистические и социал-демократические взгляды (государство должно обеспечивать социальную защиту населения в условиях рыночной экономики и частной собственности на средства производства)	28	30	31	30
Аграрные взгляды (прежде всего, необходимо стимулировать развитие сельского хозяйства)	15	14	14	8
Русские национально-патриотические взгляды (прежде всего, необходимо соблюдать интересы русского народа)	10	9	9	10
Либеральные взгляды (за укрепление частной собственности и развитие рыночной экономики)	9	9	7	7
Режим «твердой руки» (вся власть в стране должна находиться в руках сильного политического лидера)	16	14	13	14
Другие ответы/нет ответа	10	13	12	19

среди бюрократии (руководителей, специалистов, служащих), убежденной в важности сохранения распределительной роли государства, людей с достатком. Приверженность к другим взглядам меняется в разных социально-демографических группах.

«Коммунисты» представлены, главным образом, пожилыми и малообразованными респондентами, пенсионерами, людьми с низкими доходами. Напротив, либералов больше среди более молодых людей (от 18 до 40 лет), среди жителей столицы, предпринимателей и руководителей. «Националистами» чаще на-

¹ На вопрос (декабрь 1998): «Если бы только от Вас зависело, какой будет Россия через 10 лет, то на жизнь какой из следующих стран Вы бы хотели, чтобы она походила?», — ответ «на себя» дали 25% опрошенных, «на развитые западные страны» (в сумме) — 55% (в том числе: на Германию — 16%, США — 13%, Швецию — 11%, Японию — 4%, Францию — 4%, Англию — 4%, Австрию — 2%, Италию — 1%; открытый список включал более 20 стран). В ноябре 1999 г. одобрили бы идею вступления России в ЕС 66%, были против — 15%, за присоединение к НАТО — 35%, против — 52%. Это не противоречит устойчивому воспроизводству враждебных или рессентиментных проекций россиян на страны Запада, которые обычно выступают в качестве недостижимого и желаемого образца для России. Абсолютное большинство опрошенных (63%) настаивали и настаивают на том, что развитые страны Запада не заинтересованы в экономическом подъеме России и не хотят, чтобы она входила в их число, с ними были не согласны 29% (8% затруднились с ответом; май 2002, N=1600).

Таблица 10

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕСПОНДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ВЗГЛЯДАМИ

	Коммунистические	Националистические	Либеральные	Социалистические	Сторонники режима «твердой руки»
В среднем	12	10	7	30	14
Возраст					
18-24	4	16	9	28	12
25-39	4	9	11	30	15
40-54	11	10	6	32	17
55+	25	9	3	29	10
Образование					
Высшее	9	12	8	34	13
Средне-специальное	12	12	7	32	13
Среднее общее	11	6	9	25	13
Ниже среднего	19	8	3	26	16
Тип поселения					
Москва	11	17	13	34	13
Большой город	9	14	5	35	11
Средний	15	11	8	32	15
Малый город	13	7	9	26	10
Село	13	7	4	28	19
Потребительский статус					
Денег хватает только на еду	20	11	4	27	13
Денег хватает и на еду, и на одежду	13	10	7	28	14
Можем ТДП	7	10	9	35	14
Можем дорогие (авто)	12	9	7	36	14
Социально-профессиональный статус					
Предприниматель	8	15	15	26	11
Руководитель	10	15	10	34	7
Специалист	10	11	9	40	13
Силовик	0	14	7	34	0
Служащий	10	16	10	27	14
Рабочий	9	9	6	26	19
Учащийся	3	13	8	41	6
Пенсионер	26	8	2	29	10
Домохозяйка	4	12	12	27	20
Безработный	8	9	6	24	20

2014 г., март

общий подъем после присоединения Крыма великодержавных или постимперских настроений не обернулся особым усилением ностальгии по СССР, хотя некоторый рост предпочтений этого плана следует отметить.

Интересно, что «нынешняя система» (авторитаризм путинского образца) не выглядит убедительной и привлекательной для большинства россиян (табл. 11), несмотря на всплеск патриотических чувств (опрос весной 2014 в сравне-

нии с проведенным годом ранее дал незначительный прирост ответов этого рода: с 8-10% в 2006-2013 гг. до 15%)¹.

Оптимистов (тех, кто верит, что Россия в состоянии стать такой же развитой страной, как ведущие европейские страны или США, Япония или Канада) не слишком много. Но еще меньше тех, кто пессимистически смотрит

на будущее России. «Страна будет бедной и отсталой» — так считают в среднем 2%; максимум (10%) приходится на лето 2013 года, отмеченное депрессией среди противников режима после спада протестного движения. От 3 до 7% опрошенных полагают, что Россию ждет распад. Для россиян характерна скорее неопределенность в представлениях о будущем своей страны. Доля

Таблица 11

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ИДЕАЛЕ, КАКОЙ БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?

	1998 апрель	2006 апрель	2007 апрель	2013 март	2014 март
Такой как сейчас	2	9	10	8	15
Такой как развитые страны Запада	43	43	50	39	40
Такой как она была во времена СССР	36	32	25	25	27
Такой как она была до 1917 года	5	5	4	7	3
Другое	6	5	4	8	6
Затрудняюсь ответить	9	6	6	14	10

Таблица 12

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СКОРЕЕ ВСЕГО БУДЕТ ЖИТЬ РОССИЯ ЛЕТ ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ?

	1994 август	2000 июнь	2012 май	2014 май
Россия станет такой же богатой и развитой страной, как страны Запада	24	25	21	25
Россия вернется на путь социализма и коммунизма	7	6	4	8
Техника, наука, вооружение будут на уровне западных стандартов, но жизнь людей будет совсем другой	20	23	28	23
Россия будет развиваться наподобие великих стран Азии – Китая, Индии	4	7	7	12
Россию ждет неминуемый распад и гибель	5	5	7	3
Затрудняюсь ответить	41	34	33	30

Таблица 13

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, СКОРЕЕ ВСЕГО БУДЕТ ЖИТЬ РОССИЯ ЛЕТ ЧЕРЕЗ ПЯТЬДЕСЯТ?

	2008 март	2013 март	2014 апрель
Россия станет такой же богатой и развитой страной, как страны Запада	35	24	30
Россия вернется на путь социализма и коммунизма	5	8	8
Техника, наука, вооружение будут на уровне западных стандартов, но жизнь людей будет совсем другой	20	23	21
Россия будет развиваться наподобие великих стран Азии – Китая, Индии	6	6	10
Россия будет бедной и отсталой страной	2	10	2
Россию ждет неминуемый распад и гибель	1	5	3
Затрудняюсь ответить	31	25	25

¹ Методические различия (особенности формулировки вопроса) обращаются разными весами ответов о предпочтительности тех или иных типов желаемого государственного устройства. Но во всех этих случаях значимость западной модели государства остается несомненной: ее приоритетность увеличилась в полтора раза за 16 лет (с 23% в 2000 г. до 37% в 2014 г.). Дореволюционная империя собирает голоса 3-5% респондентов, социалистическое государство, вроде СССР, — в среднем за несколько лет около 15%. В кризисные моменты растет спрос на «гарантии социализма», западная модель — снижается.

«затрудняющихся ответить» хотя и снизилась за 20 лет с 41% (в 1994 г.) до 30% (в 2014 г.), но все равно остается самой большой по числу ответов, превышающей любой другой содержательный вариант ответов, или (в другой версии опросника) равной одному из вариантов ответа. Приводимые ниже изменения в формулиров-

ках вопросов анкеты практически не меняют полученных результатов.

Пессимистические оценки чаще давали поллярные группы: самые активные и образованные горожане, чаще даже москвичи, более обеспеченные и достигательно ориентированные (в том числе и предприниматели), с одной стороны, и бедные малообразованные жители села. Напротив, середина демонстрировала максимум уверенности в том, что все будет как в «нормальных странах», богатых и развитых. Наибольший оптимизм и иллюзии относительно будущего проявились у учащихся, полагающих, что все идет к лучшему, так как надо, все устроится само собой (даже без их участия).

В кризисные периоды нарастает стремление дистанцироваться от Запада, после кризиса, напротив, — «желание сотрудничать» с ним или, по меньшей мере, поддерживать те же отношения, что и до кризиса (табл. 18 и 19). Резко уси-

лившаяся с началом украинского кризиса анти-западная пропаганда заметно (более чем в два раза) повысила уровень негативных установок в отношении Запада.

Однако различными все эти предпочтения становятся лишь на фоне довольно большой части населения, которая не в состоянии артикулировать свой выбор желаемой модели или образца государственно-политического устройства. В лучшем случае, респонденты отказываются от самых распространенных клише (приведенных выше), указывая, что у России «свой особый путь» (17%); в худшем — откровенно заявляя, что им все равно, какая в стране система власти, лишь бы им и их семьям было хорошо и спокойно (в марте 2014 г. — 22%). В сумме эти две категории респондентов плюс «затруднившиеся с ответом» (на вопрос о предпочтительном типе государства) составляют примерно половину опрошенных (от 44 до 57%, в среднем — 50%; см. табл. 14).

Таблица 14
ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?

	1998 декабрь	2000 март	2002 ноябрь	2008 октябрь	2013 май	2014 март
Империей, монархией, подобно той, какой была Россия до 1917 г.	3	3	3	3	3	2
Социалистическим государством с коммунистической идеологией	17	15	20	10	12	17
Государством с рыночной экономикой, демократическим устройством, соблюдением прав человека, подобным странам Запада, но со своим собственным укладом	29	23	33	34	33	37
Государством с совершенно особым устройством и особым путем развития	13	19	14	19	19	18
Мне все равно, какой тип государства будет в России, мне важно лишь, насколько хорошо буду жить я и моя семья	29	33	27	29	26	22
Затрудняюсь ответить	9	6	3	5	7	5

Таблица 15
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИИ СЕЙЧАС СЛЕДУЕТ УКРЕПЛЯТЬ ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ ИЛИ ДИСТАНЦИРОВАТЬСЯ ОТ НЕГО?

	1998 нояб.	2000 авг.	2003 дек.	2004 дек.	2005 нояб.	2006 нояб.	2007 нояб.	2010 май	2011 июнь	2012 июль	2013 май	2014 март	2014 апр.
Укреплять отношения	61	74	70	74	73	77	75	78	74	76	71	61	40
Дистанцироваться	22	14	16	18	16	11	14	11	16	13	16	24	39
Затрудняюсь ответить	17	12	14	9	11	12	11	11	10	11	13	15	21

Таблица 16
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО РУКОВОДСТВО РОССИИ ДОЛЖНО СТРЕМИТЬСЯ К СБЛИЖЕНИЮ С США ИЛИ НУЖНО СОБЛЮДАТЬ ДИСТАНЦИЮ В ОТНОШЕНИИ С НИМИ?

	2003 март	2007 февр.	2010 март	2011 февр.	2012 янв.	2012 март	2013 апр.	2014 март
Стремиться к сближению	24	16	13	20	17	15	12	19
Соблюдать большую дистанцию в отношениях	38	39	36	33	38	39	43	36
Сохранять нынешние отношения	29	33	40	34	32	34	31	31
Затрудняюсь ответить	10	12	11	12	14	12	14	15

Это общественно апатичная, отчужденная от политики, инертная масса и является основной политической системы в России¹. Ее размеры — условие устойчивости авторитарного режима, требующего от населения не поддержки, а отсутствие сопротивления, минимальной демонстрации лояльности власти. Сумма позитивных оценок Путина, достигшая максимума к 2008 году, почти всегда (за исключением 2007–2008 гг.) была меньше, чем сумма безразличных мнений о нем (в среднем это соотношение составляло 36% : 48%), однако вес позитивных

мнений почти всегда был существенно больше, чем доля негативных оценок (последняя в среднем составляла 13%, но в годы массовых протестов она поднялась до 23–24% и на тот короткий момент превышала сумму положительных высказываний — табл. 17).

Само по себе столь высокое позитивное отношение к власти, в данном случае персонально — к В. Путину, не может объясняться прагматическими соображениями или оценками его реальных практических достижений в конкретных областях государственного управле-

Диаграмма 3

МОГУТ ЛИ ТАКИЕ ЛЮДИ, КАК ВЫ, ВЛИЯТЬ НА ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В СТРАНЕ?

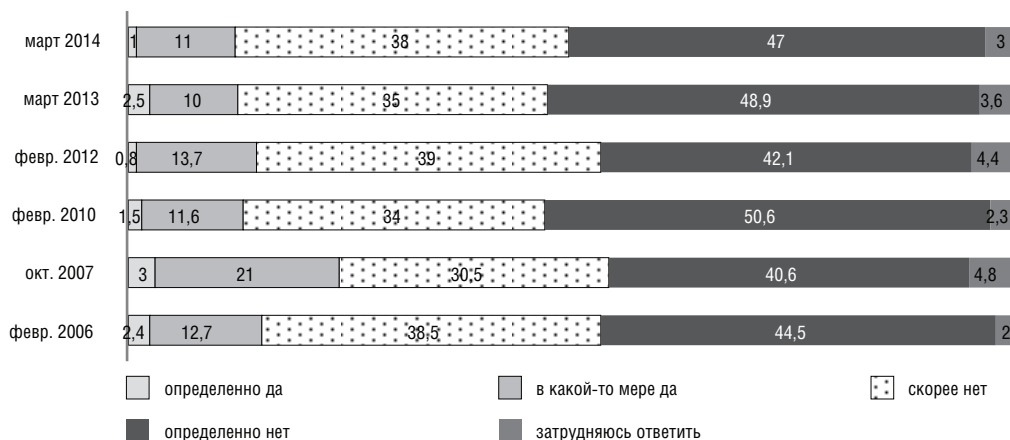
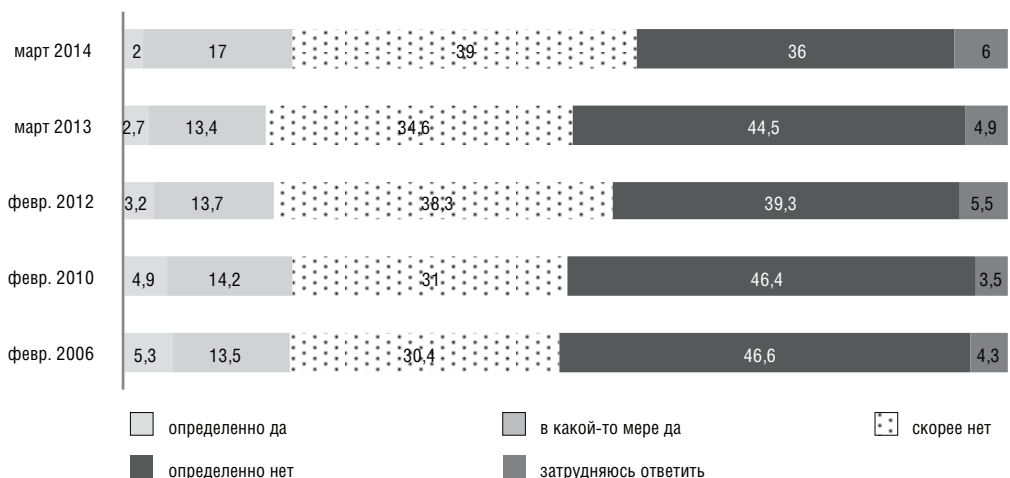

Диаграмма 4

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ЛИЧНО БОЛЕЕ АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ПОЛИТИКЕ?

¹ Как справедливо отмечает С. Грин, «апатия» в данном случае не означает неподвижности, отсутствия деятельности населения, напротив, для того, чтобы «выживать» или сохранять определенный уровень жизни, существования, требуется намного больше усилий, чем это необходимо в западных странах. Это как у Алисы в Стране чудес — чтобы оставаться на одном месте, надо очень быстро бежать. Апатия в данном контексте имеет отношение лишь к уровню общественной включенности и солидарности, участию в общих делах, в «политике». — *Green S. Moscow in Movement: Power & Opposition in Putin's Russia*, Stanford University Press, 2014

ния — в экономике, в борьбе с преступностью и с коррупцией бюрократии, уменьшением бедности и защитой социально слабых групп. Такое отношение вытекает главным образом из восприятия символического статуса обладателя высшей власти — переноса на него массовых иллюзий и ожиданий, наделение его теми достоинствами, которыми лишен обыватель.

Он — воплощение всех возможностей, ресурсов, благ, которыми он может распоряжаться по своей воле и разумению, он, как и российская казна, не имеет рациональной меры, это почти всемогущество, которому принудительно приписывается благая воля (за неимением другого в реальности). По существу, этот механизм — обратная сторона подавленности или неразвитости институциональной системы российского общества, вынуждающего наделять суверена воображаемыми достоинствами и ценностями, превращать его в идеализированный образ коллективных самих себя (идеальное «Мы»). Но именно поэтому интенсивность выражения этих позитивных чувств к авторитарному лидеру достаточно низкая: даже на максимуме поддержки В. Путина, который приходится на

2007-2008 гг. (до наступления кризиса), симпатии к нему выражали менее половины населения. Несущая же конструкция системы авторитарного господства — равнодушное отчуждение (табл. 17, сумма установок «нейтральное, безразличное» отношение + «не могу сказать о нем ничего плохого»). Иллюзии относительно первого лица выстроены из идеализированного и дистанцированного отчуждения, отказа от собственной активности, ответственности, сознания, что «сделать ничего нельзя», «я не за что не отвечаю», пусть отвечает начальство.

Но именно это отношение к власти определяет конструкцию псевдо-истории державы, игры в «особый путь» несостоявшейся нации, или в «особые отношения» людей с властью, неконтролируемой ими. Такая структура само-

Таблица 17

КАКИМИ СЛОВАМИ ВЫ МОГЛИ БЫ ОБОЗНАЧИТЬ СВОЕ ОТНОШЕНИЕ К В.ПУТИНУ?

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Восхищение	4	5	4	4	4	6	9	9	4	3	3	2	6
Симпатия	34	37	38	30	32	32	38	40	31	28	20	18	31
Не могу сказать о нем ничего плохого	38	37	39	35	36	36	34	31	38	36	33	30	29
Нейтральное, безразличное	11	9	10	14	11	13	9	10	11	18	19	22	15
Настороженное	8	6	4	7	5	4	4	3	7	4	11	10	6
Не могу сказать о нем ничего хорошего	3	3	3	7	8	5	2	3	6	5	8	8	7
Антипатия + отвращение	1	1	1	3	2	1	2	1	2	3	5	5	2
Ничего плохого + безразличие	49	46	49	49	47	49	43	41	49	54	52	52	44
+/-	3,2	4,2	5,2	2,0	2,4	3,8	5,9	7,0	2,4	2,6	0,9	0,8	2,5

Таблица 18

КОГДА ВЫ СЛЫШИТЕ ОБ «ОСОБОМ РОССИЙСКОМ ПУТИ», ЧТО, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ПРИХОДИТ ВАМ НА УМ?

	% от опрошенных*	% от всех данных ответов
Экономическое развитие страны, но с большей заботой о людях, а не о прибылях и интересах «хозяев жизни»	31	23
Несоответствие ценностей и традиций России и Запада	23	17
Учет в политике духовной, моральной стороны отношений государства и граждан	19	14
Необходимость постоянно учитывать такие факторы, как враждебное окружение страны и угрозу нападения	11	8
Готовность к самопожертвованию граждан ради величия российского государства	6	4
Преобладание интересов власти над интересами населения	4	3
Не думаю, что российское развитие должно отличаться от развития других стран	6	4
Не знаю, в чем собственно выражается «особый путь», ничего не приходит на ум	15	11
Ничего не слышал об этом	13	10
Затрудняюсь ответить	7	5

* 2014 г., март, возможно несколько ответов, ответы ранжированы

идентичности снимает чувство неудовлетворенности собой, зависимости от внешних сил, сознание своей неполноценности, возводя одновременно рессентиментный барьер по отношению к Западу.

Ответы респондентов о значении понятия «особый путь» распадаются на три категории, разные по своему смыслу. Первая (позитивная) категория содержит установки государственного патернализма (самопожертвование граждан ради государства, «моральная» сторона подчинения). Вторая характеризуется наличием барьеров «свой/чужие», угрозой «врага», изоляционизмом и антизападничеством (в функциональном плане эти символы дополняют первую группу значений)¹. Третья категория содержит негативные определения статуса России, пустое или контекстуально определенное, наполненное латентными идеологическими подстановками словосочетание. Большая часть этих респондентов не имеет представления о том, в чем этот «особый путь» заключается. Небольшое число опрошенных (главным образом — либералов) резко негативно относится к этой идее, справедливо полагая, что такого рода идеологемы образуют ресурс для демагогии властей, блокирующих всякую мысль о возможности демократии в России. Во всяком случае, смысловая направленность этого понятия определяет его функцию: служить барьером против ценностных значений Других, быть условием для негативной идентичности.

Важно еще раз подчеркнуть, что в идее особого пути нет позитивного образа будущего — содержательного наполнения конца «пути», идеи национального развития, нет понятия це-

¹ Патернализм предполагает «симфонию» государства и населения, но закрепляется психологией осажденной крепости, необходимостью консолидации подданных с властью и убеждением в готовности к существованию в мобилизационном режиме. Это не разные планы, а единый комплекс значений «особого пути». Именно поэтому на введение санкций со стороны западных стран после аннексии Крыма население России (по меньшей мере, большинство в две трети) отвечало готовностью все претерпеть ради «Крымнаш». Впрочем, такого рода декларации не очень дорого стоят, поскольку основная масса населения в первые месяцы после объявления санкций (и некоторого возмущения этим обстоятельством) была убеждена, что санкции будут касаться лишь узкого круга высших руководителей страны, принимавших решения по Крыму и Донбассу, а что широкие слои населения не пострадают от них, штрафные меры не будут и не должны касаться обычных граждан. Такая позиция двоемыслия весьма характерна для массового сознания посттоталитарного общества; ее суть в декларативной поддержке, демонстрация лояльности властям при внутреннем нежелании нести ответственность за действия властей. Лишь 5-7% населения заявили, что они готовы нести любые издержки (включая сокращение социальных расходов государства, уменьшение зарплаты и пенсий ради Крыма и поддержки украинской политики руководства страны).

леположения. Акцент делается на сохранении отношений подданных к власти, а не власти к подданным².

Для проверки гипотезы о существовании разных типов русского национализма в марте 2014 года был проведен опрос общественного мнения, в ходе которого по разработанной Э. Паиным и его коллегами методике респондентам были заданы вопросы-тесты на идентификацию с различными политическими слоганами. В сентябре того же года эти вопросы были повторены в регулярном ежемесячном исследовании (табл. 19). Преамбула диагностических вопросов гласила: Представьте себе, что вы вышли на городскую площадь и там увидели колонны демонстрантов с различными лозунгами (они приведены ниже в табл. 19).

Результаты первого замера, проведенного в начале антиукраинской кампании, принципиально не отличаются от сентябрьского опроса, когда уже стали заметны признаки ослабления поднятой волны национального возбуждения. А это значит, что политико-идеологические установки устойчивы к колебаниям политической конъюнктуры, что на них не влияют механизмы массового возбуждения, пропаганды или влияют не так сильно, как можно предполагать. Другими словами, действие пропаганды в очень ограниченной степени основывается на политических взглядах и убеждениях респондентов.

Интерпретация этого обстоятельства может исходить из разных оснований, в том числе и методических соображений о неадекватности формулировок подсказок, но я бы здесь принял во внимание лишь две версии объяснения, кажущиеся расходящимися:

1) выделенные в Интернете типы идеологических течений оказались не релевантны (или не слишком значимы) для основной массы населения, откликнувшейся на усилия пропаганды; они отражают систему взглядов, «нормальную» для спокойного времени;

2) для приведения общества в возбужденное состояние (состояние националистической или патриотической эйфории) кремлевские политтехнологи использовали другие мотивы и смыслы, лишь косвенно затрагивающие перечисленные выше идеологические установки.

Пропаганда, нацеленная на дискредитацию не только самого украинского демократическо-

² О мифологии «особого пути» см.: Паин Э. Распутица. Poleмические размышления о предопределенности пути России. М., РОССПЭН, 2009. Он же. Будущее постимперских обществ XXI века // Россия в глобальной политике, 2013, т. 11, № 3, с. 209-219.

Таблица 19

1. КАКИЕ ИЗ ЭТИХ ЛОЗУНГОВ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИ ЛИЧНО ВАМ?**2. К КОЛОННЕ С КАКИМИ ЛОЗУНГАМИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ НА ДЕМОНСТРАЦИИ ИЛИ МИТИНГЕ?**

	Март 2014		Сентябрь 2014	
	Близки	Готов присоединиться	Близки	Готов присоединиться
«Я - русский!», «Россия для русских!», «Не бойся быть русским!», «России - русскую власть!», «Русский помощи русскому!»)	27	16	24	13
«Народовластие-прямая демократия - Советы!», «Пересмотреть итоги грабительской приватизации!», «Хватит кормить буржуев!», «Долой врагов рабочих людей!», «Власть миллионам, а не миллионерам!», «За социализм!», «За государственную поддержку работающего человека!»)	19	13	16	11
«Путин - наша сила!», «Путин наша надежда!», «Кто, если не Путин!», «Путин - спасение России!», «За стабильность!»)	13	9	16	11
«За европейский выбор России!», «Права и свободы человека - превыше всего!», «За вашу и нашу свободу!» «Нет дискриминации! Гражданское единство вместо национальной розни!», «За свободу слова! Прекратите политическую цензуру!», «Свободу политзаключенным!»	11	5	9	5
Ни один из них	26	18	34	23
Ушел бы с площади, увидев эти сборища	19	24	12	25
Затрудняюсь ответить	-	15	-	12
Сумма воздержавшихся	45	57	46	60

Ответы ранжированы, в % к числу опрошенных, сумма ответов больше 100%, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответа.

го движения (строительство национального, европейски ориентированного правового государства), но и на разрушения притягательности и силы европейских ценностей в целом, была направлена против российского антиавторитарного движения. Она была по другим чувствительным точкам массового коллективного сознания, более важным и лежащим глубже, чем декларативная идентификация с «русскостью» или «либерализмом» и т.п. Пропаганда затрагивала базовые механизмы идентификации даже не на уровне «свой/чужие», а «человеческое/нечеловеческое», то есть актуализировала значения, которые управляли воспроизводством самих норм «естественности», жизни и смерти. Около половины (45-46%) опрошенных не идентифицирует себя ни с одним из лозунгов. Если усилить степень идентификации с той или иной идеологической позицией (не просто выражение сочувствия, но и поддержка, пусть даже вербальная, в виде участия в демонстрации под такими лозунгами), то мы получаем дальнейшее и весьма заметное сокращение доли идентифицирующих себя как общественно ангажированных людей (масса инертных

увеличивается до 57-60%). Расхождения между «близостью» и «готовностью присоединиться» в точности повторяются в сентябрьском опросе (последовательно по лозунгам: «я – русский» – минус 11 пп.; красный популизм – минус 5-6 пп.; остальные – минус 4-5 пп.).

Кросс-табулярное сопоставление ответов респондентов свидетельствует, что идеологические предпочтения населения России достаточно аморфны и диффузны, поскольку значительная часть респондентов готова сочетать разные установки, не видя в этом для себя большой проблемы или противоречия. Так, например, каждый третий «русский националист» считает себя сторонником Путина и одновременно готов поддержать постсоветскую популистскую риторику «народовластия», передела собственности и некоторые другие лозунги коммунистов-зюгановцев, но также – хотя и в несколько в меньшей степени – «европейский выбор» России (табл. 20 и 21)

Степень готовности к «мобилизации» или степень консолидации различается у респондентов с разными идеологическими позициями. Более сильной мотивацией харак-

Таблица 20

КАКИЕ ИЗ ЭТИХ ГРУПП ЛОЗУНГОВ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИ ЛИЧНО ВАМ?

	Я - русский!	Народовластие- прямая демокра- тия - Советы!	За европейский выбор России!	Путин - наша сила!
Число опрошенных	438	298	171	214
1. «Я - русский!»	100	23	33	32
2. «Народовластие - прямая демократия - Советы!»	16	100	20	17
3. «За европейский выбор России!»	13	11	100	9
4. «Путин - наша сила!»	16	12	12	100

2014, март, без давших другие ответы

Таблица 21

К КОЛОННЕ С КАКИМИ ЛОЗУНГАМИ ВЫ БЫ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ НА ДЕМОНСТРАЦИИ ИЛИ МИТИНГЕ?

	Я - русский!	Народовластие- прямая демо- кратия - Советы!	За европейский выбор России!	Путин - наша сила!
Число опрошенных	438	298	171	214
1. «Я - русский!»,	53	16	14	16
2. «Народовластие-прямая демократия - Советы!»	9	57	10	9
3. «За европейский выбор России!»	3	6	39	3
4. «Путин - наша сила!»	8	4	8	50

2014, март, без давших другие ответы

теризуются русские националисты (у них самоощущенность — готовность открыто демонстрировать свои взгляды, выйти на площадь охватывает 53% всех тех, кто разделяет такие убеждения) и просоветские популисты (сторонники прямого народовластия, «советов», «советской демократии» — 57%). Либеральные взгляды не только кажутся менее распространенными, но и более слабыми в смысле интенсивности своего выражения (лишь 39% этой и так весьма малочисленной фракции прозападно настроенных либералов готовы выйти с прозападными лозунгами). Такой показатель может служить косвенным признаком аморфности этой среды, отсутствия выраженного фокуса и значимости такой структуры идентичности (расплывчатости не только позитивного условия, но и негативного фактора идентичности, например, четко выраженного образа врага).

(Русские) националисты — отличаются популярностью характеристик (к ним тяготеют как самые необразованные и бедные, так и самые

образованные и обеспеченные респонденты, жители Москвы и больших городов, рабочие и безработные, самые молодые и сорокалетние), но готовность «действовать» (в данном контексте — открыто присоединиться к виртуальной колонне с этим лозунгами) меняет характеристики их ядра. Здесь более твердыми в своих убеждениях оказываются рабочие, служащие и безработные, жители Москвы, заметно больше здесь и обеспеченных респондентов.

Путинисты: этот массив составляют преимущественно женщины (их почти в полтора раза больше — 20 и 12%), а также бедные пожилые люди, скорее даже со средним специальным образованием, с умеренным достатком, жители больших городов. Чаше готовы выйти на демонстрацию поддержки Путина, главным образом, жители больших городов, особенно — силовики. Но в принципе в этой категории опрошенных заметно резкое снижение готовности к каким-то действиям, включая даже выражение солидарности с властью, все социальные экспликации смазаны.

Таблица 22

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕСПОНДЕНТОВ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛИЛИСЬ СО СВОЕЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ / ПРИСОЕДИНИЛИСЬ БЫ К ДРУГИМ БЛИЗКИМИ ЛОЗУНГАМИ:

Идентификационные ярлыки	Я-русский		Советский популизм		Путинисты		Европейские либералы/ демократы	
	Близки	Присоединился	Близки	Присоединился	Близки	Присоединился	Близки	Присоединился
В среднем	24	13	16	11	16	11	9	5
Пол								
Мужчины	25	13	18	12	12	9	8	5
Женщины	23	12	15	11	20	12	9	5
Возраст								
18-24	28	18	11	6	18	8	8	6
25-39	22	11	14	8	15	12	12	8
40-54	26	13	15	12	16	8	7	5
55 лет и старше	23	12	21	16	17	12	6	3
Образование								
Высшее образование	23	11	14	9	18	12	12	8
Среднее специальное	24	14	17	12	15	9	10	6
Среднее общее	22	12	13	10	17	10	7	6
Ниже среднего	28	13	19	15	14	11	3	<1
Потребительский статус								
Денег не хватает даже на еду	19	13	15	16	13	10	6	3
На еду и одежду денег хватает, но покупка ТДП проблема	23	12	17	12	17	11	6	5
Могут приобрести ТДП	28	13	15	9	18	10	13	7
Могут позволить себе дорогие покупки (машину, квартиру, дачу и т.п.)	31	11	15	4	15	8	17	11
Тип поселения								
Москва	33	20	20	9	3	2	21	13
Большой город	29	11	15	13	22	16	9	7
Средний	20	11	13	7	18	12	10	6
Малый город	18	13	17	16	12	7	5	3
Село	26	13	16	9	18	10	6	3
Социально-профессиональный статус								
Предприниматель	23	8	9	10	4	7	4	7
Руководитель	26	13	9	4	19	11	19	13
Специалист	22	11	17	11	19	13	13	7
Силовик	17	5	15	13	24	17	3	6
Служащий	24	15	18	10	16	7	9	6
Рабочий	32	17	16	12	13	9	8	6
Учащийся	20	11	8	<1	21	10	6	8
Пенсионер	18	9	20	17	18	12	4	3
Домохозяйка	22	12	10	3	16	8	7	1
Безработный	29	15	5	15	14	12	5	3

2014 г., март

Либералы — самые успешные и адаптированные к изменениям респонденты, относительно молодые (но не самые молодые), обеспеченные, успешные предприниматели, руководители, чаще — москвичи.

«Коммунисты» (просоветский популизм) — преимущественно люди старших возрастов (63% из них старше 55-ти лет и еще четверть из них — сорока-пятидесятилетние люди), малообеспеченные, пенсионеры.

Отсутствие выраженных идеологических или политических позиций обусловлено глубокой фрустрацией, вызванной институциональными изменениями в постсоветское время, разочарованием в результатах реформ, проводившихся в конце советского правления и краха СССР, что можно интерпретировать как следствие неадекватных и завышенных ожиданий от смены политической системы.

В том, что господство коммунистического режима принесло нашей стране и народу «больше хорошего, чем плохого», уверены 43%, «больше плохого» — только 15%, остальные не могут сказать что-либо вразумительное. Примерно столько же россиян положительно оценивают последствия для нашей страны Октябрьской революции 1917 г.: в октябре 1998 г. их доля составляла 46% (негативные мнения выражали 35% опрошенных, затруднились с ответом 20%); в марте 2014 года — 48% (против — 28%; 24% затруднились с ответом). В отношении к Сталину (что также можно принять в качестве индикатора восприятия и оценки прошлого и, соответственно, показателя легитимности авторитарного режима, апеллирующего к нему как символу советской системы) преобладает преимущественно положительный тон. За 2006-2014 годы позитивные оценки Сталина (восхищение, симпатия, уважение и т.п.) выросли с 36 до 40%, негативные (неприязнь, раздражение, страх, отвращение, ненависть) — уменьшились, соответственно, с 38 до 19%, при этом увеличилась также и доля индифферентных — с 19 до 30%.¹ Такое снижение негативных оценок советского прошлого обусловлено не только путинской пропагандой; это свидетельство моральной несостоятельности российско-

го общества, не способного рационализировать свое прошлое, в том числе — дать этическую оценку как преступлениям государства против своих граждан, так и граждан, поддерживающих или участвующих в этих преступлениях. Именно это обстоятельство — дефицит моральной ясности или собственно аморализм общества — определяет стерильность идеологии и отсутствие других механизмов консолидации, кроме негативной, чаще всего и эксплуатируемой властями для обеспечения сохранения системы господства.

Институциональные изменения — «перестройка», инициированная Горбачевым, гайдаровские реформы рассматриваются преимущественно негативно.

Чем старше респонденты, тем более категоричными оказываются негативные ответы: у молодых соотношение +/- составляет 0,65, у пожилых — 0,24, у образованных — 0,5, у людей с неполным средним образованием — 0,3. Более толерантны в этом плане москвичи (0,81); хуже всех оценивает итоги перестройки «индустриальная Россия» и село (0,3). Единственная группа, которая оценивает перемены позитивно, — это предприниматели (1,47), к которым приближаются директорский корпус и студенты, хотя и у них баланс остается отрицательным. Хуже всех относятся к историческим изменениям последних двадцати лет безработные (0,15), пенсионеры и силовики (0,3).

Столь же негативно, если не еще хуже, оцениваются общественным мнением в России и результаты гайдаровских реформ, и сам переход к рыночной экономике и его издержки. Даже делая поправку на демагогию коммунистов и их агрессивную критику Ельцина и демократов, на обличения путинской пропагандой «лихих 90-х» как способа самолегитимации Путиным, все равно остается несомненным тот факт, что опыт трансформации тоталитарной политической и планово-директивной распределительной системы в экономике носит крайне травматический характер.

Положительное отношение к реформам демонстрируют лишь обеспеченные молодые люди, а также — москвичи; признают ее болезненный, но необходимый характер — опять-таки москвичи, в более общем плане — образованные, обеспеченные респонденты.²

¹ Гудков Л. Амнезия или стерилизация большого прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. Материалы международной конференции. Санкт-Петербург, 18-20 октября 2012 г. М., РОССПЭН, 2013, с. 6-20; Gudkov L. The Archetype of the Leader: Analyzing a Totalitarian Symbol Stalin the Puzzle: Deciphering of Post-Soviet Public Opinion, Washington, Carnegie Endowment for International Peace, 2013, p. 29-46; Gudkov Lev. Spiele mit Stalin: Über das Legitimationsdefizit des Putin-Regimes // Berliner Debatte Initial. 2013, 24. Jg. N 1, S. 99-108.

² Некоторое, впрочем, незначительное, снижение отрицательного отношения к реформам Гайдара зафиксировано лишь в период турбулентности 2009-2012 годов — после кризиса и до протестных манифестаций в крупных городах.

Таблица 23

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ОБЪЯВЛЕННАЯ В 1985 ГОДУ ПОЛИТИКА «ПЕРЕСТРОЙКИ» ПРИНЕСЛА В ЦЕЛОМ РОССИИ БОЛЬШЕ ПОЛЬЗЫ – ИЛИ БОЛЬШЕ ВРЕДА?

Больше...	пользы	вреда	Затрудились ответить
В среднем	23	56	21
возраст			
18-24	26	40	35
25-39	24	49	28
40-54	28	56	17
55+	17	70	13
образование			
Высшее	28	55	17
Среднее специальное	25	54	21
Среднее общее	19	56	25
Ниже среднего	20	58	23
Социально-профессиональный статус			
Предприниматель	50	36	14
Руководитель	34	52	14
Специалист	26	53	21
Военнослужащий	13	44	43
Служащий	25	52	23
Рабочий	23	52	25
Учащийся	31	34	35
Пенсионер	16	74	10
Домохозяйка	29	43	28
Безработный	8	52	40
Тип поселения			
Москва	38	47	15
Большой город	18	60	22
Средний город	28	50	22
Малый город	24	59	17
Село	19	55	26

2014г., март

Таблица 24

С КАКИМИ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ МНЕНИЙ ПО ПОВОДУ РЕФОРМ, НАЧАТЫХ В 1992 Г. ПРАВИТЕЛЬСТВОМ Е. ГАЙДАРА, ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ?

	1999 апр.	2002 янв.	2004 март	2007 март	2009 дек.	2010 окт.	2011 март	2012 март	2013 март	2014 март
Они оказали, безусловно, положительное влияние на экономику России	2	2	4	5	7	7	5	4	6	5
Они были болезненны, но необходимы	15	14	21	21	31	23	21	20	18	21
В них не было никакой необходимости	13	17	19	20	19	19	22	18	23	22
Они оказали разрушительное действие на экономику России	46	51	36	35	24	26	24	29	31	31
Затрудняюсь ответить	25	16	20	20	19	25	29	28	22	22
Негативные мнения	59	58	55	55	43	45	46	47	54	53
+/-	0.3	0.2	0.4	0.5	0.9	0.7	0.6	0.5	0.4	0.5

Негативные последствия изменений чаще подчеркивают пожилые респонденты, жители больших (индустриальных) городов и сел, малообразованные и бедные люди; в социально-профессиональном плане выделяется своим критицизмом и негативизмом бюрократия (руководители, специалисты, служащие), а также значительная часть бизнесменов (про которых можно сказать, что они вышли из той же среды советских директоров, что и бюрократы, и сохранили свою генетическую связь с советским чиновничеством).

Собственно либералов, то есть людей, ясно понимающих смысл свободы и институциональных реформ, проведенных правительством Гайдара (при всей их противоречивости и неполноте, незавершенности), в России насчитывает 5-7%. Это ядро прозападно настроенных интеллектуалов и демократов окружено еще примерно 20% населения, то есть людей, ориентирующихся на них время от времени и разделяющих в некоторых отношениях их мнения и оценки ситуации.

Таким образом, **мы имеем дело не с новыми взглядами и убеждениями (которых не возникло с тех пор), а с эрозией прежних, в ослабленном виде — с инерцией массовых установок, поляризованных мнений и ориентаций, значимых в середине 1990-х годов, но сегодня утрачивающих прежнюю четкую структуру.** Основная масса политически акцентированных представлений носит либо ретро-ориентированный характер (постсоветские популисты, левые, обращенные в прошлое, увлечены риторикой уравнительной справедливости; националисты, подчеркивающие величие прошлых достижений страны — царской империи, сталинской или послесталинской супердержавы, колониальной экспансии), либо ориентирована на настоящее положение вещей, то есть на идентификацию с действующим авторитарным режимом Путина.

Едва ли такой вывод будет вызывать удивление, если учесть выжженность политического поля и отсутствие возможностей серьезной публичной проработки идеологических вопросов. Политические партии не только последнего времени (начиная с введения «суверенной демократии»), но и более раннего времени, кроме недолгого периода первой половины 90-х годов, были не в состоянии артикулировать подобные проблемы. По глубокому убеждению населения, политические партии, родившиеся из развала советской номенклатуры, не выражали интересы широких слоев российского общества. В общественном мнении они представляли либо

как образуемые администрацией Кремля бюрократические электоральные машины, либо как клановые группировки, формирующиеся для борьбы за распределение казенного пирога, или клики, созданные для демонстрации поддержки власти; в лучшем случае — они расценивались как кадровый ресурс управленческого аппарата или средство контроля за ним со стороны высшего руководства страны.

Это заключение одновременно означает, что у российского общества нет идеи или образа будущего, более того — действуют внутренние механизмы, подавляющие подобные стремления и движения. Речь в данном случае не идет о выработке утопических представлений (которые возникают при определенных условиях в группах социальных «парий», лишенных прав и возможностей защиты), а о возможностях публичной артикуляции проблем и массовых интересов, общественных дискуссиях о способах их представления, то есть о механизмах политического целеполагания, включая и предлагаемые решения подобных задач разными партиями и общественными движениями, организациями гражданского общества. Стерилизация публичного поля ведет к стагнации в общественной жизни и массовом равнодушии к политике.

2. От кризиса легитимности к консолидации вокруг власти: смысл антиукраинской политики

Высокий уровень массового одобрения аннексии Крыма¹ и российской политики по отношению к Украине, поразивший многих западных наблюдателей, часто связывается ими с подъемом русского национализма, выразителем которого, как считают эти политологи, и явился Путин.

Однако рост национализма в России не был спонтанной реакцией общества на события в Украине. Еще в летом 2013 г. антиукраинские

¹ «Присоединение Крыма к России — большое достижение российского руководства, положительные последствия которого россияне ощутят в будущем», считали в августе 2014 г. 85% россиян, 6% респондентов полагали, что «это неоправимая ошибка» (9% — затруднились с ответом). Результаты этих опросов доступны на сайте Левада-центра. См., например, публикации: <http://www.levada.ru/30-07-2014/otsenka-politiki-rukovodstva-rossii-otnositelno-ukrainy>; <http://www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii>; <http://www.levada.ru/29-08-2014/ukrainskii-krizis-vnimanie-uchastie-rossii-budushchee>; <http://www.levada.ru/28-08-2014/sanktsii-otsenki-i-ozhidaniya>; <http://www.levada.ru/02-09-2014/prisoedinenie-kryma-k-rossii>; <http://www.levada.ru/25-11-2014/sobytiya-na-vostoke-ukrainy-vybory-v-dnr-i-lnr-peremirie>; <http://www.levada.ru/27-11-2014/voennyyi-konflikt-na-vostoke-ukrainy>; <http://www.levada.ru/10-12-2014/rossiiskaya-politika-v-otnoshenii-kryma>; <http://www.levada.ru/30-12-2014/maidan-krym-sanktsii>

настроения были на сравнительно низком уровне (в точке спада после волны антиукраинских настроений, поднятой российской пропагандой из-за сдержанной позиции правительства Украины в ходе русско-грузинской войны 2008 года и последовавшей за тем анти-«оранжевой» кампании во время выборов в 2009 году) — см. граф. 1. Европейский выбор Украины сам по себе не вызвал тогда и не вызывал в дальнейшем какой-либо особой враждебности в российском обществе, чего нельзя сказать о российской власти. Большинство россиян считали в октябре-ноябре 2013 года, что России не следует вмешиваться во внутри украинские дела, тем более — оказывать военное давление на одну из сторон конфликта.

Зависимость (возбуждения патриотической волны и враждебности к Украине) и последовательность событий (действия российского руководства) здесь иная: падающая поддержка в российском обществе авторитарного и коррумпированного режима Путина заставила Кремль искать средства (и источники) для дискредита-

ции внутрироссийской оппозиции и подавления гражданского общества, выступающего с острой критикой власти.

Причины роста недовольства в стране выявлены и разобраны. Экономический кризис 2008-2009 года посеял в обществе сомнения в способности Путина обеспечить устойчивый рост экономики и доходов населения. Начиная с 2010 года, поддержка политического руководства страны, состоящего из бывших сотрудников КГБ, ослабла и устойчиво снижалась вплоть до января 2014 года. Внешним выражением растущего массового недовольства стали демонстрации протеста 2011-2013 годов в крупнейших городах, принимавшие все более антипутинский характер. При этом факторы делегитимации режима принципиально различались в разных социальных средах.

Бедная и депрессивная российская провинция с колоссальным трудом адаптируется к рыночной экономике. В первую очередь это относится к средним и малым городам, которые не могут освободиться от инерции отраслевой

График 1

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ К УКРАИНЕ?

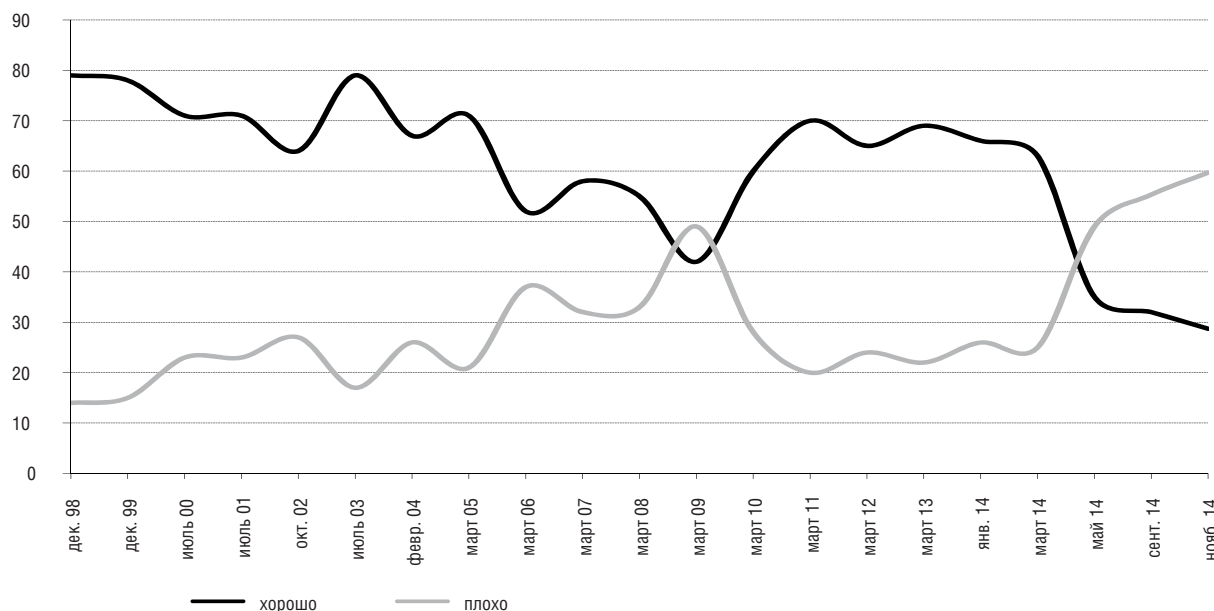

Таблица 25

КАК ВЫ ЛИЧНО ОТНОСИТЕСЬ К ВОЗМОЖНОСТИ АССОЦИИРОВАННОГО ЧЛЕНСТВА УКРАИНЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ?

	2013 ноябрь	2013 декабрь	2014 декабрь
Положительно. Интеграция с ЕС даст новый толчок социально-экономическому и политическому развитию Украины	3	6	5
Нейтрально, это внутреннее дело Украины, России не следует вмешиваться	50	51	60
Отрицательно. Это предательство славянского единства, Украина должна была вступить в Таможенный союз с Россией	30	24	22
Затруднились ответить	17	19	14

структуры советской милитаризированной экономики, поскольку именно в них размещались промышленные предприятия, обеспечивающие ВПК. Еще тяжелее ситуация в сельской местности, особенно в центральных и северных регионах, захваченных процессами депопуляции, оттока молодежи. Старееющее и потому крайне консервативное, сельское население цепляется за остатки колхозной системы, не обладая достаточными ресурсами для изменения образа жизни. Население провинции отчетливо сознает, что рыночная экономика несет с собой угрозу катастрофы для монопромышленных городов, неконкурентных и обреченных на деградацию и вымирание без помощи государства (государственных заказов, дотаций, регулирования цен, пособий малоимущим семьям и т.п.), то есть без хотя бы частичного возвращения к практикам государственного патернализма, характерного для позднего социализма. Поэтому в этих группах (составляющих две трети населения России) преобладают антиреформистские и антимодернизационные настроения; сильны представления о том, что крах советской системы был вызван искусственно, что это — результат заговора западных держав, одержавших таким образом победу над СССР. Идеи демократии и либерализма, правового государства, разделения властей, прав человека и т.п. наталкиваются здесь не просто на непонимание, но вызывают сильнейшие сопротивление, поскольку они ассоциируются с тяжелейшим переходным периодом и кризисом 90-х годов, сопровождавшимся глубоким падением жизненного уровня населения страны.

Совершенно другие причины для недовольства правительством выявляются в крупнейших городах России. В мегаполисах, и особенно — в Москве, сложилась инфраструктура рыночной экономики, в которую втянуты самые активные группы населения и квалифицированные рабочие силы. Здесь за 2000-е годы появился слой, похожий во многих отношениях на европейский средний класс (но с гораздо более высоким удельным весом государственных служащих, а потому с другой структурой ценностей и идентичностью). Уровень доходов населения крупных городов в 2-2,5 раза выше среднего по стране. Поэтому и претензии к авторитарному режиму (наиболее полно выраженные на демонстрациях протеста) существенно отличаются в сравнении с провинцией: главное требование — продолжение политики модернизации институциональной системы в России. Хотя непосредственным поводом для массового воз-

мущения стали конкретные факты фальсификации результатов парламентских выборов 2011 года, основная масса населения ясно сознавала, что манипулирование выборами теснейшим образом связано с другими особенностями сложившейся при Путине системы правления: с коррупцией, захватившей все уровни государственного управления, насилием и произволом полиции, зависимостью суда от исполнительной власти, «избирательное правоприменение» (по известному выражению генерала Франко: «друзьям — все, врагам — закон»).

В ответ на движение протеста путинский режим объявил войну гражданскому обществу, организации которого были объявлены «иностранными агентами», «подрывными элементами», разрушающими стабильность и согласие в обществе. За короткое время (осень 2012 — первую половину 2013 года) были приняты свыше 30 новых законов или поправок в действующие статьи уголовного кодекса, резко ограничивающие деятельность неправительственных организаций, свободу информации, Интернета. Тем самым была завершена последовательная работа по выхолащиванию тех принципов, которые лежали в основе Конституции РФ, и создана законодательная база для проведения репрессивной политики в отношении любых неконтролируемых государством общественных организаций, подавления оппозиционных партий, инакомыслия, свободы слова. Одновременно из России были вытеснены влиятельные международные институты и общественные фонды, поддерживавших в России гуманитарные, экологические и научные программы (институт «Открытое общество» Дж. Сороса, фонд Форда, Дж. и К. Маккартуров, USAID и многие другие). Идеологически это прикрывалось заботой об интересах национальной безопасности, охраной традиционных моральных и культурных ценностей, защитой от разлагающего влияния западного либерализма, «фальшивых» либеральных принципов приоритетности «прав человека» над «интересами государства» и т.п. Предпринимались (и предпринимаются) попытки изменения Конституции России, прежде всего, с целью изъятия из Основного закона положения о недопустимости установления в России государственной идеологии, а также пересмотра принципа приоритетности международного права над российским законодательством. Реализация этих планов (а их проталкивает такой российский законник, как председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин, опубликовавший серию статей на

эти темы в официозном издании «Российская газета») потянула бы за собой выход России из основных европейских конвенций и договоров с другими странами, касающихся базовых положений международных отношений, построенных на осмыслении опыта Второй мировой войны и борьбы с тоталитаризмом. И тем самым — полностью освободила бы российский политический класс от какой-либо ответственности перед международными институтами, превратив страну в закрытое общество, в еще одну квази-фундаменталистскую деспотию на манер Туркмении или Узбекистана.

Российское руководство со времени «цветных революций» (в Грузии и в Украине) чрезвычайно обеспокоено стремлением бывших союзных республик СССР выйти из зоны влияния России. Вступление этих стран в ЕС или в НАТО означало бы крах диктаторских или персоналистских, в любом случае — недемократических, режимов, появившихся на постсоветском пространстве. Озабоченность «идеологической заразой» — влиянием ценностей западной демократии и «экспансией» НАТО в восточной Европе — заставляет «коллективного Путина» рассматривать все события (от движений протеста против фальсификации выборов в России до «арабской весны») как одну цепь заговоров и подрывных действий, инспирированных Госдепом, ЦРУ или спецслужбами других западных стран с целью установления после окончания холодной войны нового мирового порядка, а именно: монопольного господства США и их союзников. Совершенно неважно при этом, действительно ли это искренняя паранойя «православного чекизма» или это такая удобная игра, позволяющая вводить дополнительные меры консервации общественного состояния.

Населению России настойчиво (особенно после мюнхенской речи Путина в 2007 году) внушалась идея усиления враждебного окружения страны, мысль о том, что «Запад» стремится ослабить Россию, вытеснив ее из зоны «традиционных национальных интересов» — территории бывшего СССР, поставить под контроль ее сырьевые ресурсы. Идеология «социально-политической стабильности» как основа легитимации действующего режима Путина, сохранения власти в его руках любыми средствами, предполагала практику постоянного устрашения российского населения многообразными угрозами «национальной безопасности» страны, ее территориальной целостности, подрыва экономики, размывания русской культуры, традиционной ментальности, русской «духовно-

сти». «Возрождение России», объявленное Путиным, преодоление состояния национального унижения, «вставание страны с колен» на глазах приобретает черты коллективной метафизики — «вечного противостояния» России и Запада как особых, закрытых «цивилизаций». Кремлевские политтехнологи совершенно сознательно пытаются восполнить таким образом тот вакуум, который возник после конца идеологии классовой борьбы и противостояния двух мировых систем (социализма и капитализма), тихо умершей в годы брежневского застоя. Функция этой «национальной идеи», а по существу — реакционной утопии, заключалась в консервации ставшей безальтернативной системы господства и, обратным светом, — дискредитации понятий и принципов «открытого общества», правового государства, модернизации, ценностей демократии и либерализма, принятие которых неизбежно влечет признание необходимости дальнейших институциональных реформ и изменения системы господства как условия экономического роста, общественного процветания и технологического прогресса.

Сами по себе спекуляции такого рода не слишком интересовали население. Однако они попали в резонанс с другими процессами, набравшими силу в 2000-е годы. Рыночные реформы, инициированные Е. Гайдаром, несмотря на непоследовательность их реализации, дали сильнейший импульс для подъема экономики, поддержанного доходами государства от экспорта нефти и газа, резко выросшими к началу путинского правления. По совокупности этих факторов реальные доходы населения на протяжении 2002-2008 года росли на 6-8% в год, опережая рост производительности труда. Никогда в своей истории Россия не жила так, как во время этого путинского процветания. Масштабы бедности (удельный вес людей, которым, по их словам, «денег не хватало на питание и одежду») сократились с 49% (1999 г.) до 8-12% (2011-2013 гг.). Заметно выделился слой, который условно можно назвать российским «средним классом»¹, состоящий из людей, занятых в рыночном секторе экономики — менеджеров, специалистов, мелких и средних предпринимателей, и чиновников, государственной бюрократии, чьи доходы росли опережающими темпами. Масштабы этого слоя можно оценить приблизительно в 20-25% населения, людей,

¹ «Условно» потому что по своему составу, механизмам формирования, параметрам и идеологическим или ценностным установкам он принципиально отличается от middle class западных стран, завершивших процесс модернизации.

выигравших от перемен, последовавших после краха советской системы. В результате в России возникло совершенно новое явление — массовое «общество потребления». Демонстративный характер потребления в данном контексте отражает не столько ценности среднего класса или «меритократии», сколько доступ к административной ренте, к каналам государственного распределения доходов, в сильнейшей степени затронутых коррупцией. Поэтому признаки высоких стандартов потребления в глазах большинства населения (особенно в провинции) лишены легитимности и общественного признания. Они могут расцениваться как подозрительные или сомнительные с моральной точки зрения, поскольку такой уровень жизни не ассоциируется в общественном мнении с высокой профессиональной квалификацией, компетентностью, трудовым вкладом или инициативой и предприимчивостью. В этом плане стремление к демонстративному потребительскому поведению оказывается скорее «негативом» принудительного аскетизма, характерного для дефицитной экономики позднего социализма, уравнительного распределения, чем выражением признания социального достижения или успеха энергичного предпринимателя. Растущая социальная дифференциация и высокое неравенство доходов порождает массовую зависть и социальный рессентимент, сознание несправедливости социального порядка, широко распространенное чувство неполноценности и ущербности, подавляемого раздражения, не имеющего выхода. Здесь следует учесть также и сохраняющееся в массовом сознании остатки «классовой вражды к богатым». По логике патернализма недовольство и напряжение такого рода переносятся на власть, которая не выполняет условия неформального соглашения: отказ от политики в обмен на обеспечение определенного достатка, что сказывается на авторитете власти, всеобщей убежденности в порочности и эгоизме власти, тотальной коррумпированности политиков и чиновников.

Все вместе — массовый рессентимент, разочарование от неисполнения патерналистским государством своих обещаний и социальных обязательств, бесперспективность социального положения в провинции, тревога в отношении приближающегося экономического кризиса — оборачиваются ростом аморфной и безадресной внутренней агрессии, социальной напряженности, симптоматика которой проявляется в показателях аномии и социальной патологии. По статистике самоубийств и престу-

плений, алкоголизма и заболеваемости Россия заметно выделяется среди большинства стран, даже на фоне членов бывшего социалистического лагеря, опережающих в этом отношении все развитые страны. Проявления социальной дезорганизации особенно заметны на социальной периферии — в низших слоях населения и в провинции. Другой формой поднимающегося социального напряжения в обществе оказывается ксенофобия, как внутренняя (открытая и еще более важная — латентная неприязнь к приезжим из республик Северного Кавказа и к мигрантам из Средней Азии, составляющим основную массу гастарбайтеров), так и внешняя — усиление антизападных настроений, в первую очередь — антиамериканизма. Ксенофобия наиболее ощутима в городах, особенно — в крупных, где все социальные противоречия обострены. Ее динамика (повышение или снижение уровня неприязни к «чужим») указывает на колебания степени коллективной сплоченности, значимости представлений о «коллективном Мы», которое может то сужаться до границ «этнической» группы (примордиальные аскриптивные формы идентичности), то, напротив, расширяться до общностей, имеющих универалистскую, ценностную основу (правовую, институциональную и т.п.¹).

Крах СССР и коммунистической системы для массового сознания означал распад коллективной идентичности, представлений о социальном целом, девальвацию ценностей, интегрирующих социум и дающих основания для коллективного самоуважения. Сознание принадлежности к Великой Державе, каким был Советский Союз, подданство громадной страны, супердержавы, обладающей ядерным оружием, равным по мощи США, компенсировало хроническое состояние униженности и бедности маленького человека в его повседневной жизни, зависимости от бюрократического произвола, беспомощного перед начальством. Чувство превосходства русских над представителями других народов и этнических групп возвышало их в собственных глазах и накладывалось на традиционную имперскую спесь

¹ Наиболее ярким примером реакции современного общества на агрессию традиционалистских (традиционализирующихся, имитирующих традиционализм) групп могут быть совсем недавние марши против терроризма в Париже, в Берлине и других городах после нападения исламских радикалов на редакцию Шарль Ебдо. Примечателен разброс в этом плане реакций в России различных акторов: от Р. Кадырова и до М. Ходорковского, от двусмысленности заявлений и жестов официоза до открытых выражений фобий в неофициальных передачах по ТВ и в Интернете, а также — организации показанных «всенародных манифестаций протеста», как это было в Грозном 19 января 2015 г

русских в отношении «иностранцев», этнически нерусского населения колониальных окраин, «нацменов», как пренебрежительно именовал их советский канцеляристский язык. Поэтому утрата Россией прежнего статуса и, соответственно, претензий на особую миссию (и идеологическую, как это было во время и имперского, и коммунистического правления) вызвали глубокую и очень болезненную фрустрацию массового сознания, серьезность которой исследователи явно недооценивают. Травматические последствия утраты позитивной общей идентичности после исчезновения СССР проявились через поколение в нынешнем взрыве патриотизма, что заставляет социологов думать о «большом времени» социальных изменений.

Формирование «общества потребления» усиливало контраст между образом настоящего — то есть статусом России как второсортной региональной державы (сохранившей лишь признаки авторитета и силы, в первую очередь — владения ядерным оружием) и образом героического и великого прошлого, в котором сегодня начинают сливаться СССР с дореволюционной империей. Этот разрыв ценностных уровней коллективных представлений никак не восполнялся вплоть до самого последнего времени. И именно на этот массовый запрос и отзывался со своей традиционалистской демагогией В. Путин, заявляя о том, что распад СССР был величайшей катастрофой XX века. Для того чтобы вернуть россиянам чувство гордости за свою страну, он призывал опираться лишь на фантомные «традиционные ценности России» и сопротивляться разлагающему влиянию Запада, поскольку либерализм, права человека, демократия, правовое государство и т.п. являются не более чем лицемерной риторикой, рассчитанной на легкое доверие простаков. «Реальность» в этой системе координат российского руководства обусловлена лишь силой («слабых быть»). Поэтому «подлинные традиции» и интересы России, как уговаривала людей пропаганда, заключаются в централизованном государстве, сильном патриотизме своих граждан.

Настойчиво навязывая обществу идеологию патриотизма, свободного от памяти о сталинизме, от травмы тоталитаризма, сознательно играя на комплексах потерпевших поражение в холодной войне, Путин («коллективный Путин») одновременно выдавливал из политического процесса оппозицию, уничтожал независимую экспертизу, сужая тем самым пространство публичности. Это имело и свою обратную сторону: общество, лишенное авторитетных голо-

сов и моральных ориентиров, но раздраженное химерами утраченного величия империи, отозвалось подъемом темного, ущемленного национализма, весьма критически настроенного по отношению к действующей власти. Именно националисты постоянно акцентировали внимание на старательно замалчиваемых темах и социальных проблемах — от коррупции высшей власти, депутатов, судебной системы и правоохранительных органов до клановой приватизации. Успех А. Навального обязан именно этой стратегии — сочетанию критики коррупции с защитой «этнического большинства». Националисты первыми в декабре 2010 г. вышли на московские улицы перед Кремлем в знак протеста против продажной полиции и несправедливости суда.

Поэтому события в Киеве, протестный Майдан и национально-демократический характер восстания против режима Януковича представляли собой серьезную опасность для Путина. Сходство, если не тождество, обоих режимов лежало на поверхности, а сам успех сторонников Майдана давал пример российской оппозиции.

Именно против этой угрозы и была развернута тотальная и агрессивная антиукраинская пропагандистская кампания. Весь смысл нынешней российской политики дестабилизации Украины и сохранения ее в состоянии хронического кризиса и дезорганизации заключается в том, чтобы дискредитировать прозападные силы демократической национальной консолидации, уничтожить базу для реформ, перенести недовольство российского населения с коррумпированной бюрократии на сторонников правового государства, демократии и политики европеизации. Ничего принципиально нового в установках этой пропагандистской машины, направленной против Украины, не было: главные чувствительные точки, на которые нажимали путинские политтехнологи, были нащупаны гораздо раньше, еще в первые годы путинского правления, когда перед режимом встала задача дискредитировать страны Балтии и бывшего соцлагеря (Польшу, Румынию, отталкивавшихся от тоталитарного прошлого и негативно воспринимавших перспективу сохранения политического родства с Россией как наследницей советской системы). При этом использовался весь потенциал обиды, «измены» этих стран, включая и обвинения их — прежде всего балтийских государств — в реабилитации своих нацистов и дискриминации русскоязычного меньшинства.

Примечательно, что значимость Евразийского союза (бывшего СНГ) по мере развития этих событий теряет свою силу; массовое сознание, управляемое политехнологами и манипуляторами на ТВ, быстро переориентируется на Китай, который в общественном мнении начинает играть роль символического противовеса США (без каких-либо достаточных на то оснований — табл. 26). Только одно это обстоятельство говорит о том, насколько лабильна содержательная расстановка фигур в поле массового сознания, или по другому — насколько мало значимы для практической жизни абсолютного большинства россиян, не несущих никакой ответственности за внешнюю политику, эти перегруппировки дружественных или враждебных стран. Единственное их назначение — поддержка легенды власти.

Антиукраинская политика Путина всего за два месяца полностью изменила атмосферу в российском обществе. Актуализированные пропагандой — в условиях искусственно созданной атмосферы чрезвычайного положе-

ния — на поверхности общественного внимания проступили примитивные механизмы массовой консолидации вокруг власти. Эти реакции массового сознания реанимируют мифы, символы и язык советской эпохи, заставляя думать о незавершенности процессов распада СССР или инерции коммунистического прошлого. В этом плане их можно и нужно рассматривать как резидуумы тоталитарных институтов, с одной стороны, и сопряженного с ними опыта приспособления к репрессивному государству, с другой. В целом, такого рода изменения указывают на одну общую закономерность: сохранение социального целого (при такой модели организации взаимоотношений зависимого общества и авторитарной власти) возможно лишь ценой резкого упрощения структуры социума и архаизации его институтов.

Враг и жертва

Подсознательно российское общество ощущает свою ущербность и неправый характер политики государства, но эксплицитовать эти

Таблица 26

НАЗОВИТЕ ПЯТЬ СТРАН, КОТОРЫЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ САМЫМИ БЛИЗКИМИ ДРУЗЬЯМИ, СОЮЗНИКАМИ РОССИИ И ПЯТЬ СТРАН, КОТОРЫЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАСТРОЕННЫМИ НЕДРУЖЕСТВЕННО, ВРАЖДЕБНО ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ

Дружественные				враждебные			
май 2005	%	май 2014	%	май 2005	%	май 2014	%
Беларусь	46	Беларусь	51	Латвия	49	США	69
Казахстан	20	Китай	40	Литва	42	Украина	30
Германия	23	Казахстан	37	Грузия	38	Литва	24
Украина	17	Армения	15	Эстония	32	Латвия	23
Индия	16	Германия	14	США	23	Эстония	21
Франция	13	Индия	13	Украина	13	Грузия	19
Китай	12	Куба	10	Афганистан	12	Великобритания	18
Болгария	11	Азербайджан	9	Ирак	10	Германия	18
Армения	9	Таджикистан	8	Япония	6	Польша	12
Финляндия	6	Болгария	8	Иран	6	Канада	7

Приводятся 10 стран, чаще всего упоминаемых в каждом замере

Таблица 27

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ О ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ, КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, НА УКРЕПЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СТРАН В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОЛЖНА ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА?

	2004 май	2008 июнь	2013 апрель	2014 декабрь
Китай	9	12	21	47
Страны СНГ / ближнего зарубежья (такие как Украина, Белоруссия)	34	35	28	12
Страны Западной Европы (такие как Франция, Германия)	25	28	20	8
Соединенные Штаты	13	7	9	4
Исламские страны	1	2	3	1
Другое	3	2	1	2
Затрудняюсь ответить	14	13	19	27

обстоятельства может только в виде обратных «проекций» точки зрения Другого на себя. Так, на вопрос: «Как изменилось отношение к России и к русским за последние полгода за рубежом?», лишь 21% в общей сложности указали на изменения к лучшему («нас стали больше любить, уважать, понимать» и т.п.), основная же масса опрошенных — в сумме 64% — отвечали: «нас стали больше бояться, ненавидеть и презирать» (13% считают, что за этот период ничего не произошло, остальные затруднились с ответом). Отсюда, в соответствии с логикой социально-психологических механизмов работы с травмой, лучшей защитой от чувства собственной ущербности, сознания неполноценности становится либо игнорирование Запада, вытеснение из его горизонта значимых оценок, либо «опускание», наделение «Запада» всеми негативными характеристиками, включая и вечную, метафизически обусловленную враждебность к России (что, по сути, освобождает общество от гнета собственной аморальности, отсталости и «рабства»). За неполных семь лет доля тех, для кого значима систем координат современного, морального и правового сознания, ассоциируемого с устройством западных демократических стран, уменьшилась почти в вдвое (в 1,7 раза) и, напротив, доминирующей стала позиция «игнорирования» источника неприятных мнений о самих себе (табл. 25). Психологический анализ увидит в этом действие защитных механизмов против фрустрации: принцип «сам дурак», либо «самообман» («тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»), наделение себя во-

ображаемыми достоинствами, «зависть» к которым нейтрализует суть предъявляемых и настоящего угнетающих упреков (табл. 26)

Такая двойственность чрезвычайно характерна для национального сознания русских. В массовых опросах она проявляется в высказывании одновременно противоположных суждений о фактах: например, «Россия поддерживает сепаратистов» («в Донбассе российские войска принимают участие в военных действиях»), и отрицание этого факта («Россия не участвует в гражданской войне в Украине», «на востоке воюют только российские добровольцы»); или «нарушать суверенитет чужой страны нельзя» и «Россия имеет право активно действовать в зоне своих интересов»; «Россия ведет информационную войну» (и это, по мнению населения, правильно) и «российские СМИ объективно освещают события в Украине», «российские СМИ не врут» и «не слушать ничего не хочу иного».

Двусмысленность ситуации и действия российского руководства для многих очевидна, но признать само это обстоятельство россияне не могут, потому что не хотят. Настаивание на своем важнее, чем открытое признание действительного положения вещей (при некотором сомнении в своей правоте).

Русский национализм выполняет защитную и компенсаторную функцию: поддерживая легитимность консервативного режима как империи или супердержавы, он интегрирует всю массу населения и блокирует возможность каких-либо изменений (институциональных реформ).

Таблица 28

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СЛЕДУЕТ ЛИ НАМ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА КРИТИКУ РОССИИ СО СТОРОНЫ ЗАПАДА?

	2007 II	2010 III	2012 II	2014 XII
Да	46	42	38	27
Нет	38	45	50	57
Затрудняюсь ответить	16	12	12	16

Таблица 29

ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО НАМ НЕ НУЖНО ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЕ НА КРИТИКУ ЗАПАДА?

	2007 II	2010 III	2012 II	2014 XII
На Западе плохо понимают нашу жизнь, а хотят нас учить	38	36	29	27
На Западе недоброжелательно относятся к России, критика Запада враждебна	24	22	26	43
На Западе воспринимают Россию как конкурента и стремятся ее ослабить	39	35	40	40
Западные критики часто критикуют нас за то, чем сами грешат («двойные стандарты»)	22	14	17	22
Затрудняюсь ответить	4	3	5	6

«Возрождение» России как Великой державы является самым эффективным в идеологическом плане основанием для легитимации системы господства, подобной путинской. **После краха СССР абсолютное большинство опрошенных (72-74%) считали, что Россия утратила статус великой державы.** От появления нового лидера, сменявшего вызывавшего общее раздражение Ельцина, население ожидало решения двух главных задач: выхода из экономического кризиса, улучшения материального положения и восстановления международного авторитета России как великой державы. Его возвращение должно было быть главной задачей государственной политики, внешней в первую очередь.

С большим трудом, только резко ограничив свободу информации, путинскому режиму удалось убедить общество в том, что эта вторая проблема решена. Еще в 2011 году общественное мнение колебалось относительно того, вернула ли Россия свой статус великой державы или нет (мнения разделились ровно пополам: 47%: 47%), но после аннексии Крыма сомнения исчезли (63-68% россиян вновь признали свою страну «великой»).

Путин крайне нуждался в подтверждении того, что геополитические позиции, которые имел СССР, удержаны нынешней Россией. Населению упорно навязывается мысль о спасительности возвращения к национальным традициям, к ценностям патриотизма (под которым понималось именно безоговорочная гордость страной как условие отсутствия протестов

против власти и признание роли или заслуг ее руководителей в деле восславления отечества). Процесс возвращения пропагандой советских мифов и идеологием резко усилился после массовых антипутинских акций и демонстраций протеста в 2011-2012 годах. Антизападная, антилиберальная демагогия путинских пропагандистов противопоставляла «деградирующую», «кризисную Европу, утратившую свои христианские моральные и культурные ценности» «возрождающейся и набирающей силу России», требующей признать ее новую роль в мире. В результате такой обработки общественное мнение за очень короткое время, буквально за год - полтора, стало настроенным антизападно, в первую очередь — антиамерикански.

Более критично к массовым фобиям (обилию врагов) относятся люди с более инструментальным, прагматичным и рациональным мышлением — предприниматели, руководители, наиболее доверчивы и внушаемы — силовики, служащие и учащаяся молодежь. Считают, что разговоры о врагах — это не более чем страшилки, которыми путинский режим пугает население, прежде всего молодые и образованные респонденты, москвичи, то есть те группы, которые сильнее включены в рыночную экономику, пребывают в сравнительно модернизированной среде, а потому более свободны от деспотического и репрессивного государства. Напротив, уверены в существовании врагов и враждебного отношения в мире к России главным образом население средних городов («индустриальная Россия», в терми-

Таблица 30

ЕСТЬ ЛИ ВРАГИ У НАШЕГО НАРОДА, НАШЕЙ СТРАНЫ?

	1989*	1994	1999	2003	2008	2009	2011	2012	2013	2014
Да, есть	13	41	65	73	68	69	70	63	73	84
Нет	47	37	14	9	14	18	19	19	13	8
Затруднились ответить	15	22	22	14	18	13	11	18	9	8

* В анкету 1989 г. (методика — самозаполнение) была включена опция — «другие ответы», собравшая 25% самых разных мнений о функциях и типах врагов.

Таблица 31

ЕСТЬ ЛИ ВРАГИ У НАШЕГО НАРОДА, НАШЕЙ СТРАНЫ?

	1989, декабрь	1994, март	2011, январь	2014, март
Наша страна окружена врагами со всех сторон	4	7	18	26
Самые опасные наши враги — скрытые, внутренние	16	16	28	20
У народа, вставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги	18	12	21	30
Зачем искать врагов, когда корень зла — в нас самих, в наших собственных ошибках	48	45	19	17
Затруднились ответить	14	20	14	7

нологии Н. Зубаревич), работники госсектора, пенсионеры.

Смутный психологический дискомфорт от полного слияния с патерналистским и авторитарным режимом снимается характерным восприятием себя как «жертвы», объекта враждебности других стран, или несправедливости отношения к России¹. Особенно такое резкое усиление «собственной правоты» стало заметным после аннексии Крыма. Доля ответов «Россия никогда не была агрессором» выросла с 37% (в 1998 г.) до 55% (в марте 2014 г.), то есть такая установка — утверждение своей бесспор-

ной «правоты», более того — претензии на статус «жертвы» — сегодня стала доминирующей (табл. 34). Характерно, что это представление о России как о «коллективном мы» в точности повторяет структуру отношения советского человека к самому себе в частной жизни — существа, зависимого от внешних обстоятельств, подчиненного другим, главным образом — начальству, вынуждающего его иногда делать вещи, которые он сам бы «делать не стал», но вынужден в силу разных причин (комплекса заложничества, ответственности за близких и т.п.). Такова проекция зависимости, проявля-

Таблица 32

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕСПОНДЕНТОВ, ОТВЕЧАВШИХ НА ВОПРОС: «ЕСТЬ ЛИ ВРАГИ У НАШЕГО НАРОДА, НАШЕЙ СТРАНЫ?»

	Наша страна окружена врагами со всех сторон	Самые опасные наши вра- ги — скрытые, внутренние	У народа, вставшего на путь возрожде- ния, всегда найдутся враги	Зачем искать врагов, когда корень зла — в нас самих, в наших собственных ошибках	Затруд- нились ответить
В среднем	26	20	30	17	7
возраст					
18-24 года	23	17	29	20	11
25-39 лет	26	20	31	16	7
40-54 года	24	17	33	20	6
55 лет и старше	29	25	26	15	6
Образование					
Высшее	26	19	31	18	6
Среднее специальное	26	21	30	17	6
Среднее общее	25	22	28	18	8
Ниже среднего	28	19	29	16	8
Тип поселения					
Москва	35	22	29	14	0
Большой город	21	19	37	17	6
Средний	30	22	26	16	6
Малый город	30	21	20	21	7
Село	21	19	34	16	11
Социально-профессиональный статус					
Предприниматель	17	22	29	24	8
Руководитель	28	15	32	24	2
Специалист	26	19	31	18	7
Силовик	24	20	37	10	9
Служащий	25	15	38	15	7
Рабочий	26	23	28	17	6
Учащийся	26	8	36	19	11
Пенсионер	29	21	26	16	8
Домохозяйка	24	19	30	19	7
Безработный	22	30	30	8	10

2014 г., март

¹ Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности восприятия россиянами себя как этнонациональной общности. // Мониторинг общественного мнения, 1999, № 3, с. 46-64.

емая, например, в ситуации Чеченской войны, обеспечивающая разгрузку от моральной ответственности и чувства вины, тем более – стыда.

Поддержание такого сознания не требует доказательств достоинств страны, достаточно постоянного повторения, что другие хуже, что «Запад нас не любит», и что так было всегда. Это лучший способ гарантированного самоудовлетворения. «Запад» в этом плане играет амбивалентную роль не только собрании утопических представлений о лучшем устройстве общественной жизни, о высоком качестве жизни граждан, правовой защищенности и т.п. ценностях, но и негативных проекций самих себя, воплощение всего того, что россияне не хотят признавать в самих себе. Мифический «Запад» – это опредмечивание негативных мотивов и представлений о неприятном «другом», которые поэтому кажутся самыми «естественными», лежащими на поверхности объяснениями других (прежде всего, здесь подчеркивается склонность к насилию, агрессии, пренебрежению интересами других действующих лиц, алчность и т.п.). Подобные стереотипы в первую очередь приписываются США как главному символическому противнику СССР и России. Но и шире – сама эта

негативная проекция играет чрезвычайно важную роль в поддержании стабильности рамочных конструкций действительности, разгружая массовое сознание от комплексов своей вины или неполноценности.

На протяжении полугода усиливается подавляемое, но все же вполне осязаемое сознание «нечистой совести», несправедливости, проявляемой по отношению к украинцам. Понимание растущей ответной ненависти украинцев, ранее весьма дружески настроенных к России, стало более отчетливым и распространенным: сумма ответов такого рода поднялись с 66 в марте до 76% в августе, что явно превосходит параметры и главное интенсивность антипатии украинцев к России – там, если судить по замерам КМИС, отрицательные чувства испытывают 51-55% опрошенных жителей Украины.

Функции «врага» для поддержания легитимности путинского режима

Усиление и репрессий, и поворот к консервативной, охранительной политике представляет собой закономерную реакцию авторитарного режима. На нарастающие внутрисистемные напряжения централизованная, но не контролируемая обществом власть

Таблица 33

РАЗГОВОРЫ О ВРАГАХ ВЕДУТСЯ, ПОТОМУ ЧТО СТРАНЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО УГРОЖАЮТ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВРАГИ ИЛИ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЗАПУГАТЬ НАСЕЛЕНИЕ И СДЕЛАТЬ ЕГО ПОСЛУШНОЙ МАРИОНЕТКОЙ В РУКАХ ВЛАСТИ?

	2007 декабрь	2014 август
России действительно угрожают многочисленные внешние и внутренние враги	42	61
Разговоры о врагах ведутся для того, чтобы запугать население и сделать его послушной марионеткой в руках власти	30	27
Затруднились ответить	28	12
Соотношение вариантов ответа	1.4	2.3

Таблица 34

КАК МЫ ЗНАЕМ, В ПРОШЛОМ РОССИЯ ОКАЗЫВАЛАСЬ В СОСТОЯНИИ КОНФЛИКТА СО МНОГИМИ СТРАНАМИ. ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧТО БЫЛО ПОСЛЕ 1917 ГОДА, КАКОЕ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ УТВЕРЖДЕНИЙ БЛИЖЕ ВСЕГО К ЛИЧНО ВАШЕЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ?

	1998 май	2014 март
Россия всегда являлась агрессором, виновником конфликтов с другими странами	3	1
Россия в большинстве случаев являлась агрессором, виновником конфликтов с другими странами	16	5
Россия в большинстве случаев являлась жертвой конфликтов, пострадавшей стороной	29	27
Россия никогда не была агрессором или инициатором конфликтов с другими странами	37	55
Другое	1	2
Затрудняюсь ответить	15	11
Агрессором	19	6
Жертвой	66	82

Таблица 35

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ В УКРАИНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ?

	2014 март	2014 апрель	2014 май	2014 июль	2014 август
Это не вызывает особых негативных чувств к России	17	19	16	15	9
Негативные чувства, но не переходящие в ненависть к России и ее руководству	25	29	22	15	15
Ненависть к российскому руководству, но не к России в целом	18	19	20	20	23
Ненависть к России в целом	24	29	26	37	38
Затрудняюсь ответить	17	4	16	12	15

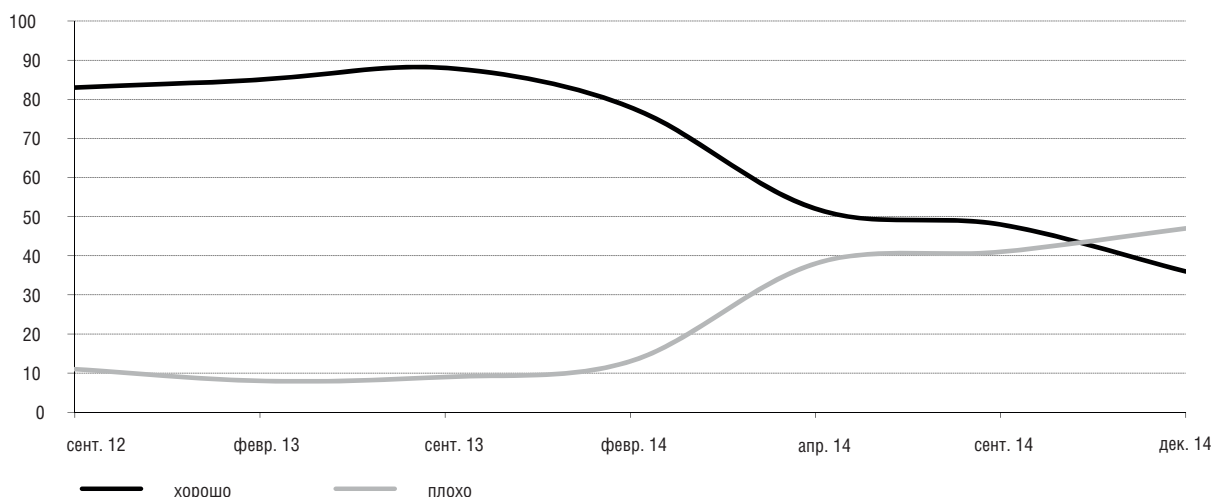
Таблица 36

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ ?

Это не вызывает особых негативных чувств к России	24
Негативные чувства, но не переходящее в ненависть к России и ее руководству	18
Ненависть к российскому руководству, но не к России в целом	41
Ненависть к России в целом	10
Затрудняюсь ответить	8

Репрезентативный украинский опрос, проведенный КМИС, 2014 г., сентябрь, N=2035

График 2

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К РОССИИ?

Данные КМИС

может отвечать лишь стремлением уничтожить или, как минимум, нейтрализовать те силы, которые, по ее мнению, провоцируют развитие конфликтных отношений. Критика режима (коррупции, административных злоупотреблений, отсутствия реальных форм защиты от произвола бюрократии) разрушает надежды населения на то, что путинское государство может проводить попечительскую социальную политику, которую оно декларировало в качестве своих главных целей. Среди них были «забота» о гражданах, обеспечение им известного уровня жизни, гарантированные рабочие места, минимальное функционирование жилищно-коммунальной хозяйства, доступное социальное жи-

лье, бесплатное медицинское обслуживание, образование, соответствие пенсий прожиточному минимуму и т.п.

В идеологическом плане нет других оснований для легитимации подобной системы господства, не считая очень важных, но иных по своей природе идейных оснований: «возрождения России как великой державы», восстановления ее «авторитета на международной арене». Инерция «большого стиля» в политике требует постоянного подтверждения того, что геополитические позиции, которые в прежние времена имел СССР, удержаны нынешней Россией.

Восприятие мотивов гражданской войны в Украине в такой системе информационно-

Таблица 37

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧЕМ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ВЫЗВАНО УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ К РОССИИ?

Подстрекательством к антироссийским действиям со стороны США и Западной Европы	20
Присоединением Крыма к России	20
Действиями украинской пропаганды	18
Поддержкой Россией ополченцев на востоке Украины	10
Ненавистью к России политиков, пришедших сейчас к власти в Украине	10
Проявлением ранее скрытых антироссийских настроений в украинском обществе	6
Ощущением угрозы введения российских войск в Украину	6
Не считаю, что отношение население Украины к России ухудшается	3
Затрудняюсь ответить	7

Репрезентативный украинский опрос, проведенный КМИС, 2014 г., сентябрь, N=2035

го освещения предельно упрощены и заданы черно-белой картиной реальности, где демонизированные США противостоят «белой и пушистой» России, хранительнице традиционных христианских ценностей и моральных представлений. В любом случае, всякая ответственность в такой картине снята с Путина, который получает дополнительные, косвенные бонусы как защитник русских, обижаемых и дискриминируемых во всех бывших республиках СССР, и переносится на внешние, безличные силы, враждебные России («США», «Запад»). Функция «внешнего врага» здесь чрезвычайно важна — «враг», сознание угрозы (фантомной или реальной — в данном случае — это не так важно, поскольку речь идет о структурах массового сознания) существованию «национального целого», «коллективного мы» не только позволяет консолидироваться вокруг авторитарной власти, выступающей в образе «защитника русских», но и снимает вопрос о политике, морали, будущем страны или таких проблемах, как права и свободы человека, дефекты институциональной системы и демократические реформы. Экстраординарные условия, возникающие с появлением врага, парализуют и отодвигают на задний план все вопросы, которые поднимает оппозиция или протестные движения. Но одновременно задаются установки в отношении к населению Украины, которые позволяют снимать любые ограничения на насилие применительно к ним или относиться к ним как к «нелюдям», «врагам», отказывать им в сочувствии и солидарности, то есть идентифицироваться с их проблемами и интересами, с их видением происходящего (а в более дальней перспективе — быть глухим к их стремлению войти в Европу и разделять все европейские ценности и нормы).

Дело не просто в конспирологическом сознании, характерном для советского и постсоветского общества, бинарном восприятии

реальности. Следует принять во внимание и более сложные и неочевидные смысловые связи между такого рода представлениями о Западе и конструкцией самого посттоталитарного социума (прежде всего, об отношении частного, маленького человека к власти, в особенности к ее персонифицированному образу). Первое — подтверждается глубинное сознание зависимости собственного существования от чужой, но могущественной и недоброжелательной воли, своего рода утверждение социальной неполноценности или недееспособности отдельного человека или даже населения страны, неполноценного общества или нации, отсутствия возможности сопротивления такой нечеловеческой и чаще всего — антигуманной — воле¹. По существу, это сознание подданных советского и постсоветского государства к бесконтрольной и репрессивной власти (отношения «мы-они», нуминозное отношение к государству).

Проекция собственной усиливающейся агрессивности российского общества на внешний мир (чувство «враждебности» окружающих стран) оборачивается иллюзорным представлением о том, что за последние 10 лет уважение к России в мире увеличилось. Если в 2012 г. так думали 25% опрошенных, то в августе 2014 г. — уже 44%, напротив, доля ответов «уважение к России сократилось» снизилось с 32 до 22%. Такое двойственное самообоснование российского общественного мнения ведет к тому, что

¹ Именно поэтому так важен и продуктивен был тезис российской пропаганды о том, что на Майдане верх взяли сторонники и «боевики» крайне националистического и радикального «Правого сектора», «Свободы», бандеровцы, фашисты и т.п. Ключевое слово здесь — «фашисты», активизирующее весь вокабуляр Второй мировой войны, память о гибели миллионов людей, страданиях и разрушениях, связанных с ним. Одно только это разрывает всякие связи между русскими и украинцами, возможности идентификации, эмпатии и понимания, не говоря уже о сочувствии, солидарности, взаимных интересах освобождения от коррумпированных авторитарных режимов и становления правового и демократического государства, в котором становятся недопустимыми практики ущемления прав человека, произвол власти и плутократия.

всякая идея ответственности за развязывание кровопролитных конфликтов и боевых действий в Украине, провоцируемых и поддерживаемых кремлевскими политиками, вытесняется из массового сознания. 75% опрошенных отказываются считать свою страну ответственной за гибель людей на востоке Украины (против 18%), тем более признавать свою личную ответственность и соучастие в этом.

Сам по себе подъем аморфных и нерационализируемых националистических настроений и отсутствие их проработки в виде политических проблем отражал слабость и подавленность, неавторитетность интеллектуальных, культурных и научных элит, их зависимость от государства, сохраняющуюся по инерции от советских времен. «Элиты» этого рода¹, лишённые доступа к средствам массовых коммуникаций, практически не участвуют в обсуждении не только политических вопросов, но и шире — общественных (например, политики памяти), моральных, эстетических, религиозных и т.п. А это значит, что сохраняется или даже увеличивается разрыв между разными социальными группами, нарушены межгрупповые коммуникации в обществе, не ведется работа с соответствующими дискурсами массового сознания. Результаты интеллектуальной и духовной работы самых важных групп, держателей специализированных ресурсов знаний, техники мышления, истории, не выходят за рамки самих этих групп, не оказывают влияния на программы политических партий и общественных организаций. В итоге массовое сознание довольствуется самыми расхожими стереотипами представлений о социальной реальности или абсорбирует наиболее часто повторяемые клише пропаганды. Их концентрация с течением времени оборачивается прогрессирующей патологией знаний о действительности, о самих себе и других. Накапливающиеся мифы и предрассудки в общественном мнении не просто обедняют картину современных процессов, но и ведут к умственной и моральной деградации, примитивизации общества, внешне выражающейся как архаизация социальных практик, структур власти и взаимодействия с ними населения. Действенность пропаганды (в тех случаях, когда она эффективна) объясняется тем, что она всегда опирается не просто на стереотипы и давно затвержденные идеологические и речевые клише, но что отбор последних (их селекция и акку-

муляция в массовом сознании, «осаждение» в рутинных слоях культуры повседневности) сам по себе соответствует семантике комплексов массового сознания. Раз приняв определение реальности (конструкцию реальности), структурированное в соответствии с комплексами неполноценности, рессентимента, ущемленности, страхов, фрустраций, подавленных желаний и т.п., далее массовое сознание работает только на подтверждение сложившейся картины реальности. Воспринимается только та информация, которая соответствует структуре пропаганды, и отсекается все то, что не укладывается в данную схему.

Респонденты на фокус-группах, проводимых в отделе качественных исследований Левада-центра по проблемам текущей политики, в частности, об отношении к присоединению Крыма к России и конфронтации в Донбассе, роли России в этом конфликте, ясно давали понять, что не хотят и слышать другой информации, кроме той, что транслируется центральными каналами российского ТВ. Приведу один отрывок из расшифровки такой дискуссии (декабрь 2014 г., состав участников — москвичи, высшее образование, занятость: сервис, мелкое предпринимательство, торговля):

Модератор: Откуда вы знаете то, что вы сейчас рассказывали?

Респондент: Первый канал. Общение с людьми. М. Какими?

Р. Обычные люди, которые знают больше меня...

М. Откуда они это знают?

Р.: Я у них не спрашивал, откуда они знают.

М. Хорошо. А вам как кажется?

Р. Как мне кажется? Я не знаю.

М. А почему вы им верите?

Р. А я им верю. Потому что то, что они говорят, с моим мнением совпадает.

*М. Мы с вами живем в Москве. Америка довольно далеко отсюда. Откуда много людей за этим столом так много знают о планах Америки?*²

Р. Средства массовой информации.

¹ Ю. Левада называл их «заместителями элит» или назначенными быть «элитой» — см.: Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема элиты в современной России. М., Либеральная миссия, 2007.

² Примечание ЛГ — Перед этим речь шла о планах Америки: «напасть, захватить, посеять раздор между людьми в России», «исчезновение России с карты лица земли», «подорвать экономику», «истребление нации со стороны молодежи, внедрение американских фильмов, однополые браки, разврат, нас ослабить», «война», «мировое господство, нами командовать», «превратить нас в колонию», «контроль над людьми», действия «направленные к полнейшей деградации населения России», «затем, чтобы владеть. Им нужна власть, им нужны деньги»... «чтобы распоряжаться, продавать, зарабатывать», «мировое господство», «чтобы Сибирь стала американской территорией. И чтобы был такой президент, как в Украине» и т.д.

Р2. Мы не можем знать. Мы можем предполагать.

М. А почему вы предполагаете, что планы именно такие?

Р. Все к тому идет.

М. Что идет?

Р. Раскол сначала Советского Союза предполагался. Потом предполагалось поделить Украину на три части.

М. А кем предполагалось?

Р. Просто обнародована...

М. Кем?

Р. Ну, правителями, историками, социологами, которые все это исследовали.

М. Вы помните их фамилии?

Р. Я смотрю лекции «Концепции общественной безопасности». Это лекции Зазнобина.

М. А кто такой Зазнобин?

Р2. О, я в Интернете тоже такое видела.

Р. Ну, это известный историк. Исследователь.

М. Он историк откуда?

Р. Понятия не имею. Из Санкт-Петербурга, по-моему.

М. Откуда он знает, какие планы?

Р. Ну, это все собирается. Я понятия не имею, откуда знает.

М. А почему вы считаете, что ему можно верить?

Р. Потому что когда приводят примеры того, что произошло, объясняется фактами...

<...>

Р3. Честно, я могу вам сказать. В ФСБ есть огромный отдел, управление, в котором все это стряпается. Для того чтобы люди не думали, что братья Роттенберги, Тимченко со своим миллиардами и Абрамович живут в Англии, которые ужасные и страшные...

<...>

М. Итак, С., откуда мы знаем о том, что хочет сделать Америка. Откуда?

Р. Из средств массовой информации.

М. А они знают откуда?

Р. Ну, вот, предполагаем, что работают целые службы на это.

М. Какие?

Р. Чтобы преподнести эту информацию. Спецслужбы наши.

М. Наши спецслужбы узнали, что хотят американцы?

Р. Ну, может быть, предполагают, свои точки зрения... Не знаю, на самом деле или нет, но...

Р2. От знающих людей...

М. Кто эти знающие?

Р. У меня есть знакомые. Я считаю тоже. Совпадает.

М. Откуда ваши знакомые знают...

Р. Они близки к Государственной Думе.

М. А откуда в Государственной Думе знают, чего хотят в Америке?

Р. Значит, знают.

Р. Не, ну я живу своим умом. Например, смотрю Евроньюс. Там с точки зрения Украины. Я же им не верю! А этим людям верю.

М. Вы мне говорите, кому вы верите. А я спрашиваю, почему вы верите?

Р. Потому, что это совпадает с моей точкой зрения. Я так считаю.

М. А откуда у вас ваша точка зрения?

Р. Ну, потому что я не верю, что США хочет добра России. В это я не поверю никогда.

М. А откуда вы знаете, что США хотят зла России?

Р. Это я всегда, с детства так считала. Во все времена две мировые державы всегда ведут между собой войну. Это такого не бывает, чтоб дружили.

<...>

М. NN, откуда Вы знаете о планах Америки?

Р. Ну, о планах Америки я могу только догадываться. У меня нет инсайдовской информации из Пентагона. Но почитываю Живой журнала время от времени. Люди пишут здравые мысли.

М. Простите, а эти люди, откуда знают?

Р. Во всяком случае, мне хочется им верить. А откуда они знают?...начнем с того, что у меня есть очень хороший друг в спецслужбах.

М. А откуда спецслужбы это знают?

Р. Откуда они знают? Ну, спецслужбы много чего знают. ...Вот им виднее, откуда они это знают.

М. То есть нам не видно, откуда они это знают?

Р. Естественно, и никто никогда не расскажет простому смертному, откуда это все берется. Это разглашение государственной тайны.

При этом респонденты ясно и четко говорили, что не хотят слышать другой информации, отличающейся от той, что слышат все. Основание информации — вера в то, что это так. Никаких других рациональных аргументов, фактов не принимается. Вся дальнейшая информация закладывается в структуру мифа «Запад-Россия», соответственно, «Власть-Запад». Все, что не укладывается, отвергается, упорно отвергается, сознательно не принимается во внимание. Главный момент здесь: «С возвратом Крыма мы показали свои зубы, то, что мы можем. <...> Мы показали зубы всему Западу. И открыто показали», «заставили себя уважать».

Нет сомнения, что людей, действительно, убедили в том, что в США хотят зла России («а это так, я это с детства знаю, и не могу поверить, что все иначе»), что в Донбассе имеет место восстание народа, что это волеизъявление большинства, а раз так, то это мнение обретает статус безусловной и принудительной нормы, «мнения большинства», которое подчиняет себе все прочее. А далее идет присоединение к предполагаемому большинству, то есть к силе коллективного представления (со всеми последствиями конформистского поведения, включая и нежелание оказаться под групповыми санкциями из-за негативной квалификации в качестве маргинала, девианта). Кроме того, «восстали такие же, как мы». «Идентификация с большинством» работает как проектирование структуры всего смыслового пространства, а не только относящегося конкретно к Донбассу, к отдельному случаю. А далее — тавтология, ценностно-семантическое самоподтверждение.

Тавтология (неполная), как известно, чрезвычайно важный инструмент логической суггестии, идеологического внушения или убеждения. Его эффект строится на том, что один компонент тавтологической конструкции работает как характеристика реальности (сказуемое — предикат существования), другой — как генетический компонент или интерпретационный, объясняющий, как понимать то, что «существует», что оно «значит» по смыслу (в отношении субъекта к партнеру). Тавтологии такого рода могут работать только в монологическом пространстве, при доминантном положении говорящего, безальтернативном статусе коммуникатора. Поэтому так значима для демократических обществ коммуникативная структура дискурсивной публичности, которую описал и проанализировал еще в начале 1960-х годов молодой Ю. Хабермас. В нашей стране исчезновение политики в конце 90-х годов привело не к единомыслию, а к «мраку умственной неподвижности», как об этом говорил Костомаров, к стиранию или даже исчезновению каких-либо различий в идеологических позициях.

3. Технология негативной мобилизации

Задача Кремля в случае с Украиной состояла не просто в том, чтобы заблокировать «экспансию» или «экспорт» демократии и европейских ценностей в Россию, представив их как нечто глубоко чуждое «русским традициям и морали», но и дать массам устрашающий пример дестабилизации, неизбежной после свержения авторитарного и клептократического режима. И следует признать, урок этот полностью усво-

ен населением: тотальный охват телевидением населения отражается в единообразии мнений, практически полном исчезновении каких-либо социальных или групповых различий в восприятии полученной информации и ее усвоения (табл. 38).

Таблица 38
ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЛОЗУНГ «НЕТ ОРАНЖЕВОЙ УГРОЗЕ!», «НЕ ДОПУСТИМ МАЙДАНА В РОССИИ!»?

Определенно поддерживаю	42
Скорее поддерживаю	35
Скорее не поддерживаю	7
Определенно не поддерживаю	8
Затрудняюсь ответить	8

2014 г., март

Такой эффект «тотального» единодушия наблюдается либо в ситуации «возбужденного состояния» общества (его мобилизации перед внешней угрозой, чрезвычайных обстоятельств — катастроф, бедствий, несчастий), либо в ситуации полного безразличия и равнодушия к информационным стимулам.

Помимо этого, был задействован — уже после аннексии Крыма — еще один крайне важный символический мотив: Россия не просто защищает «своих» на востоке Украины, поддерживая «народное восстание» против «фашистской хунты» и сопротивление армии «киевских карателей», но и возвращает территории и земли, традиционно принадлежавшие российской империи. Она тем самым восстанавливает свою мощь, авторитет и влияние на постсоветском пространстве.

Поднятая волна национальной эйфории, гордости и патриотической солидарности не просто восстановили легитимность и доверие к действующей власти, но и, как можно полагать, стали ресурсом для сохранения авторитарного режима на неопределенно большой срок (см. график 1).

Поддержка Путина после присоединения Крыма резко выросла: его действия одобряют 85-87% россиян, оппозиционные настроения и критические голоса снизились до минимума; готовность голосовать за него на будущих президентских выборах поднялась с 28-30% (декабрь 2013 — январь 2014 г.) до 56% в марте 2014 г. и остается на том же уровне в настоящее время (что обещает ему получение свыше 80% голосов, если бы президентские выборы проходили в ближайшие к моменту опроса месяцы).

Таблица 39

ПОДДЕРЖИВАЕТЕ ЛИ ВЫ ЛОЗУНГ: «НЕТ ОРАНЖЕВОЙ УГРОЗЕ!», «НЕ ДОПУСТИМ МАЙДАНА В РОССИИ!»?

	Определенно поддерживаю + Скорее поддерживаю ¹	Скорее не поддерживаю + Опреде- ленно не поддерживаю	Затрудняюсь ответить
В среднем	77	15	8
Возраст			
18-24	76	16	8
25-39	75	18	7
40-54	79	13	8
55+	76	13	11
Образование			
Высшее	77	16	7
Средне-специальное	80	13	7
Среднее общее	74	17	9
Ниже среднего	74	15	11
Тип поселения			
Москва	79	11	10
Большой город	79	13	8
Средний	73	18	9
Малый	73	21	6
Село	70	18	12
Социально-профессиональный статус			
Предприниматель	72	19	9
Руководитель	61	27	12
Специалист	79	16	5
Силовик	76	14	10
Служащий	77	15	8
Рабочий	79	14	7
Учащийся	76	19	5
Пенсионер	76	13	11
Домохозяйка	74	16	10
Безработный	74	20	6
Потребительский статус			
Нуждающиеся	79	11	10
Бедные	79	13	8
С умеренным достатком	73	21	6
Обеспеченные	69	18	13

Националистический подъем привел к стиранию различий во мнениях и установках разных групп населения. Одновременно с тем выросли и другие социальные показатели: тонус общественного самочувствия, массового оптимизма, одобрения правительства и даже парламента (чего давно не было — отношение к Госдуме, к российским политикам все последние годы было негативным и открыто презрительным), повысилась оценка деятельности других

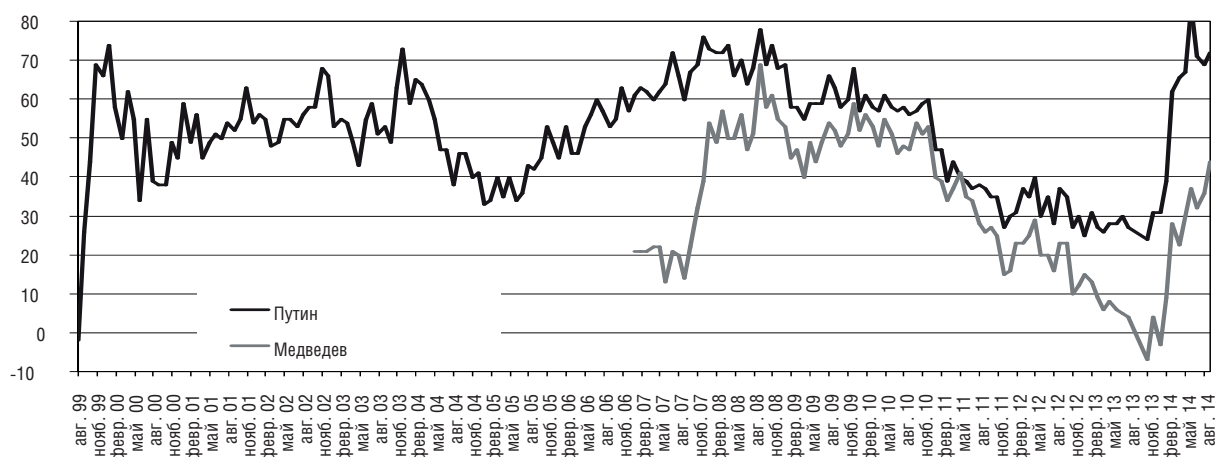
¹ Следует принять во внимание необычно высокий процент преобладающих категорических ответов «определенно поддерживаю» — 42% (обычно большая часть респондентов склоняется к умеренным, средним вариантам суждений, как положительным, так и отрицательным; здесь явно преобладает акцентированные реакции согласия).

органов власти (например, полиции) и т.п.¹ Все вместе это указывает на редко фиксируемую в социологических исследованиях эмоциональную атмосферу общей консолидации, возникающую в результате серьезной угрозы всему целому или особым достижениям власти, заставляющих людей переживать чувство взаимной сопричастности к чему-то, что выше их, выше частных интересов отдельных лиц. Это объединяет фрагментированный социум и придает обывателям сверхценное сознание своей национальной общности.

Восстановление такого рода интегриро-

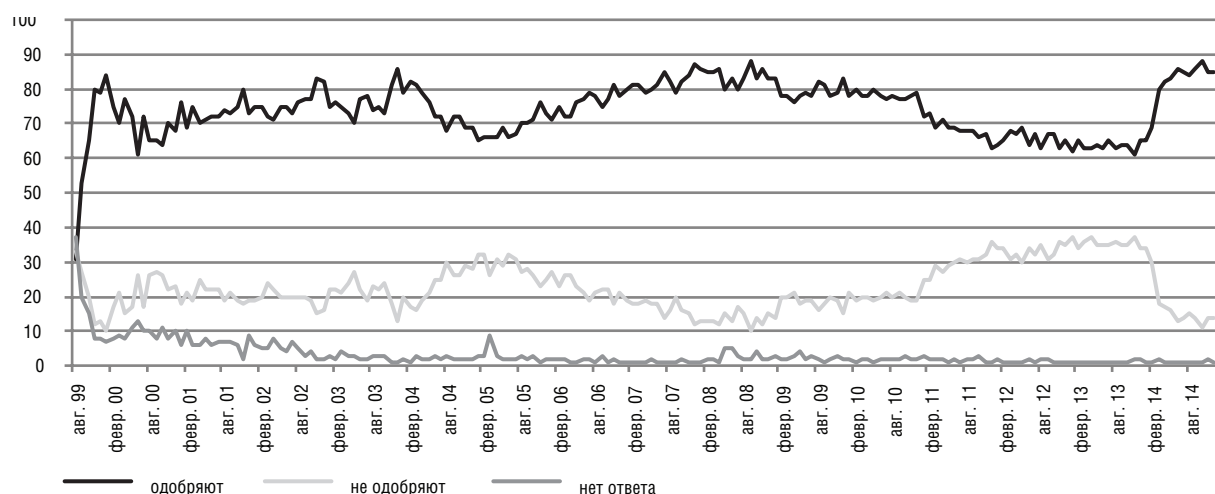
¹ См. динамику Индекса социальных настроений на сайте Левада-центра. — <http://www.levada.ru/index>

График 3
ИНДЕКС ОДОБРЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА ПУТИНА И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА МЕДВЕДЕВА

Индекс строится как разница между позитивными и негативными оценками деятельности политиков

График 4
ВЫ В ЦЕЛОМ ОДОБРЯЕТЕ ЛИ НЕ ОДОБРЯЕТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ПУТИНА НА ПОСТУ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ?
(в 2008-2012 гг. премьер-министра)

ванности общества и консенсус с властью достигнуты исключительно за счет крайней примитивизации или даже — архаизации массового сознания, отбрасывания общества назад, к предшествующим фазам социально-политической и культурной эволюции. Главный фактор этой негативной солидарности — антизападный рессентимент, резкое усиление антизападных настроений (графики 5 и 6)¹.

87% опрошенных в декабре 2014 года были убеждены в том, что страны Запада проводят

сейчас враждебную по отношению к России политику (не согласны с ними всего 8%). Главный символический оппонент — это США². На графике 5 можно отметить три коротких негативных «провала» в отношении к США. Первый произошел весной 1999 года (бомбардировки Сербии авиацией НАТО), второй — в 2003 г. (начало войны с С. Хуссейном), третий — в 2008 г. (русско-грузинская война, которая пропагандой подавалась как вытеснение России Соединенными Штатами из традиционных зон влияния) и, наконец, нынешний — самый продолжительный и глубокий спад.

¹ О своем «плохом отношении» к США и ЕС в ноябре 2014 г. заявили 73 и 63% опрошенных россиян, это максимум выражения антиамериканизма за все годы наблюдений (характерно, что к Украине, как в свое время — к Грузии, отрицательные установки выражены несколько слабее — 60%, они — «марионетки США» и пропагандой не рассматриваются как самостоятельные субъекты действия).

² Более ранний разбор функций антиамериканизма и функций врага в легитимации власти см. в кн.: Гудков Л. Негативная идентичность. М., 2004, с. 496-650.

График 5

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ АМЕРИКИ? (строится как разница между позитивными и негативными оценками)

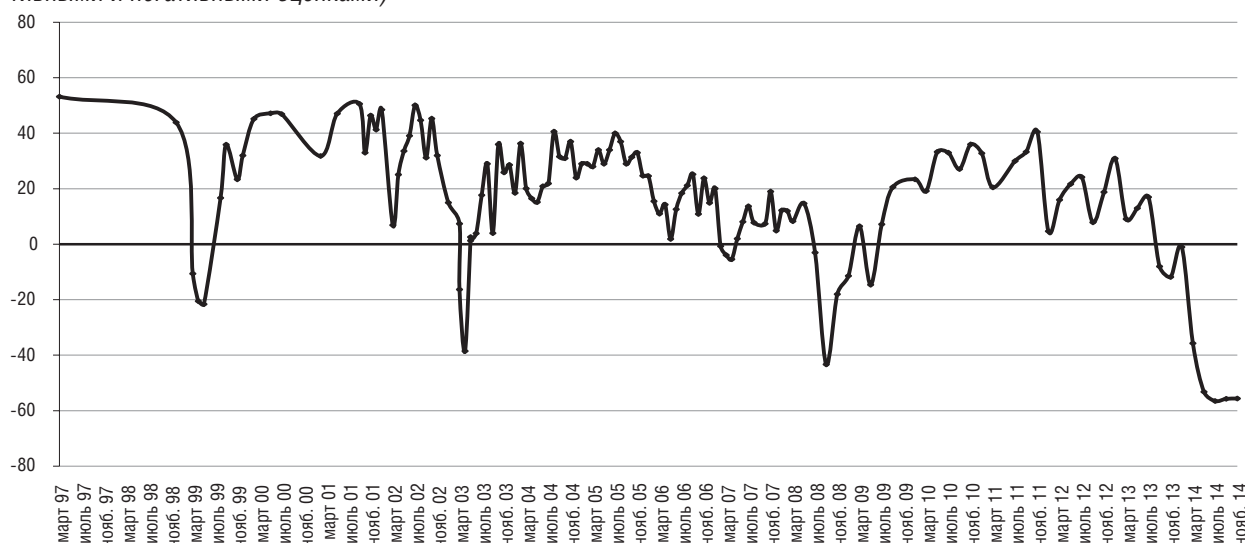
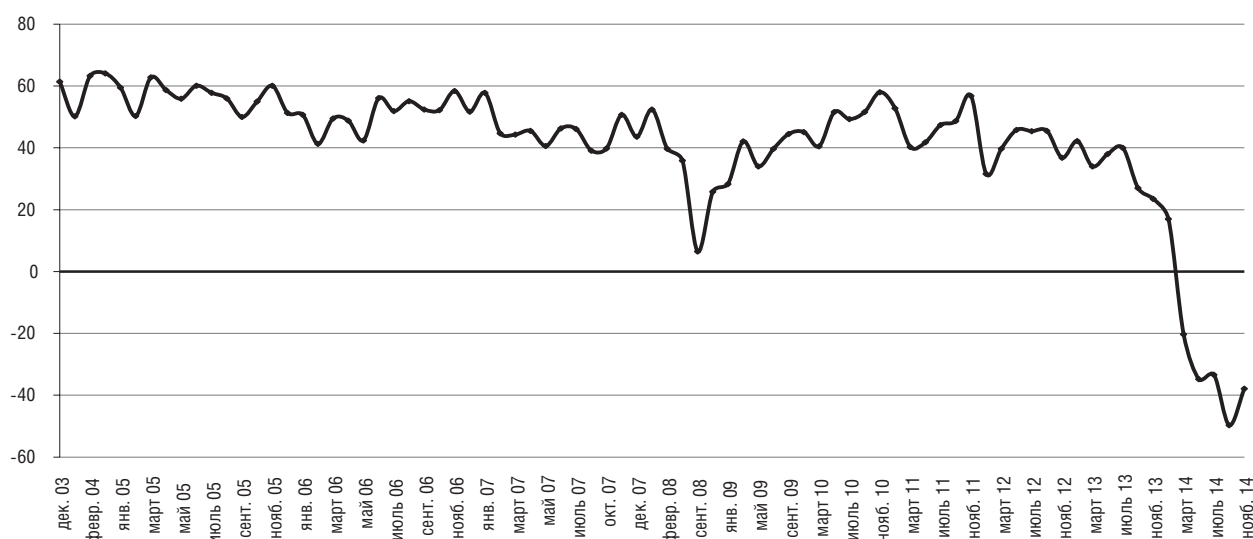

График 6

КАК ВЫ В ЦЕЛОМ ОТНОСИТЕСЬ СЕЙЧАС К ЕС? (строится как разница между позитивными и негативными оценками)

Начало украинского кризиса

Вокруг украинских событий, начиная с января 2014 г., развернулась настоящая информационная и пропагандистская война, в которой — с точки зрения российского обывателя — Путин оказался бесспорным победителем.

Кремлевская пропаганда нацелена на решение двух проблем, представлявших самую серьезную угрозу для путинского режима.

Одна из них связана с выходом из Евразийского союза Украины — второй по величине после России страны на постсоветском пространстве. Такое развитие событий означало бы серьезные репутационные издержки для Путина, свидетельствуя о непривлекательно-

сти России как центра консолидации для новых государств. Даже особенно не акцентируя эти моменты, изменение политического курса Украины делало очевидными отталкивающие стороны российского режима: его претенциозный характер (настаивание на особой роли в мире, статус особой цивилизации, равнозначный Западу), репрессивный и антидемократический характер, неэффективность государства, приватизированного коррумпированной бюрократией и приближенными к Путину олигархами. Перспектива интеграции Украины в ЕС, пусть даже не скорая, обнажала суть путинского проекта, а именно: образование союза деспотических режимов под эгидой России,

Таблица 40

В ЧЕМ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЫРАЖАЕТСЯ ВРАЖДЕБНАЯ ПОЛИТИКА ЗАПАДНЫХ СТРАН ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ? (в % к числу тех респондентов, кто считает, что страны Запада враждебны к России)

В санкциях против российской экономики, бизнеса	51
Ведется информационная война против России	42
В попытках взять под свой контроль экономику и природные богатства России	40
В вытеснении России с постсоветского пространства, установлении контроля над республиками бывшего СССР и бывшими социалистическими странами	31
В попытках сменить режим Путина на другой, более удобный для себя	31
В санкциях против высшего руководства страны	30
В попытках навязать российскому населению чуждые ему ценности, культуру, образ мысли, нравы	25
Ведется подготовка к большой войне за передел мира, разворачиваются военные базы вблизи российских границ	23
В поддержке оппозиции и независимых общественных организаций, критикующих Путина	12
Другое	<1
Затрудняюсь ответить	1

2014 г., декабрь, возможно несколько ответов

Таблица 41

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ПОЧЕМУ ЗАПАД ПРОВОДИТ ТАКУЮ ВРАЖДЕБНУЮ ПОЛИТИКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ? (в % к числу тех респондентов, кто считает, что страны Запада враждебны к России)

Запад стремится прибрать к рукам природные богатства России	46
Запад боится России, ее военной мощи	43
Запад и Россия всегда были непримиримыми противниками, слишком сильные различия в религии, нравах, культуре	30
Западные страны завидуют России	24
Другое	1
Затрудняюсь ответить	2

2014 г., декабрь, возможно несколько ответов

своего рода мини-СССР, облегчающего их изоляцию от мирового сообщества, создание из зависимых стран санитарного кордона на границах России и Европы.

Другая проблема, еще более серьезная, заключалась в том, что народное восстание против коррумпированного режима Януковича (а именно так эти события поначалу воспринимались российским общественным мнением — см. табл. 42; с этой оценкой была согласна и сама кремлевская администрация, если судить по первым заявлениям высших должностных лиц), все события, которые связаны и с противостоянием на Майдане в Киеве, и с формированием правового, демократического государства создавали образец для действий российской оппозиции. На фоне усиливающейся слабости режима¹ и роста социального недовольства многим в России Майдан мог по-

казаться вполне приемлемой моделью для разрушения путинской плутократической системы господства. Учитывая масштабы массовых протестов, прошедших в 2011–2012 годах в крупных городах России и, соответственно, разочарования в возможностях легальным образом, через демократические процедуры добиться смены ставшей непопулярной власти, страх кремлевской администрации перед «улицей» мог показаться вполне обоснованным.

Но к концу 2014 года доля подобных мнений заметно сократилась, и доминировать в общественном мнении стал конспирологический вариант.

В ходе этой кампании можно увидеть четыре этапа, выделяемых в соответствии с последовательно выдвигаемыми программными тезисами.

Первая фаза: декабрь 2013 — январь 2014 года. Главный мотив, который постепенно усиливается в освещении киевских событий, заключается в утверждении, что Евромайдан — звено

¹ Индекс одобрения деятельности В. Путина (разница позитивных и негативных оценок) упал с 78 пп. (сентябрь 2008 г., пик поддержки) до 24 пп. (ноябрь 2013 г., минимум за весь период измерений).

или часть инспирированных США массовых волнений и социально-политических переворотов, подготовленных с помощью Интернета и социальных сетей, поддержки и деятельности зарубежных фондов, неправительственных организаций. Суть революций, прошедших по всему миру, начиная с «революции роз» в Тбилиси в 2003 году или «оранжевой революции» в Киеве и кончая событиями в Северной Африке, восстанием на площади Тахир в Египте или в Стамбуле, вплоть до Сирии, оставалась той же самой: установление демократических режимов, зависимых от Запада. Эта нехитрая идея оказалась убедительной — с точки зрения российского населения — основой для универсального объяснения текущих событий. Она легко соединялась с традиционным российским антизападничеством, советской антикапиталистической идеологией, параноидальными страхами перед угрозой мировой войны и изоляционизмом. Этот тезис, ничем особенно и не подкрепляемый, был легко принят в качестве рамочного объяснения украинских событий. 83% опрошенных (из числа тех, кто имел хоть какое-то, пусть даже самое смутное, представление о волнениях в Киеве) были согласны

с тем, что массовые митинги и демонстрации в Украине инспирированы и организованы (проплачены) Западом.

Впрочем, такая версия еще не вызывало особого беспокойства россиян. По общему мнению, экономическая ситуация в Украине была очень плохой. Борьба сменяющих друг друга коррумпированных политических лидеров и партий, представляющих лишь интересы олигархических кланов, конкурирующих между собой, довела до опасной черты хозяйство страны. Уровень жизни здесь вдвое ниже, чем в России и т.п. Поэтому курс на интеграцию с Евросоюзом выглядел в глазах россиян вполне обоснованным (особенно, если вспомнить те иллюзии начала 90-х годов, которые питали сами россияне в отношении того, что отказ от коммунизма сам по себе приведет к потребительскому изобилию и повышению уровня жизни населения). Даже еще в декабре 2013 года, уже после попыток силового разгона митинга на Майдане, более или менее пристально следили за этим событиями лишь четверть россиян. Но ситуация быстро менялась, и уже в феврале внимание более половины опрошенных приковано к сообщениям из Киева. В сен-

Таблица 42

ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С МНЕНИЕМ, ЧТО НА МАЙДАНЕ С ДЕКАБРЯ 2013 ГОДА ПО ФЕВРАЛЬ 2014 ГОДА ПРОИСХОДИЛО НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ КОРРУПТИРОВАННОГО РЕЖИМА В. ЯНУКОВИЧА?

	2014		
	март	апрель	май
Совершенно согласен	9	17	18
Скорее согласен	35	36	33
Скорее не согласен	28	21	23
Совершенно не согласен	10	11	12
Затрудняюсь ответить	19	15	14
Согласные: несогласные	44:38	53:32	51:35

Таблица 43

ЧТО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРИВЕЛО К КРИЗИСУ В УКРАИНЕ В КОНЦЕ ПРОШЛОГО ГОДА?

Стремление США устроить очередную «цветную» революцию в Украине	48
Коррумпированный режим бывшего президента Украины Януковича	27
Надежды простых людей в Украине, что сближение с ЕС решит основные проблемы страны	25
Настойчивые действия Европейского Союза вовлечь Украину в свою сферу влияния	20
Украинская оппозиция, взявшая на вооружение методы уличных протестов	19
Попытки Януковича лавировать между Россией и Европейским Союзом	15
Попытка России «купить» лояльность Януковича 15 миллиардами долларов и 40% скидкой в цене на газ	3
Другое	1
Затрудняюсь ответить	8

2014 г., декабрь, возможно несколько вариантов ответа

тябре появились первые признаки психологической усталости и ослабления интереса.

Обращаясь к языку отечественной войны (речевые штампы «массовые расстрелы», украинские «фашисты», «киевские каратели», геноцид и т.п. в новостных передачах), пропаганда делала невозможной идентификацию российского обывателя с «нелюдьми» (фашисты — не люди), разрушала саму возможность предположения, а значит — формировала априорную враждебную установку, блокирующую дальнейшую коммуникацию. Точно так же как соединение педофилии с либерализмом, сексуального злоупотребления детьми-сиротами из России в США, гомофобии с демократией, европейскими ценностями, правами человека, антиамериканизмом, угрозой войны, заговором против России как страны «нормальных людей» (считающих себя таковыми, то есть отказывающимися признать «нормальность» других) и т.п. уничтожило готовность к пониманию западных ценностей, коммуникации с другими, что обернулось быстрой самоизоляцией русских и утверждением самих себя в статусе исключительных людей, «последних в мире хранителей» не просто христианской веры и традиций, а даже собственно «образа человеческого». Этот барьер «свой/чужие» в социальном плане более важен, нежели собственно идеологические или партийные разногласия. Поэтому патриотическая мобилизация захватывает практически всю массу населения, это предельные для такого воздействия масштабы интеграции (80-86%), в то время как идеологические или политические симпатии охватывают какие-то отдельные сегменты ангажированной публики.

Вторая фаза: февраль-март 2014. Противостояние на Майдане и бегство в Россию Януковича, которого Путин толкал к силовому подавлению оппозиции, стали поводом для интенсификации и гораздо более широкой, фактически — тотальной по объему, агрессивности кампании дезинформации российского населения. Кадры столкновений демонстрантов с внутренними войсками в Киеве, пожаров, убитых людей непрерывно крутились по всем каналам ТВ, навязывая людям представления о безответственности протестующих националистов, их агрессивности и жестокости по отношению к представителям власти, полиции, сторонникам Януковича. Одновременно шла интенсивная чистка информационного пространства в России: закрывались независимые информационные каналы, менялся их редакционный состав, собственники и руководители медиа-

холдингов. Цензура и политический контроль становились все более жесткими, тем более что к этому времени вступили в действие целый ряд новых законов, позволяющих без решения суда закрывать нежелательные интернет-ресурсы и сайты, признанные «экстремистскими».

Были выдвинуты два новых принципиальных тезиса: а) в Украине произошел государственный переворот, путч, к власти пришли радикальные националисты (= фашисты, нацисты, антисемиты), бандеровцы, начавшие политику дискриминации русских; в стране — хаос, вакуум власти, бесчинствуют банды грабителей, идет полный развал государства; б) поэтому возникающая «угроза русскому населению» на востоке и юге Украины требует экстраординарных мер по его защите и поддержке, заставляя отодвинуть на второй план соображения о необходимости соблюдения международных соглашений, правовых гарантиях и т.п.

В полной мере такими аргументами прикрывалась аннексия Крыма, где российские спецслужбы, используя особые элитные войсковые части, провели захват административных структур полуострова, а затем — декорировали эти действия показательным «референдумом» о присоединении к России.

Крымский успех Путина, как бы защищавший «своих» всеми доступными средствами, вызвал взрыв националистической эйфории в стране, который пропаганда постаралась закрепить в следующих тезисах, отметивших дальнейший ход украинской политики Кремля¹.

К концу года эти цифры практически не изменились. «Позитивные» объяснения российской политики («защита своих», «восстановление справедливости» и т.п.) вытесняют смутное чувство дискомфорта по отношению к украинцам.

Третья фаза: март-май 2014 год. В этот период ситуация становится крайне неопределенной и тревожной. Проявляются основные моменты вероятного сценария — планы введение российских войск в восточные и южные области Украины до проведения президентских выборов и формирования новой, уже легитимной, власти, план создания «Новороссии». Его реализация не просто отрезала бы киевскую власть от выхода к морю, но позволила бы создать вокруг России санитарный кордон, препятствующий дальнейшему продвижению ЕС и НАТО. В пропаганде, помимо резко усилив-

¹ Начиная с 1992 г. россияне (80-84%) в исследованиях общественного мнения раз за разом заявляли, что Крым должен быть возвращен в состав России, и вот, наконец, это произошло.

шейся антиукраинской риторики и обоснования финансовой, организационной и военной поддержки сепаратистов, созданных Москвой «независимых государств» в Донецке и Луганске, все сильнее звучит тезис о том, что Россия вернулась к своей традиционной роли великой державы. Она возвращает свои исконные земли и территории, которые из-за предательства или произвола, самодурства отдельных своих правителей, утратила в недавнем прошлом. Теперь же, становясь в очередной раз сильным, российское государство заставляет уважать свои интересы на всем постсоветском пространстве, зоне российских приоритетов. Поэтому неприятие этих действий России Западом может уже само по себе служить свидетельством признания возросшей мощи страны.

Одновременно изменились и первоначальные версии событий на Майдане и мотивов интеграции Украины с ЕС.

Всю полноту ответственности за начавшуюся гражданскую войну в Украине Кремль тем самым переносит на западные страны, спровоцировавшие катастрофу украинского государства, систематически старающегося ослабить Россию и вытеснить ее из традиционных сфер ее влияния и интересов.

Российское общество, оказавшееся в информационной изоляции, подвергнутое давлению пропаганды, с большим трудом осознает сам смысл этих санкций, точнее — их моральное и правовое значение, но это лишь дело времени. Адекватное понимание обращения к России западных стран, содержащееся в этих

Таблица 44

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫЗЫВАЕТ У ВАС РЕШЕНИЕ РУКОВОДСТВА РОССИИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

	2014					
	Март	Апрель	Июль*	Август	Сентябрь**	Октябрь**
Чувство торжества справедливости	31	30	38	30	7	10
Гордость за страну	34	38	39	37	18	18
Радость	19	23	21	16	4	4
Одобрение	47	46	38	40	39	44
неодобрение	3	3	2	3	7	7
протест, возмущение	0,5	0,3	0,7	2	4	2
стыд, отчаяние	0,2	0,3	0,5	0,5	2	3
тревогу, страх	3	3	2	3	13	12
никаких особых чувств	7	11	10	9	17	16
затрудняюсь ответить	1	2	1	2	7	6
Положительные/ отрицательные	18,7	19,6	27	15,3	2,6	3,1
Число опрошенных	1600	1600	2000	1600	1600	1600

* Опрос населения крупных городов

**В формулировке "Какие чувства вызывает у вас политика России в отношении Украины?"

Возможно несколько ответов"

Диаграмма 5

О ЧЕМ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ?

О том, что Россия возвращается к своей традиционной роли "великой державы", утверждает свои интересы на постсоветском пространстве

О растущем авантюризме российской власти, стремящейся отвлечь население от реальных социальных и экономических проблем, коррупции, недовольстве властями в самой России

Затрудняюсь ответить

мерах, наступит по мере ухудшения материального положения в стране и принудительного осознания коллективной ответственности россиян за одобрение политики властей. Россия испытывает колоссальный дефицит моральной ясности в таких вопросах, отсюда — возникает необходимость информационной работы, разъясняющей суть политики санкций. Время взаимных контактов, партнерства в сфере культурного обмена, взаимных образовательных программ, взаимодействия организаций гражданского общества европейских стран и России в области экологии, благотворительности и т.п. прошло — российское руководство резко ограничивает подобные отношения, делая ставку на изоляционизм, «замораживание» процессов глобализации и развития открытого общества.

Четвертая фаза развития украинского конфликта — июнь по настоящее время. Она характеризуется ожесточенными боями крайне слабой украинской армии с сепаратистами, попытками отрезать их от российской границы, через которую идет снабжение их оружием, военной техникой, боеприпасами, нарастающими потоками беженцев из зоны столкновений и обстрелов, и, наконец, уничтожением малайзий-

ля, как он ранее фактически стерпел захват грузинских территорий (Абхазии, Южной Осетии) и постепенное их присоединение к России. (Это, в свою очередь, оказалось стимулом нынешних действий Кремля в Украине)¹.

Но этого не случилось, и уже через полгода, начиная с октября текущего года, население России стало ощущать на себе последствия этой политики: санкции ускорили спад экономики, начавшийся еще в прошлом году, и сползание ее к состоянию стагнации. Быстрее всего и с особой тревогой ощутили на себе их воздействие наиболее обеспеченные и успешные группы населения — городской средний класс, сильнее зависящий от импорта товаров и продовольствия, чем бедная провинция, потребляющая в основном более дешевую и менее качественную отечественную продукцию. Быстро набирающая темпы инфляция, инициированная ответными санкциями правительства, съедает сбережения и доходы населения. Бизнес (особенно малый и средний, менее защищенный, чем крупный, аффилированный с властью) погрузился во мрак, будучи отрезанным от западных кредитов и доступа к новейшим технологиям, и невольно задумывается

Диаграмма 6

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СТОИТ ЗА ДЕЙСТВИЯМИ РОССИЙСКОГО РУКОВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ КРЫМА И УКРАИНЫ?

ского лайнера, вызвавшее возмущение в мире и новую волну санкций против российского руководства.

Реакция западных стран, при всей их медлительности и трудностях согласования общих действий, оказалась для путинского режима неожиданной. Путин предполагал, что Запад так или иначе «проглотит» новую политику Крем-

¹ Явный перелом в отношении к российскому режиму произошел после сбитого малайзийского Боинга. Как бы не колебались руководители европейских государств, не желающие втягиваться в длительную конфронтацию с Россией, общественное мнение в их странах, потрясенное не только самой катастрофой, но и наглостью, глупостью и лживостью позиции российского правительства, возмущенное этим, вынудило пойти на демонстративные шаги — признать виновной Россию за аннексию части украинской территории, нарушение суверенитета другой страны, провоцирование конфликтов, участие российских войск и тяжелой военной техники в боях в Донбассе.

Таблица 45

КАК ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧЕМ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ОБЪЯСНЯЕТСЯ СТРЕМЛЕНИЕ НЫНЕШНЕГО РУКОВОДСТВА УКРАИНЫ К СБЛИЖЕНИЮ С ЕВРОПОЙ И НЕЗАВИСИМОСТИ ОТ РОССИИ?

Отторжением от России, которая превратилась в недемократическую, неразвивающуюся страну	3
Украинцы хотят преодолеть советское прошлое, не могут забыть о Голодоморе, о репрессиях, притеснениях украинской культуры и языка, а союз с Россией тянет ее назад в это прошлое	6
Украинцы верят в то, что именно сближение с Европой сделает их страну демократичной, процветающей и свободной	26
Украина стала марионеткой в руках Запада и США, проводящих антироссийскую политику	52
Украинцы никогда не любили русских	10
Другое	<1
Затрудняюсь ответить	3

2014 г., август

Диаграмма 7

ЧЕМ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВЫЗВАНЫ НЫНЕШНИЕ ДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К УКРАИНЕ?

о позднем советском времени, когда такие же санкции привели к деградации производства.

После введения третьей волны санкций и осознания политическим классом, что Россия оказалась в состоянии международной изоляции, пропаганда для сохранения доверия и массовой поддержки руководства страны стала противопоставлять Западу Китай как ориентир и модель успешного, но недемократического национального развития. Население убеждали в возможности вступления с Китаем в более

тесные отношения, возможно даже — образование своего рода союза против Запада. Хотя самые компетентные группы, члены экспертного сообщества встретили эту идею крайне скептически, общественное мнение на такое предложение откликнулось довольно охотно: отношение к Китаю с каждым годом, или даже — с каждым месяцем, становится все более позитивным (о положительном отношении к Китаю в ноябре заявили уже 75%). Прежние страхи перед китайской экспансией, в первую очередь —

на Дальнем Востоке и в Сибири, почти ушли, а мощь растущего гиганта внушает уважение россиянам, испытывающим преклонение перед силой самой по себе, вне ее моральных оценок. Улучшение образа Китая в глазах россиян при этом никак не связано со степенью информированности или знакомства с реалиями китайской экономики или политической организации, скорее — наоборот, чем меньше знают, тем лучше относятся.

Таблица 46

ОТКУДА ВЫ УЗНАЕТЕ О СОБЫТИЯХ В УКРАИНЕ И КРЫМУ?

	2014				
	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
Телевидение	94	92	91	94	93
Друзья, родные, соседи	21	24	26	27	25
Интернет-издания (сайты газет, журналов, информационные порталы)	16	22	17	18	17
Радио	12	13	11	15	11
Социальные сети Интернета	9	12	10	11	12
Газеты	9	11	9	11	8
Журналы	1	3	2	2	2
Другое	<1	1	1	1	<1
Не интересуюсь этим	1	1	1	1	1

Возможно несколько вариантов ответа

Информационная война

Основным источником информации сегодня в России является телевидение. Существовавшие ранее альтернативные телевизионные каналы были в последние месяцы под разными предлогами закрыты или нейтрализованы. Конструкция реальности в массовом сознании складывается преимущественно под воздействием именно телевизионной пропаганды, комбинирующей различного рода видеоматериалы с крайне тенденциозной их интерпретацией, монтажом и намеренными фальсификациям.

Вместе с тем, ясности понимания того, что происходит в Украине, у абсолютного большинства россиян (75-77%) так и не появилось (а именно это обстоятельство может считаться признаком априорной, не нуждающейся в проверке установки, своего рода «упрямство», настаивание на своем при известной степени сознания возможной неправоты). Понятно, что такая «априорность» не является «естественной» установкой, исходящей из «жизненного мира» респондента, это — прямое следствие суггестивного непрерывного действия телевизионной пропаганды, не позволяющей оглушенному реципиенту прийти в себя и критиче-

ски оценить характер подачи информационных материалов¹.

Проблема эффективности антиукраинской пропаганды заключается не только в особой интенсивности ее ведения (не имеющей аналогов в постсоветское время), но и в том, почему люди внимают ей, хотя и слушать это? Казалось бы, что у россиян, переживших крах советской системы и на себе, на собственном опыте, знающих цену лжи и дезинформации, исходящей

от государства, должно было бы выработаться недоверие или противоядие по отношению к пропаганде. Что же такого они вдруг услышали, что позволило им преодолеть или, точнее, «взять в скобки», привычное недоверие к демагогии властей? Значительная часть россиян, как показывают материалы массовых опросов общественного мнения, признают заинтересованность властей в таком тенденциозном освещении событий в Украине, односторонней подачи информации, но, считают, что власти поступают правильно, так, как и следует поступать и говорить в подобных ситуациях.

Доля сомневающихся, под влиянием усиливающегося и становящегося все более агрессивным коллективным мнением «большинства», осознанием себя «это - мы», быстро растаяла, образовав маргинальное и растерянное меньшинство. Пропаганда усилила межличностный обмен информацией: в возбужден-

¹ Западные аналитики, изумленные таким эффектом ТВ, постоянно спрашивают, как так могло случиться, что русский народ, прошедший через идеологическую обработку коммунистического аппарата, ясно понимающий цену демагогии официальных лиц и государственной пропаганды, так легко купился на нынешнюю дезинформацию? Ответ может быть только один: пропаганда никого не может убедить, если только люди сами не хотят быть убежденными.

ном обществе люди, встревоженные угрозой большой войны (перспективой перерастания столкновений сепаратистов с регулярными частями украинской армии в полномасштабную гражданскую войну и — в меньшей степени — в мировую войну) стали чаще и больше обсуждать между собой полученную из телевидения тенденциозную информацию, что, однако, вело не к большей критичности ее восприятия или ее осмыслению, а, напротив, к повторению и тем самым — к догматическому закреплению ее в коллективном сознании. Здесь важен сам факт непрерывного давления формируемого официозом «общего мнения» на аморфное и пассивное сознание обывателей, лишенных альтернативных коммуникативных средств и независимой от власти интерпретации происходящего. ТВ в силу своего монопольного положения оказывается не просто наиболее мощным, но и наиболее авторитетным СМИ, по отношению к которому все остальные каналы информации выступают как дополнительные. Добавлю, что обращение к Интернету или к независимым изданиям характерно в первую очередь лишь для населения крупнейших го-

родов (в село или в малые города, в которых в целом проживают около 2/3 населения, они не попадают). Критичность восприятия официоза медленно, но систематично снижается (табл. 49). Ранее присущие отдельным социальным группам различия в восприятии и оценки информации, обусловленные величиной социального капитала, уровнем культуры и образования, доступом к разнообразным источникам информации, в последние месяцы стремительно стирается. Различий, еще год назад казавшихся существенными, в понимании происходящего между населением мегаполисов, ориентированным на модернизацию страны, и, например, малых городов, настроенным очень консервативно, сегодня нет. Установился общественный консенсус в отношении к власти и ее оппонентам.

Напротив, деятельность зарубежных (украинских, европейских, американских и т.п.) СМИ, дающих существенно иную трактовку происходящему в Украине и действиям России, расценивается как предвзятая, тенденциозная, враждебная и необъективная — так считают 66% опрошенных россиян (21% затрудняются

Таблица 47

СЛЕДИТЕ ЛИ ВЫ ЗА ПОСЛЕДНИМИ СОБЫТИЯМИ В УКРАИНЕ?

	2013	2014									
	дек.	январ.	февр.	март	апр.	май	июнь	июль	авг.	нояб.	дек.
Очень внимательно	4	9	13	18	12	12	20	16	15	15	13
Довольно внимательно	21	35	44	46	48	46	45	48	49	37	35
Без особого внимания	40	40	31	29	30	34	29	29	30	36	41
Совершенно не слежу	17	10	9	4	10	8	6	5	6	11	9
Ничего не слышал (а) о них	18	6	4	3	1	1	1	1	1	1	1

Таблица 48

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ СКАЗАТЬ, ЧТО РАЗБИРАЕТЕСЬ В ЭТИХ СОБЫТИЯХ? (в % к числу тех, кто следит за этими событиями)

	2014						
	март	апр.	май	июнь	июль	август	
Очень хорошо	3	7	4	6	8	7	6
Довольно хорошо	26	36	31	30	33	37	34
Не слишком хорошо	53	45	50	49	47	45	48
Совершенно не разбираюсь в этих событиях, не знаю, чему верить, а чему нет	15	10	12	12	10	8	9
Затрудняюсь ответить	3	2	3	3	3	3	4

Таблица 49

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НАСКОЛЬКО ОБЪЕКТИВНО ОСВЕЩАЮТ СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ, В КРЫМУ РОССИЙСКИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ?

	2014				
	март	апрель	май	июнь	июль
В целом объективно + по большей части объективно	63	70	70	79	74
Не слишком объективно + совершенно необъективно	29	20	21	14	17
Затрудняюсь ответить	9	10	9	7	10

оценить адекватность их подачи материалов, 14% считают ее «объективной»¹.

На вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что в последние месяцы российские федеральные СМИ ведут против Украины информационную войну, и если да, то как вы к этому относитесь?», 17% опрошенных сказали «да», но считают такую политику «правильной и оправданной ситуацией в Украине»; 12% согласны с высказанным суждением, но оценивают это обстоятельство негативно («опасная и вредоносная политика»), но большинство — 54% опрошенных — полагает, что СМИ дают объективную картину событий в Украине (август 2014 г.).

Эскалация военных действий на юго-востоке Украины основной массой российского населения (от 64 до 77%) рассматривается как результат вмешательства Запада. Участие в этом России, включая и непосредственные действия российских войск, нехотя признается, но оценивается скорее позитивным образом; двусмысленность самих этих оценок не принимается во внимание. Более половины опрошенных (55%) считают необходимым оказание поддержки пророссийски настроенным силам в этом регионе Украины. Можно отметить определенное замешательство массового сознания в случаях, когда оно сталкивается с очевидной коллизией. Признание очевидных фактов (например, участие в боях с сепаратистами на востоке Украины российских военнослужащих или использование тяжелой военной техники — танков, бронетранспортеров и ракетно-зенитных комплексов), противоречит общепринятым нормами морали и права, которые требуют отказа от незаконного применения силы, признания неприкосновенности границ другого государства) и вступает в конфликт с желанием выразить символическую поддержку действиям руководства

¹ То же самое касается и мнений о выступлениях наблюдателей ОБСЕ (вслед за российским ТВ, большинство опрошенных — 58% — согласны с тем, что они освещают события в Украине «предвзято, отражая только точку зрения украинских властей и игнорируя мнение населения юго-восточных регионов Украины», как «объективными и беспристрастными» их мнения расценивают лишь 19% населения).

страны и испытываемому удовлетворению от сознания силы и военного превосходства России над слабой украинской армией. Общественное мнение начинает в этих случаях путаться и метаться, сознавая, что государственная ложь целесообразна с точки зрения «национальных» или «государственных интересов».

Возмущение (скрываемое, подавляемое) поведением украинцев, которые перекинулись в Европу, обусловлено, с одной стороны, завистью (не мы движемся в Европу, хотя мы тоже хотим жить как на Западе, но не можем; не можем даже признаться себе в этом, хотя ясно понимаем, что не способны быть такими, как люди на Западе), с другой стороны — разрешением на агрессию в отношении к ним, оправданную тем, что они — это «фашисты, нацисты, каратели, хунта, бандеровцы, русофобы, ультра-националисты» и т.п.² Есть латентное понимание собственной недееспособности, ущербности, аморальности, что россияне недостойны жить как на Западе, но это понимание не может быть никогда эксплицировано. Поэтому — единственный «выход» — убрать сам источник раздражения. Провоцируемая пропагандой (санкционируемой авторитетом власти) злоба и ненависть к Западу, прежде всего — к США как символическому противнику не тождественна враждебному отношению к конкретной стране или странам (данные опросов хорошо иллюстрируют эту раздвоенность). Речь идет скорее об амбивалентном отношении (притяжении/ненависти) к виртуальному ценностному образу, воплощению всего того, что российский обыватель хотел бы иметь у себя в стране, но не может. Сознание невозможности оборачивается желанием опорочить и снизить привлекательность обладателя этих благ, унижить западные страны. Российский политический класс совершенно инструментально, то есть вполне сознательно и демагогически экс-

² Отношение россиян к украинцам в последние месяцы приобрело отчетливо неприязненный, если не сказать — враждебный характер. Отношение украинцев к русским — заметно более благоприятное и позитивное.

плуатирует этот массовый рессентимент для укрепления своего авторитета и легитимности. Отсюда — старательные поиски и ежедневные усилия пропаганды по донесению до населения какой-нибудь гадости в западной жизни (преступлений, катастроф, сплетен и т.п.). В этом плане и сама поддержка власти, режима в значительной степени связана не с тем, что власть «хорошая» (тут как раз никаких иллюзий нет), а с тем власть предрежащие «правильно» ведут себя, то есть именно так, как это отвечает ожиданиям, потребности и привычкам обывателя: они «гасят» Запад самым прямым и откровенно хулиганским образом, демонстрируя свою наглость и кураж, примерно так как это проявляется у зачинщиков толпы при погромах. Патернализм (государственный патернализм) в сегодняшних условиях требует (для своего сохранения) интенсивного выражения антизападных настроений как средства подавления крайне болезненного комплекса национальной неполноценности, непреодолимой отсталости и канализации осознаваемой злобы, неприязни к Западу, заставляющего нас думать о себе так плохо.

Сбитый самолет

Сообщение информационных агентств от 17 июля о катастрофе над Украиной малайзийского Боинга оставило равнодушным большую часть российского населения, пребывающего в состоянии возбуждения, эйфории и коллективной гордости, вызванного аннексией Крыма. Лишь 16% россиян отметили ее в списке важнейших событий прошедшей недели. Россиян сильнее взволновали авария в московском метро, повлекшая гибель людей, бои между сепаратистами и украинской армией в восточных регионах Украины, западные санкции против России и чемпионат мира по футболу и т.п. Однако возмущение мировой общественности, обвинявшей Россию в причастности к этой трагедии, заставило Кремль защищаться, а российские СМИ — уделить этой катастрофе больше внимания. Телевидение и самые тиражные газеты и другие информационные каналы, находящиеся сегодня полностью под контролем президентской администрации, яростно отвергали всякую мысль об ответственности России. В информационное пространство России вбрасывалось множество противоречащих друг другу версий происшедшего, подчас весьма абсурдных¹, но сохраняющих свою антиукраинскую

¹ Выступления донецких «наблюдателей», «видевших своими глаза-

направленность, что создавало путаницу в головах обывателей и подавляло их способность к критическому восприятию текущих событий.

Проведенный через две недели после катастрофы самолета общероссийский репрезентативный опрос населения зафиксировал такое понимание этих событий, которое, собственно, и хотели вызвать в общественном мнении кремлевские политтехнологии: массовое сострадание жертвам, негодование и возмущение действиями украинского руководства, отсутствие какого бы то ни было чувства вины или ответственности России за гибель людей и вообще за происходящее в Украине (табл. 50).

Таблица 50

КАКИЕ ЧУВСТВА У ВАС ВЫЗВАЛА КАТАСТРОФА МАЛАЙЗИЙСКОГО БОИНГА, СБИТОГО БОЕВОЙ РАКЕТОЙ НАД ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТЬЮ (В % от тех, кто слышал о падении - 91% всей выборки)

Негодование	27
Страх	13
Сострадание	64
Чувство вины	1
Никаких особых чувств	9
Затрудняюсь ответить	2

2014 г., июль, возможно несколько ответов

И политическую, и военно-техническую ответственность россияне возлагали исключительно на украинцев. Всего 1-2% опрошенных обвиняли в этом преступлении сепаратистов, поддерживаемых Россией. Ни факты мародерства на месте падения лайнера или препятствия в доступе международных специалистов, расследовавших обстоятельства катастрофы, ни записи переговоров боевиков о сбитым ими гражданском самолете, ни какие-либо другие нежелательные детали не принимались во внимание общественным мнением. В какой-то степени такое понимание массами этого события может объясняться тем, что нежелательная для властей информация просто не попадала в эфир российского телевидения или на страницы пе-

ми» преследование лайнера украинским штурмовиком, подтвержденные заявлениями российского Генштаба, лишь укрепляли сложившиеся негативные установки по отношению к украинцам и предубеждения против любой иной версии и информации, исходящей от оппонентов. В ходу какое-то время были, например, такие версии: Боинг сбит по ошибке, поскольку целью украинцев, якобы, был самолет, на котором летел Путин; малайзийский самолет сбит по наводке американцев; это была намеренная провокация украинских спецслужб, которые хотели таким образом дискредитировать Россию в глазах мировой общественности; на борту самолета произошел теракт и т.п.

чатных изданий, подвергаемых жесткой цензуре, либо она поступала в таком изложении, которое меняло смысл происшедшего. Но более важным обстоятельством, как нам представляется, оказалось упорное нежелание людей слышать то, что они не хотели бы слышать, сознательное сопротивление и селекция поступающей информации. Эту сторону общественно-го мнения можно назвать защитной функцией «глупости». Начиная с января 2014 года, обсуждение актуальных событий и проблем стало возможным только в некоторых интернет-изданиях и социальных сетях, еще сохраняющих независимость от Кремля.

Вместе с тем у населения сохраняются сильные опасения о том, что противостояние можете перерасти в войну между бывшими «братскими народами и соседями». Поэтому первоначальная готовность одобрить введение российских войск на украинскую территорию сменяется более осторожным отношением, склонностью к менее откровенным формам аннексии, например, признать эти территории «новым государством» (по модели Абхазии или Южной Осетии), но не присоединять их к России. Из тех, кто слышал об идее создания «Новороссии», 38% опрошенных её поддерживают, против – 15%.

Россияне готовы поддержать высшее руководство страны даже при негативном повороте событий (перерастания конфликта в открытую войну с Украиной), хотя число сторонников такого «решения» снизилось с 74 в марте до 41% в августе (а число дистанцирующихся от этого выросло, соответственно, с 13 до 44%).

К августу эйфория от присоединения Крыма постепенно начала спадать. Последствия от включения Крыма в состав России по-прежнему оцениваются позитивно, но уже не так, как это было два месяца назад. Патриотическая мобилизация слабеет под влиянием нескольких факторов, в том числе и чисто психологической усталости от постоянной про-

пагандисткой «накачки» и мобилизации. Но главным все же является отрезвляющее действие санкций, первый эффект которых выразился в росте потребительских цен, инфляции и исчезновении целого ряда продуктов, на которые российское правительство ввело эмбарго в ответ на европейские и американские санкции. Готовность лично нести ответственность и расходы за Крым проявили незначительное число россиян (что удивительно, даже если учитывать декларативный характер подобных ответов): «в полной мере» лишь 5-8% опрошенных; не хотят, открыто или под разными предлогами, не менее половины респондентов.

Эффект санкций

Введение западных санкций против России вызвало у некоторой части российского населения недоумение, переходящее в возмущение, но большинство опрошенных не были в состоянии осознать все последствия этих мер. Такую реакцию Запада на события в Крыму население расценило как мотивированное враждебным отношением к России, стремление воспользоваться моментом для оказания давления на нее (58%), непониманием реальной ситуации в Украине (20%) и лишь 13% опрошенных считали, что причина санкций – осуждение аннексии Крыма, захват чужой территории, нарушение норм международного права (остальные затруднились с ответом). Разговор о морали и значимости международных соглашений, права, государственном суверенитете и т.п., равно как и о недопустимости применения силы как способе решения политических разногласий, неприемлемости агрессии или пересмотра границ между странами и т.п. российское общество воспринимало как демагогию, поскольку практически полностью разделяло позицию высшего руководства страны о «праве силы», то есть те принципы политики, которые признавали в СССР. Кремлевские пропагандисты связывали введение санкций с традиционной

Таблица 51

КТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ, ЛЕТЕВШИХ НА МАЛАЙЗИЙСКОМ АВИАЛАЙНЕРЕ?
(В % от тех, кто слышал о падении – 91% всей выборки)

Руководство Украины, продолжающее боевые действия на востоке Украины	50
Украинские военные	45
США	20
Ополченцы Донецкой народной республики	2
Россия, помогающая ополченцам вооружением и обученными военными кадрами	1
Другое	2
Затрудняюсь ответить	11

2014 г., июль, возможно несколько ответов

русофобией Запада, в основе которой, как они утверждали, лежит страх перед мощью (возрождающейся) России и нежелание иметь сильного конкурента. Такие объяснения легко принимались большей частью населения, воспринимавшего мир исключительно как поле борьбы хищников, где сила является эквивалентом «правды».

Было выдвинуто несколько аргументов, почему эти санкции не окажут негативного воздействия на повседневную жизнь россиян. Они были не слишком логически связаны друг с другом, подчас весьма противоречивы, но действенны, поскольку их убедительность основана не на рациональной обоснованности, а на двух важнейших ценностных посылах, определяющих образ мыслей постсоветского человека: а) «Запад враждебен нам», б) за политику (принимаемые высшим руководством решения) должно отвечать «начальство», власти, а не мы», рядовые граждане, маленькие люди.

Первоначальная (не слишком серьезная) обеспокоенность перспективой международной изоляции или негативным влиянием на повседневную жизнь населения от месяца к месяцу уменьшалась (с 56% в марте) до 32% (в ав-

густе). Объяснение такому отношению следует искать, во-первых, в крайне двусмысленном и противоречивом характере самих ограничений. Во-вторых, в полном непонимании россиянами того обстоятельства, что санкции — это не однократные заявления, а целый набор мер (политических, экономических, юридических, организационных), влияние которых будет сказываться не сразу, но чем дальше, тем сильнее. Пока же это воспринимается как обычная политическая риторика, обмен дипломатическими угрозами, цену которых, по мнению, россиян не стоит преувеличивать.

Истерически принятые ответные «анти-санкции» России против тех стран, которые объявили о санкциях по отношению к российским компаниям, чиновникам и политикам, виновным в агрессии против Украины и нарушении ее суверенитета, поддерживают 72-76%; против такой политики высказались всего 12-18% россиян (остальные затруднились с ответом). И это несмотря на то, что в августе свыше 60% россиян отметили скачок цен на потребительские товары и общий рост инфляции. Исключением в этом плане следует считать реакцию российского среднего класса, который

Таблица 52

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ПО ПОВОДУ ПОЛИТИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЫ (ДОНЕЦКОЙ, ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)? КАКОЙ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ ВАРИАНТОВ ВЫ БЫ ПРЕДПОЧЛИ?

	2014		
	Апрель	Май	Август
Чтобы восток Украины стал частью Российской Федерации	35	26	21
Чтобы восток Украины стал независимым государством	25	36	40
Чтобы восток Украины оставался частью Украины, но получил большую независимость от Киева	21	17	18
Чтобы восток Украины оставался частью Украины на тех же условиях, как это было до кризиса	6	6	6
Затрудняюсь ответить	13	15	16

Таблица 53

ОПАСАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ, ЧТО НЫНЕШНИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ С УЧАСТИЕМ РОССИЙСКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ МОГУТ ПЕРЕРАСТИ...

	В затяжную гражданскую войну		В войну между Россией и Украиной		В третью мировую войну	
	2014					
	июнь	июль	июнь	июль	июнь	июль
Есть большие опасения	36	36	26	26	21	21
Есть некоторые опасения	48	46	42	40	33	31
Нет особых опасений	9	10	19	23	23	27
Нет никаких опасений	2	3	7	6	15	13
Затрудняюсь ответить	6	5	6	5	9	8
Сумма ответов «опасаются»	84	82	78	66	54	52

Таблица 54

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА ПОТРЕБУЕТ ОТ РОССИИ ОЧЕНЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ВЛОЖЕНИЙ И ИНВЕСТИЦИЙ, БРЕМЯ КОТОРЫХ МОЖЕТ ЛЕЖЬ И НА ОБЫЧНЫХ ГРАЖДАН СТРАНЫ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РОСТА ЗАРПЛАТ И ПЕНСИЙ, СОКРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ, РОСТА ЦЕН И Т.П. В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ ЛИЧНО ГОТОВЫ ЗАПЛАТИТЬ ТАКУЮ ЦЕНУ ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА?

	2014					
	Март	Апрель	Май	Июль	Август	Декабрь
В полной мере	7	5	5	8	5	7
В значительной мере	19	12	15	11	12	12
В какой-то мере	33	29	28	28	33	30
Совершенно не готов	19	30	28	32	28	31
Не считаю, что это бремя ляжет на обычных граждан	17	19	19	16	16	14
Затрудняюсь ответить	6	5	5	4	6	7

Таблица 55

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧЕМ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБЪЯСНЯЕТСЯ РЕАКЦИИ ЗАПАДА НА СОБЫТИЯ В КРЫМУ И НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ?

	2014		
	март	август	декабрь
Враждебным отношением к России, стремлением воспользоваться моментом для оказания давления на Россию	58	58	67
Осуждением аннексии России чужой территории, нарушением норм международного права	13	13	12
Непониманием реальной ситуации на Украине	20	18	12
Затрудняюсь ответить	10	10	8

гораздо серьезнее отнестся к этим действиям Запада, особенно после расширения санкций и ответных действий правительства¹. И, наконец, в-третьих, может быть, самое важное, это — глубоко сидящее в массовом сознании отчуждение от политики, а значит — отказ от признания своей ответственности за происходящее, возложение всей полноты на тех, у кого власть. «Мы здесь не причем» — важнейшая формула пассивной адаптации масс к репрессивному государству и совершаемых им преступлений. Но одновременно это сопровождается возмущением и обидой на тех, кто является источником санкций — моральных и правовых. Это важнейший механизм отказа от ответственности (оборотная сторона патерналистского, зависимого сознания, опыта существования в закрытом обществе), сохранения социальной инфантильности и лояльности к власти.

Разорванность или двоемыслие патерналистского посттоталитарного сознания наиболее полно проявляется в этих реакциях на санкции: с одной стороны, население декларирует,

¹ Помимо нервной реакции бизнеса на санкции, выразившейся в резком усилении оттока капитала из страны, беспокойство проявил городской средний класс. В целом же, лишь четверть опрошенных признала, что санкции могут создать проблемы для них самих и жизни их семьи.

что властям необходимо продолжать действовать так, как они действовали в Украине до сих пор, с другой — жалуется, что не готовы к ухудшению собственного материального положения, вызванного этой политикой и ответными действиями западных стран, настаивающих на принципах послевоенного мира — соблюдения правовых норм международных отношений, суверенитета других стран, отказа от провокационных действий в отношении соседей и т.п. 28-30% готовы все перетерпеть «ради державы», 62% не хотят и не готовы (сентябрь — декабрь 2014 года). Тем не менее, негативный эффект от реакции мирового сообщества непрямым образом, медленно, но действует. Поддержка силовой тактики путинского руководства в Украине весьма значительна, хотя от месяца к месяцу постепенно снижается и растет неодобрение такой политики (в особенности — у представителей среднего класса России, более обеспеченного, информированного и лучше понимающего негативные последствия международной изоляции страны): за три месяца уровень поддержки снизился с 74 до 55%; неодобрение, напротив, выросло с 13 до 29%.

Иррационализм общественного мнения подобного рода непосредственно указывает

на механизмы блокировки осмысления происходящего и отсутствие развитой системы общественных коммуникаций, замедление скорости всех процессов внутри общества, что собственно и составляет часть многообразных

механизмов блокировки и консервации эволюционных процессов на посттоталитарном пространстве.

Санкции стали не причиной, но катализатором кризисных явлений в экономике России,

Таблица 56

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КОГО РЕАЛЬНО ЗАТРАГИВАЮТ НЫНЕШНИЕ САНКЦИИ СТРАН ЗАПАДА?

	2014			
	май	июнь	июль	август
Только узкий круг людей, отвечающих за российскую политику в отношении Украины	63	52	59	53
Широкие слои населения России	24	34	34	38
Затрудняюсь ответить	13	14	9	9

Таблица 57

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ПРОТИВ КОГО НАПРАВЛЕННЫ НЫНЕШНИЕ САНКЦИИ СТРАН ЗАПАДА?

	2014			
	май	июнь	сентябрь	декабрь
Против широких слоев населения России	27	31	41	54
только против узкого круга людей, отвечающих за российскую политику в отношении Украины	42	35	30	15
Руководство стран Запада не задумывается о том, в какой мере их санкции затрагивают широкие слои населения России	19	22	21	21
Затрудняюсь ответить	13	12	8	10

Таблица 58

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, КОГО РЕАЛЬНО ЗАТРАГИВАЮТ НЫНЕШНИЕ САНКЦИИ СТРАН ЗАПАДА?

	2014				
	май	июнь	июль	август	декабрь
Только узкий круг людей, отвечающих за российскую политику в отношении Украины	63	52	59	53	29
Широкие слои населения России	24	34	34	38	62
Затрудняюсь ответить	13	14	9	9	9

Таблица 59

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, К ЧЕМУ ПРЕЖДЕ ВСЕГО СТРЕМЯТСЯ СТРАНЫ ЗАПАДА, УЖЕСТОЧАЯ САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ?

	2014, сентябрь	2014 декабрь
Ослабить и унижить Россию	71	72
Восстановить геополитическое равновесие, нарушенное присоединением Крыма к России	18	14
Остановить войну, разрушения и гибель людей на Востоке Украины	4	6
Затрудняюсь ответить	8	7

Таблица 60

КАК, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ДОЛЖНА ДЕЙСТВОВАТЬ РОССИЯ В ОТВЕТ НА САНКЦИИ СТРАН ЗАПАДА?

	2014 сентябрь	2014 декабрь
Продолжать свою политику, невзирая на санкции	68	66
Искать компромисс, идти на уступки, чтобы уйти из-под санкций	22	24
Затрудняюсь ответить	10	11

вступив в резонанс с падением цен на нефть и обесцениванием национальной валюты. Практически за месяц доходы и рублевые сбережения россиян сократились почти вдвое, что повергло население в состояние весьма мрачных ожиданий. Индексы социальных настроений резко разошлись: прежний фактор, определяющий социальный оптимизм — доверие к власти и ее одобрения — перестал работать: поддержка власти сохраняется, но восприятие будущего стало тревожным.

Э. Паин много раз и совершенно справедливо говорил, что демократического развития (транзита к современности) не может быть без

формирования национальной общности, консолидации населения как нации (понимания под этим, прежде всего — гражданскую нацию). В ходе нашего анализа мы видим, что в нынешней России реализуется другой вариант эволюционного процесса — консервативного патернализма, опирающегося на механизмы негативной идентичности (суверенитет силы, систематическое разрушение альтернативных по отношению к власти оснований для социальной солидарности), деинтеллектуализация населения, понижение морального и человеческого капитала.

АВТОРЫ НОМЕРА

ВОРОЖЕЙКИНА Татьяна Евгеньевна (Левада-Центр)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Левада-Центр)

ЗОРКАЯ Наталья Андреевна (Левада-Центр)

КАШИРСКИХ Олег Николаевич (НИУ ВШЭ)

КОСОВА Лариса Борисовна (НИУ ВШЭ)

ЛЫТКИНА Екатерина Ивановна (НИУ ВШЭ)

МАРКИН Максим Евгеньевич (НИУ ВШЭ)

НИКОЛЮК Сергей Александрович (НИСЭПИ)

ОВАКИМЯН Агелъ Грачиевна (Левада-Центр)

РОСТОВЦЕВ Андрей Африканович (ИППИ РАН, Диссернет)